

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat

Fondator – Agenția Proprietății Publice
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 169 din 21.12.2017

Revista este inclusă în baza științifică internațională
Index Copernicus International (Republica Polonă)

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași), Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 3/2 (327) 2019

Redactor-șef L. Arsene, dr. h. c. mult.

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, profesor universitar (Constanța, România); T. Barzo, doctor hab. în drept, profesor, (Miskolc, Ungaria); V. Bujor, doctor în drept, profesor universitar; Gh. Costachi, doctor hab. în drept, profesor univ.; V. Cușnir, doctor hab. în drept, profesor univ.; D. Garadjaev, doctor în drept, profesor, Judecător la Curtea Constituțională (Bacu, Azerbaidjan); E. Haritonov, doctor hab., profesor, membru cor. al AND (Odesa, Ucraina); E. Ișenco, doctor hab. în drept, profesor (Moscovia, FR); T. Kolomoieț, doctor hab. în drept, profesor (Zaporojie, Ucraina); J. Kovac, doctor hab. în drept, profesor, Universitatea Paneuropeană (Bratislava, Slovenia); A. Lonciacov, doctor hab. în drept, profesor (Habarovsk, FR); V. Stratonov, doctor hab. în drept, profesor (Herson, Ucraina); V. Șepitico, doctor hab. în drept, profesor, membru cor. al AND (Harcov, Ucraina).

Adresa redacției:

Casa presei, et. 5
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 022-233 790;
022-234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua
Index: RM 77030

© Legea și viața

Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

Константин АНТОНОВ, Дмитрий ТИТУЛА. Использование научно-технических средств и методов досудебного расследования уголовных производств.....	3
Василий БОНТЛАБ. Генезис нормативно-правового обеспечения решения трудовых споров (конфликтов) в досоветский период: научно-теоретический аспект.....	9
Владимир ВАСИЛЬЕВ. Правовое регулирование административно-правового механизма противодействия правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности.....	14
Наталия ВАСИЛЬЕВА, Давид ШАТИРИШВИЛИ. Нормативно-правовое регулирование функционирования общественного наземного электротранспорта в Украине.....	18
Николай ВАСЮК. Классификация публичных услуг, предоставляемых субъектам публичной администрации в медицинской отрасли Украины.....	22
Андрей ВОРОБЧАК. Оценка достоверности заключения эксперта в уголовном производстве Украины.....	26
Михаил ГРАБИНСКИЙ. Возникновение финансово-кредитных отношений в международном публичном праве.....	30
Григорий ДЕНИСЕНКО. Реализация иммунитета лица во время дачи показаний в уголовном производстве.....	35
Дмитрий ДУБИНКО. Электронный суд в Украине.....	39
Владимир ЕФИМОВ. Коррупционные преступления и их влияние на формирование инвестиционной безопасности агропромышленного комплекса Украины.....	43
Инна ЕФИМОВА. Направления оперативно-разыскного противодействия контрабанде в Украине: гласный аспект.....	46
Rostislav ZAMKOVIYI. National standardization system in Ukraine: prospects of development.....	49
Алексей КАБАНОВ. Прогрессивная система отбывания наказания осужденными к пожизненному лишению свободы.....	53
Valentina KOZYREVA, Larisa MILIMKO. Establishment of the bankruptcy institution in Ukraine.....	57
Наталия КОЛОМОЕЦ. Основные формы деятельности субъектов административно-правовой защиты прав ребенка в Украине.....	61
Наталья ЛЕБЕДЕВА. «Полиция диалога» и ее роль в проведении мирных собраний.....	66

Anna NAKONECHNAYA. Interaction of human consumption, human rights and positive rights: the current period..... 70

Александра НЕСТЕРЦОВА-СОБАКАРЬ. Кодифицированные акты в системе источников гражданского процессуального права Украины: история и современность 73

Юлия ОСТАПЕНКО. Субъект хозяйствования как базовый элемент хозяйственных правоотношений: проблемы законодательной техники 78

Евгения ПАЛИЙ. Пути совершенствования законодательства, регулирующего упрощенные производства в административном процессе Украины 83

Александр ПИФКО. Конституционно-правовые основы создания профессиональных союзов в Украине и Польше: сравнительный анализ..... 86

Владимир ПРИГЛАДЬ. Деликтные отношения в системе правоотношений, урегулированных административным правом 89

Александр РОЗГОН. Административно-правовой статус субъектов малой приватизации..... 94

Андрей САВИЦКИЙ. К вопросу генезиса становления форм управления многоквартирными жилыми домами 99

Юрий ТИТОВ. Категориально-понятийный аппарат для определения предмета административного права 103

Мариана ТОМА. Некоторые проблемы ресоциализации бывших осужденных 109

Максим ФЕЦИН. Криминалистическая характеристика воров-карманников как классическое выражение преступной «профессии»: история и современность..... 113

Артур ЧЕРЕНКОВ. Предмет преступного посягательства в системе криминалистической характеристики незаконного обогащения 118

УДК 343.341

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Константин АНТОНОВ,

заместитель заведующего кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Научно-учебного института контрразведывательной деятельности
Национальной академии Службы безопасности Украины

Дмитрий ТИТУЛА,

преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Научно-учебного института контрразведывательной деятельности
Национальной академии Службы безопасности Украины

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы правомерности и необходимости использования специальных технических средств в ходе проведения негласных следственных (разыскных) действий; обосновывается необходимость использования консультативной и технической помощи специалиста во время проведения негласных следственных (разыскных) действий.

Ключевые слова: досудебное расследование, негласные следственные (разыскные) действия, технические средства, тактические приемы, специалист.

THE USE OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL MEANS AND METHODS OF ANALYZABLE INVESTIGATION OF CRIMINAL PRODUCTIONS

Konstantin ANTONOV,

Replace the Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics
of the Scientific and Educational Institute of Counterintelligence Activity
of the National Academy of the Security Service of Ukraine

Dmitriy TITULA,

Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics
of the Scientific and Educational Institute of Counterintelligence Activity
of the National Academy of Security Service of Ukraine

SUMMARY

In article the issues of legality and the need to use special technical equipment during the conduct of covert investigative (investigative) actions are considered; the necessity of using the advisory and technical assistance of a specialist during secret investigative (investigative) actions is substantiated.

Key words: pre-trial investigation, covert investigative (investigative) actions, technical means, tactical techniques, specialist.

Постановка проблемы. Решение организационных, кадровых, материально-технических и других проблем с целью проведения эффективного, объективного, полного досудебного расследования преступлений во многом зависит от надлежащего технико-криминалистического обеспечения процесса их расследования, а именно от: разработанности базы новых достижений науки и техники; поисково-познавательных методов проведения следственных (разыскных) и негласных следственных (разыскных) действий; повышения профессиональной подготовки следователей, оперативных сотрудников; соответствующего своевременного обеспечения субъектов

досудебного расследования необходимой научной, методической и другой вспомогательной базой.

В то же время проблема надлежащего технико-криминалистического обеспечения процесса их расследования требует детального рассмотрения особенностей использования специальных технических средств, разработки соответствующих приемов их использования с целью обеспечения негласности конкретных следственных (разыскных) действий.

Состояние исследования. Степень и уровень научного исследования указанных вопросов указывают на то, что проблема использования научно-технических средств и методов с целью

расследования, раскрытия и предупреждения преступлений – одна из важнейших в современной криминалистике, хотя о необходимости «автоматизации и роботизации» досудебного расследования неоднократно говорилось в научных трудах многих ученых в области уголовного процесса, криминалистики. Изучение данной проблемы вызывает живой интерес юристов-практиков. Об этом свидетельствует достаточно большое количество работ, посвященных проблемам внедрения достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве, это научные труды М. Багрий, Р. Белкина, В. Бирюкова, Т. Будко, В. Волынского, И. Горы, З. Кирсанова, В. Лиси-

ченко, С. Митричева, Ю. Орлова, М. Салтевского, В. Нора, С. Кудинова, Н. Погорецкого, О. Ткачук, А. Халикова, Р. Шехавцова и других ученых. Высоко оценивая проведенные ими исследования, необходимо отметить, что в настоящее время не все аспекты указанной проблемы исследованы с необходимой полнотой. Не является исключением и проблематика, связанная с использованием технических средств при проведении негласных следственных (разыскных) действий (далее – НСРД).

Анализ теоретических и практических наработок в области криминалистики и уголовного процесса по этим вопросам указывает на потребности в новых криминалистических разработках положений и средств криминалистической техники, рекомендаций по тактике проведения НСРД, использования в уголовном производстве материалов, полученных в ходе осуществления НСРД, что является актуальным и практически значимым. Актуальными считаем и предложения о возможности и необходимости использования научно-технических достижений, криминалистической и специальной техники при проведении НСРД.

Изложение основного материала. По мнению авторов, применение научно-технических достижений позволит эффективно, объективно, быстро проводить досудебное расследование и раскрывать преступления. Сегодня невозможно переоценить значение в развитии криминалистики последних достижений в области электроники, кибернетики, информатики. Развитие криминалистической техники находится в прямой зависимости не только от научно-технического, но и от общественного прогресса. Определенный уровень развития общества и общественных отношений предоставил пространство для развития науки и техники, вместе с тем все значимее становится проблема борьбы с преступностью.

Сегодня при расследовании преступлений практически всегда используются различные электронные приборы, видео- и аудиоаппаратура, другие специальные приспособления, без которых нельзя получить данные, имеющие значение для досудебного расследования. Без достижений в области газовой хроматографии, масс-спектрометрии,

атомного абсорбционного, структурного и других методов анализа, без создания соответствующей специальной криминалистической техники криминалисты не имели бы сегодня в своем распоряжении высокочувствительные инструментальные методы исследования следов преступлений и других вещественных доказательств.

Введение в отечественную систему уголовного судопроизводства НСРД как отдельного института процессуальных действий, проводимых во время досудебного расследования в уголовном производстве, является важной процессуальной новацией. Негласность проведения существенно влияет на определение видов НСРД, особенности процессуальных требований к ним; разработку специфических тактических приемов и тактико-криминалистических рекомендаций по их проведению; на порядок взаимодействия их участников; применение технико-криминалистических и специальных технических средств, использование полученных результатов в доказывании во время досудебного расследования и судебного разбирательства [1, с. 5]. В г. 21 Уголовного процессуального кодекса (далее – УПК) Украины законодатель употребляет термин «технические и другие средства», однако не раскрывает его содержания. Так, в ч. 1 ст. 252 УПК Украины детально регламентируется особая уголовная процессуальная форма проведения и фиксации НСРД, приведен исчерпывающий перечень источников искомых сведений. По результатам проведения НСРД составляется протокол, к которому, в случае необходимости, прилагаются дополнения.

В ч. 2 ст. 252 УПК Украины отмечено, что проведение НСРД может фиксироваться с помощью технических и других средств. Ч. 1 ст. 256 УПК Украины определено, что протоколы о проведении НСРД, аудио- или видеозаписи, фотоснимки, другие результаты, полученные с помощью применения технических средств, изъятые во время их проведения вещи и документы или их копии могут быть использованы в доказывании на тех же основаниях, что и результаты проведения других следственных (разыскных) действий. Хотя в ст. 258 УПК «Общие положения о вмешательстве в частное общение»

законодатель и не ведет речь о применении технических или иных средств, однако совершенно ясно, что осуществление таких видов вмешательства в частное общение, как аудио-, видеоконтроль лица; осмотр, выемка и арест корреспонденции; снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей; снятие информации с электронных информационных систем, возможно только путем применения специальных технических средств. Только в ч. 2 ст. 262 УПК Украины «Осмотр и выемка корреспонденции» указано, что при необходимости лицом, производящим осмотр почтовой-телеграфной корреспонденции, может быть принято решение о нанесении на выявленные вещи и документы специальных отметок, оборудование их техническими средствами контроля.

В ч. 3 ст. 263 УПК Украины отмечается, что снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей заключается в проведении с применением соответствующих технических средств наблюдения, отбора и фиксации содержания информации, которая передается лицом и имеет значение для досудебного расследования, а также в получении, преобразовании и фиксации различных видов сигналов, передаваемых по каналам связи.

Определение характера НСРД, необходимость применения при этом технических средств, криминалистических приемов и методов, избрание порядка осуществления этих мероприятий законодатель возлагает непосредственно на следователя, который осуществляет досудебное расследование преступления, или, по его поручению, – на соответствующие уполномоченные оперативные подразделения. По решению следователя или прокурора к проведению НСРД могут привлекаться также другие лица (ч. 6 ст. 246 УПК Украины). Существенным фактором, влияющим на познавательную деятельность следователя при проведении НСРД, является состав субъектов, участвующих в их проведении: как активных участников этого процесса (следователь, оперативные сотрудники, которым поручено проведение НСРД), так и лиц, содействующих ему. Следует особо отметить роль специалиста. Деятельность этого субъекта уголовного процесса может быть как исследова-

тельской, когда специалист применяет свои знания и навыки для выявления информации (ст. 266 УПК Украины), непонятной следователю, так и технической, когда он только способствует следователю в закреплении информации. Иногда специалист может выполнять обе эти функции. Например, когда с помощью специальных технических средств он обнаруживает, а затем изымает, снимает информацию со следов преступления. Важно то, что именно специалист иногда первым обнаруживает доказательные данные (наличие следов биологического происхождения, наркотических средств, отдельных элементов взрывного устройства и т. п.). И то, что следователь фиксирует эти обстоятельства в протоколе, является удостоверяющим аспектом их совместной деятельности. Несмотря на то, что объектом изучения и для следователя (уполномоченного оперативного сотрудника), и для специалиста являются факты, которые воспринимаются наглядно, имеют общедоступный характер и понятны всем участникам НСРД, фактические данные воспринимаются в первую очередь специалистом, следователь воспринимает их вторично. Безусловно, при этом следователь испытывает определенное влияние представления и опыта специалиста, чего нельзя не учитывать при отображении при фиксации полученных данных в протоколе. Поэтому результаты деятельности специалиста, хотя и визируются в самостоятельном источнике доказательств, являются составной частью протокола НСРД. Если возникает необходимость в уточнении или проверке данных, полученных в ходе проведения НСРД, специалист может быть допрошен в качестве свидетеля, что следует из ч. 2 ст. 256 УПК Украины.

Рассматривая общие аспекты фиксации хода и результатов НСРД, необходимо выделить несколько ее форм, которые подразделяются в зависимости от материального выражения, результата деятельности субъекта. Это такие формы, как: словесная (устная), письменная, графическая, наглядная и предметная. На практике они реализуются путем использования нескольких предусмотренных законом приемов. В частности, вербальная форма выражается в протоколировании и звукоза-

писи, графическая – в схемах, планах, чертежах, рисунках и т. п., предметная проявляется в изъятии объекта, реконструкции, получении слепков и оттисков, наглядная реализуется путем фотографирования, видеозаписи. Практически каждая из этих форм связана с применением научно-технических средств. Для изъятия предметов, обращение с которыми требует наличия определенных навыков, необходимо привлечение специалистов. Это позволит не только получить вещественные доказательства с наименьшими затратами времени, но и предотвратить потерю доказательной информации, содержащейся в таких предметах.

Научные положения и рекомендации криминалистической техники могут послужить решением научных и практических тактико-криминалистических задач, например: для выявления и фиксации следов совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, вещей и документов, имеющих значение для досудебного расследования; изготовления копий или образцов указанных вещей и документов; выявления и изъятия образцов для исследования на время досудебного расследования тяжкого или особо тяжкого преступления; выявления лиц, скрывающихся от органов досудебного расследования и суда; установления технических средств аудио-, видеоконтроля лица. По сути, речь идет о применении технико-криминалистических методов и средств по различным направлениям поисковой деятельности следователя. Особенности выявления, исследования, фиксации и изъятия материальных следов при проведении отдельных НСРД тесно связаны не только с применением технических средств, но и с тактическим аспектом. Тактический прием как оптимальный способ действия по своему содержанию характеризуется органическим единством интеллектуальных и технических возможностей следователя. Поэтому отдельные ученые верно отмечают, что о применении технических средств необходимо вести речь не только в связи с особенностями техники обнаружения, исследования, фиксации и изъятия конкретных объектов, но и более широко, в тактическом плане [2, с. 13–14]. В. Волинский считает, что научно-технические средства должны

занимать в структуре тактического приема особое место, являясь своеобразным естественно-техническим фундаментом, на котором основывается его результативность и эффективность [3]. Необходимость применения технико-криминалистических приемов неизбежно приводит к органичному включению соответствующих действий в тактику всех НСРД, в том числе при подготовке, на рабочем этапе, для фиксации хода и результатов. Поэтому научная разработка всей тактики таких действий объективно предполагает анализ возможностей применения технико-криминалистических методов и средств. Довольно перспективным, по нашему мнению, является современное направление научных разработок, когда отдельные НСРД становятся объектом научного исследования именно в аспекте применения при проведении специальных криминалистических знаний, методов и средств.

В процессе получения доказательственной информации при проведении НСРД возникает проблема допустимости применения при этом соответствующих технических средств. Допустимость применения технических средств и криминалистических методов определяется требованиями законности, полноты, объективности и всесторонности уголовного судопроизводства. В следственной практике различают естественно-технические и социальные предпосылки допустимости определенных технических средств и методов, а также допустимость с точки зрения правомерности их применения. Допустимость технического средства или метода предполагает, во-первых, их научную состоятельность, во-вторых, соответствие результатов применения этих методов и средств принципам гуманизма и демократии. Внешним проявлением научной состоятельности метода или средства являются точность, достоверность результатов их применения при проведении НСРД. Средства и методы, которые относят к числу научных способов, при применении их в процессе сбора доказательств, дают верное представление о следах и соответствуют объективной действительности. Иными словами, научная состоятельность обеспечивается научной разработанностью и признанием этого

метода или средства. Достоверность полученных в результате их применения результатов предусматривает получение каждый раз одинаковых результатов в типичных условиях.

Правомерность применения технических средств и методов в ходе получения доказательной информации может быть обеспечена путем соблюдения ряда условий. Технические средства и методы при получении доказательственной информации могут применяться только в связи с событием преступления, в том числе для розыска лица. Другим важным условием является наличие фактических оснований для применения этих средств и методов в ходе проведения НСРД. Решение о применении данных средств и методов принимается следователем или уполномоченным на проведение негласного следственного (разыскного) действия оперативным сотрудником как крайняя мера лишь в тех случаях, когда другим путем получить соответствующие доказательства, информацию невозможно, при наличии достоверных, проверенных, не вызывающих сомнения данных о фактах подготовки или совершения преступлений. Одновременно с решением вопроса о наличии фактических оснований применения технических средств и методов для получения доказательств определяют тактические приемы их применения. Применение технических средств и методов для сбора доказательств будет допустимым, если при этом не нарушаются законные права и свободы лица, не причиняются лицу физические страдания и не унижается его человеческое достоинство, не создается угроза для его жизни и здоровья. Обязательным условием правомерного применения технических средств и методов доказывания при проведении НСРД является надлежащее документальное оформление применения этих средств и методов, а также полученных при этом данных. Выполнение этого условия обеспечивается оформлением принятого решения о необходимости и целесообразности получения доказательств путем применения технических средств и методов; оформлением факта применения технического средства или метода, заключается в обязательном

составлении соответствующего протокола по результатам проведения процессуального действия.

В ст. 260 УПК Украины определено, что аудио-, видеоконтроль лица является разновидностью вмешательства в частное общение, которое проводится без его ведома на основании постановления следственного судьи, если имеются достаточные основания полагать, что разговор этого лица или другие звуки, движения, действия, связанные с его деятельностью, могут содержать сведения, имеющие значение для досудебного расследования. При проведении таких НСРД надо учитывать, что в разговоре, который прослушивается через специальные технические средства, может звучать не только явная, но и законспирированная, скрытая информация о подготовке совершения определенных преступлений. Для надлежащей оценки такой информации необходима помощь специалиста в области лингвистики, ведь, как подчеркивают Т. Будко и Л. Науменко, качество распознавания обоих видов информации зависит от структурно-смысловой полноты, связности, целостности разговора, его так называемой текстуальности [4]. Смысловая информация составляет содержание речевого сообщения. Вместе с тем общее понимание содержания речевого сообщения вовсе не свидетельствует о том, что названная информация интерпретирована адекватно. Читать интерпретацию речевого сообщения таковой можно только в случае адекватного толкования замысла коммуникатора, толкования его основной идеи реципиентом. Информативность характеризует не абсолютное количество информации в речевом сообщении, не общий его «информационную насыщенность», а лишь та информация, которая, вероятнее всего, станет достоянием его реципиентов. Итак, оценке информативности речевого сообщения служит мера адекватности интерпретации замысла, цели, основной идеи сообщения. Информативность речевого сообщения в данном понимании – один из факторов эффективности смыслового восприятия сообщений. По нашему мнению, задачей современной науки и практики в этом направлении должен быть поиск путей анализа, обработки и исследования с целью

идентификации и распознавания психологических и социально-демографических характеристик автора речевого сообщения.

Большое значение имеют современные криминалистические рекомендации и при осмотре и выемке корреспонденции, на которую наложен арест. Согласно ч. 1 ст. 262 УПК Украины, осмотр задержанной корреспонденции проводится в учреждении связи, которому поручено осуществлять контроль и задержание этой корреспонденции, с участием представителя этого учреждения, а при необходимости – с участием специалиста. В присутствии указанных лиц следователь решает вопрос об открытии и осматривает задержанную корреспонденцию. Осмотр состоит в проверке почтовых отправлений, происходит негласно, с использованием специальной техники, которая указывает на наличие или отсутствие определенных признаков, по которым и отбираются отправления. Следователь с помощью специалиста осуществляет криминалистическую оценку почтовой корреспонденции, обнаруживает в текстах характерные для почерка, грамматические, лексико-стилистические, текстологические особенности. Иногда в текстах почтовой корреспонденции может быть явная и скрытая условная информация. При этом явная информация – это та, которую автор не скрывает от случайного читателя, а скрытая условная – предназначенная только конкретному адресату, которая должна быть непонятной другим реципиентам. Речевые сообщения как главный вид информационных источников могут содержать любой вид информации, ориентировочной, вспомогательной, дополнительной, доказательной [5, с. 69–70]. Поэтому для оценки этой информации уже на этапе ее выявления при проведении НСРД целесообразно использовать помощь специалиста в области лингвистики. В случае необходимости лицо, производящее осмотр почтово-телеграфной корреспонденции, может принять решение о нанесении на выявленные вещи и документы специальных отметок, оборудовании их техническими средствами контроля, замене вещей и веществ, представляющих угрозу для окружающих или запрещенных в свободном обращении, на их безопасные аналоги (ч. 2 ст. 262 УПК

Украины). Такие действия квалифицировано может осуществить только специалист.

К другим видам НСРД законодатель относит обследование публично недоступных мест, жилища или иного владения лица. Следователь вправе обследовать публично недоступные места, жилье или другие владения лица путем тайного проникновения в них, в том числе с использованием технических средств, для выявления и фиксации следов совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, вещей и документов, имеющих значение для досудебного расследования; для изготовления копий или образцов указанных вещей и документов; выявления лиц, скрывающихся от органов досудебного расследования и суда; установления технических средств аудио-, видеоконтроля лица (ч. 1 ст. 267 УПК Украины). Обследование публично недоступных мест, жилища или иного владения лица представляет собой определенный процесс, заключается в проведении осмотра объектов, отыскании орудий, предметов и ценностей, полученных преступным путем, документов, веществ и других объектов, а также в установлении фактов, которые могут иметь значение для досудебного расследования уголовного преступления. Во время проведения негласного обследования допускается использование фото-, видео- или копировальной аппаратуры, а также специальных химических веществ для дополнительного выявления мест образования следов. В ходе проведения негласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств можно применять конспиративные методы выявления следов рук, ног и других следов.

Для разработки специальных (конспиративных) методов выявления невидимых следов рук необходимо знать: физико-химическую природу следа; физические качества и структуру поверхности объектов, на которой остаются следы. Учет этих факторов позволит на первом этапе разработки веществ подходить к решению данных вопросов не путем многочисленных экспериментов, а методом моделирования химических соединений как средств обнаружения невидимых следов, что поможет до проведения экс-

периментов в определенной степени решить вопрос о применении того или иного вещества. Но не все традиционные методы обнаружения следов пальцев рук, разработанные криминалисткой, можно применять при проведении негласного обследования публично недоступных мест, жилища или иного владения лица, поскольку есть ряд ограничений и условий применения того или иного метода (например, конспиративность).

Так, в качестве «условно конспиративного» метода выявления следов на различных поверхностях может быть предложен метод выявления следов путем окуривания парами йода. Преимуществом этого метода является то, что через некоторое время после окуривания следов парами йода объект, обработанный йодом, приобретает первоначальный вид без каких-либо видимых следов обработки. Но мы не случайно назвали этот метод «условно конспиративным», так как при его применении во время проведения НСРД в помещении, где отсутствует вентиляция, останутся «демаскирующие признаки» – стойкий запах йода. Еще одним неудобством данного метода является то, что с помощью паров йода можно выявить только свежие следы, то есть оставленные несколько часов, иногда дней назад. Бывают случаи, когда не удастся даже сфотографировать такие следы, потому что пары йода очень быстро исчезают. Но в таких случаях процедуру обработки можно повторить. В свое время был разработан метод обнаружения невидимых следов рук, который позволял визуализировать следы с помощью оксихинолина или угла падения лучей света определенного спектра. Этот метод, как и йодный, тоже является «условно конспиративным».

В любом случае отпечатки могут быть получены только при наличии достаточных оснований и в интересах уголовного производства. Сбор образцов для сравнительного исследования – это действия следователя или оперативного сотрудника по выявлению и изъятию в целях идентификации предметов, сохранивших следы преступления, или предметов, которые стали объектами преступных посягательств и могли бы стать средством обнаружения общественно опасного

противоправного деяния и лиц, причастных к нему. Характер сбора образцов для сравнительного исследования зависит от того, какие образцы необходимо получить – почерка, отпечатков пальцев, крови и т.д. К проведению таких НСРД могут привлекаться специалисты, а также применяться различные технические средства. Получение отпечатков пальцев рук может осуществляться в процессе НСРД как на основе использования естественно сложившихся, так и при создании благоприятных для этого условий, когда лицо дактилоскопируется негласно, неизбежно оставляя свои отпечатки пальцев. Наиболее типичными ситуациями, когда можно тайно получить отпечатки, являются следующие: негласный или зашифрованный обзор и скрытое изъятие предметов, к которым лицо имеет непосредственное отношение (например, осмотр предметов по месту его работы); визуальное наблюдение за лицом, проверка и изъятие предметов, которых оно касалось руками, либо создание своеобразных «ловушек», когда лицо вынуждено взять предмет в руки или дотронуться до него, оставив отпечатки. Подобные задачи надо ставить перед специалистами, которые не только помогут в создании условий проведения НСРД, но и обеспечат их реализацию.

Выводы. Авторы рассмотрели отдельные аспекты технико-криминалистического обеспечения проведения НСРД. Проблема надлежащего технико-криминалистического обеспечения процесса их расследования требует детального изучения особенностей использования специальных технических средств, разработки соответствующих приемов их применения с целью обеспечения негласности конкретных следственных (разыскных) действий. Определение возможностей эффективного применения существующих и разработка новых технико-криминалистических приемов, методов и средств проведения НСРД являются одним из направлений совершенствования деятельности по досудебному расследованию преступлений. Основой этого должно быть познание природы НСРД, их специфики, потребностей, условий реализации и т.п., поскольку эффективность деятельности по досудебному расследованию определяется не только

уровнем развития приемов и средств ее осуществления, но их соответствием характеру и задачам НСРД. Во многих случаях эффективность проведения НСРД в немалой степени определяется своевременным и умелым использованием помощи специалиста.

Список использованной литературы:

1. Колесник В. Негласні слідчі (розшукові) дії: кримінально-процесуальні та криміналістичні аспекти підготовки і проведення : науково-практичний посібник. Київ : Прецедент, 2014. 135 с.
2. Быховский И., Корниенко Н. Процессуальные и тактические вопросы применения технических средств при расследовании уголовных. Ленинград : Институт усовершенствования следственных работников Прокуратуры СССР, 1981. 49 с.
3. Вольнский В., Сурыгина Н. О содержании и значении тактико-технических задач в процессе раскрытия и расследования преступлений. *Проблемы совершенствования деятельности следственных и экспертных подразделений органов внутренних дел*. Волгоград : ВВСШ МВД СССР, 1989. С. 114–118.
4. Будко Т., Науменко Л. Возможности оперативного анализа аудиоинформации, одержаної за допомогою оперативно-технічних заходів. *Науковий вісник*. 2019. № 31. С. 32–39.
5. Будко Т. Теория и практика исследования речевых текстуальных источников информации в деятельности СБ Украины : дисс. ... докт. юрид. наук: 21.07.01. Киев, 2006. 408 с.
6. Вапнярчук В. Теорія і практика кримінального процесуального доказування : монографія. Харків : Юрайт, 2017. 408 с.
7. Багрій М., Луцик В. Процесуальні аспекти негласного отримання інформації: вітчизняний та зарубіжний досвід : монографія. Харків, 2017. 376 с.
8. Ткачук О. Кримінальний та Кримінальний процесуальний кодекс: поставлений показчик правових позицій Верховного Суду України. Харків, 2017. 308 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонов Константин Валериевич – заместитель заведующего кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Научно-учебного института контрразведывательной деятельности Национальной академии Службы безопасности Украины;

Титула Дмитрий Викторович – преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Научно-учебного института контрразведывательной деятельности Национальной академии Службы безопасности Украины

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Antonov Konstantin Valerievich – Replace the Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Scientific and Educational Institute of Counterintelligence Activity of the National Academy of the Security Service of Ukraine;

Titula Dmitriy Viktorovich – Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Scientific and Educational Institute of Counterintelligence Activity of the National Academy of Security Service of Ukraine

2404tdv@gmail.com

УДК 349.22:331.9

ГЕНЕЗИС НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕШЕНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ (КОНФЛИКТОВ) В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Василий БОНТЛАБ,

кандидат юридических наук,
соискатель

Учебно-научного института права имени И. Малиновского
Национального университета «Острожская академия»

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются историко-правовые аспекты нормативно-правового обеспечения решения трудовых споров (конфликтов) в досоветский период (1835–1917 гг.). Подчеркнута важность таких исследований в контексте развития нового трудового законодательства, его кодификации, утверждения новых ориентиров. Отмечена социальная направленность возникновения фабричного (фабрично-трудового) законодательства. Определено наличие экономических, политических, социальных предпосылок формирования отношений наемного труда, нормативно-правового влияния на эту сферу. Акцентируется внимание на особенностях возникновения нормативно-правового обеспечения решения трудовых споров (конфликтов), с принятием соответствующих нормативных актов, проведения трудовой и судебной реформ. Отмечена важность принятия Устава о промышленном труде (1913 г.), его историческое значение для развития трудового законодательства, решения трудовых споров (конфликтов). Сделаны выводы.

Ключевые слова: фабричное законодательство, фабрично-трудовое законодательство, внутренний трудовой распорядок, трудовой спор, рабочие, промышленные предприятия, суд, промышленной труд, фабричные инспекции, примирительные меры.

GENESIS OF NORMATIVE-LEGAL SUPPORT FOR SOLVING LABOR DISPUTES (CONFLICTS) IN THE PRE-SOVIET PERIOD: THE SCIENTIFIC AND THEORETICAL ASPECT

Vasiliy BONTLAB,

Candidate of Law Sciences,
Applicant

of the Educational and Scientific Institute rights to them I. Malinovsky
of National University Ostroh Academy

SUMMARY

This article explores the historical and legal aspects of the legal and regulatory framework for resolving labor disputes (conflicts) in the pre-Soviet period (1835–1917). The importance of such researches in the context of the development of the latest labor legislation, its codification, approval of the latest guidelines was emphasized. It is noted that the social orientation of the emergence of factory (factory-labor) legislation. Emphasized the existence of economic, political, social preconditions for the formation of hired labor relations, regulatory and legal influence on this sphere. The emphasis is on the peculiarities of the emergence of normative and legal support for the resolution of labor disputes (conflicts), the adoption of relevant normative acts, and the implementation of labor and judicial reforms. The importance of the adoption of the Statute on Industrial Work (1913) and its historical significance for the development of labor legislation, the resolution of labor disputes (conflicts) was noted. Conclusions are made.

Key words: factory law, factory labor legislation, internal labor regulations, labor dispute, workers, industrial enterprises, court, industrial labor, factory inspections, conciliatory camera.

Постановка проблемы. Организация и проведение комплексной реформы рынка труда, исходя из приоритета обеспечения эффективности права на труд и других трудовых прав, обусловлены формированием новой концепции разрешения трудовых споров (конфликтов). Как показывает международный и национальный опыт, современная концепция разрешения трудовых споров (конфликтов) направлена на обеспечение эффективной защиты права на труд и других трудовых прав [1; 2]. Профессора М. Иншин,

С. Вавженчук, С. Вишневецкая, В. Костюк и другие считают, что из-за стойкого и системного финансово-экономического кризиса, сложности и архаичности трудового законодательства, наличия многочисленных нарушений трудовых прав растет численность трудовых споров (конфликтов) [3, с. 486].

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения генезиса нормативно-правового обеспечения разрешения трудовых споров (конфликтов) в досоветский

период (до 1917 г.), который связан с формированием фабрично-трудового законодательства. Очевидно, что исторический опыт правового регулирования отношений в сфере труда позволит учесть все необходимые факторы для развития в Украине качественного трудового законодательства, действенной и эффективной системы трудовых прав, современного рынка труда.

По своей сути исследование генезиса нормативно-правового обеспечения урегулирования трудовых споров (конфликтов) в досоветский период

направлено на изучение исторического опыта правового регулирования отношений в сфере труда. формирования концепций защиты трудовых прав; изучение нормативно-правовых актов, которые регулировали отношения в сфере труда, разрешение трудовых споров (конфликтов) в указанный исторический период.

Состояние исследования. В юридической литературе указанная проблематика частично рассматривалась в трудах таких ученых-юристов, как: В. Андреев, В. Венедиктов, С. Венедиктов, С. Вавженчук, С. Вишневецкая, И. Дашутин, И. Зуб, В. Журавль, М. Иншин, В. Костюк, В. Лазор, С. Лукаш, А. Мацюк, С. Синчук, О. Тищенко, Н. Хуторян, П. Пилипенко, С. Попов, С. Прилипко, А. Процевский, В. Процевский, И. Чанышев, В. Щербина, А. Ярошенко и др. Доктринальная позиция этих и других ученых-юристов является важной составляющей развития современной модели разрешения трудовых споров (конфликтов). В то же время качественные и системные изменения требуют, среди прочего, исследования генезиса нормативно-правового обеспечения разрешения трудовых споров (конфликтов) в досоветский период (до 1917 г.), учитывая то, что он связан с формированием рыночных экономических, социальных отношений, рынка труда. Поэтому историческое нормативно-правовое регулирование отношений наемного труда связано с политическими, экономическими, социальными предпосылками.

Целью статьи является научно-теоретическое исследование генезиса нормативно-правового обеспечения разрешения трудовых споров (конфликтов) в досоветский период (до 1917 г.).

Задачи статьи: 1) проведение научного исследования нормативно-правовых актов о труде в досоветский период; 2) изучение особенностей защиты трудовых прав в досоветский период; 3) осуществление научного исследования организации юрисдикционных органов в досоветский период; 4) установление периодизации нормативно-правового регулирования разрешения трудовых споров (конфликтов) в досоветский период.

Изложение основного материала. Возникновение нормативно-правового

обеспечения решения трудовых споров (конфликтов) обусловлено объективными процессами демократических преобразований, связанных с буржуазной революцией во Франции, которая провозгласила не только свободу труда, но и свободу реализации способности к труду [4, с. 11]. Соответствующие процессы затронули ведущие страны Европы. Такими же процессами демократических, экономических изменений, внедрением принципов свободы труда были охвачены украинские земли, находившиеся под юрисдикцией других государств, прежде всего Российской империи. Объективная необходимость формирования законодательной регламентации фабрично-трудовых (трудовых) отношений, действенных механизмов разрешения трудовых споров (конфликтов) связана с развитием промышленного производства. К середине XIX в. на территориях украинских земель работали около 700 промышленных предприятий, активно развивалась угледобывающая отрасль, а также сахарная, табачная, другие виды промышленного производства, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции. В 1860 г. на территории украинских земель было почти 95 тыс. работающих, а в 1897 г. – почти 1,5 млн [5, с. 95].

Возникновение нормативно-правового обеспечения разрешения трудовых споров (конфликтов) обусловлено разработкой и принятием на территории Российской империи Положения 1835 г. «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими в них по найму», которое состояло из 10 статей и возлагало на владельцев обязательства устанавливать правила внутреннего трудового распорядка в фабричном заведении [6, с. 240–245]. Работодатели, вводя нормы, правила, фактически диктовали условия труда для рабочих, пренебрегая интересами и правами последних.

Кроме того, в 1845 г. принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Этот документ закреплял административную и судебную процедуру разрешения споров по трудовому найму [7, с. 131]. В юридической литературе указывается, что Права, по которым судится малороссийский народ, приняты в 1743 г. и регулировали

следующие отношения: 1) судейство; 2) избрание на определенную должность; 3) семейные; 4) гражданские; 5) уголовные [8]. Свод законов Российской империи вступил в силу в 1835 г. и регулировал такие направления отношений в обществе и государстве: 1) об органах власти и управления, о государственной службе; 2) гражданское законодательство; 3) о кредитных учреждениях, торговых и промышленных; 4) уголовные; 5) наследственные и семейные отношения [9]. При таких обстоятельствах основой становления правового регулирования форм защиты трудовых прав работников были гражданские нормы, ставшие предпосылкой выделения трудовых дел в будущем [10, с. 36].

И. Янжул отмечал, что взаимные права и обязанности собственников и работников четко не определены, что влечет за собой произвол и неудобства для обеих сторон, расчет с рабочими на большинстве фабрик нерегулярный, осуществляется в неопределенные сроки, что приводит к полной зависимости рабочих от владельцев, средняя выработка рабочих слишком низкая по следующим причинам: чрезвычайно большое количество и разнообразие штрафов и вычетов, высокие цены на продукты в фабричных лавках [11 с. 48–49].

Я. Одовичена акцентирует внимание на том, что с 1882 г. в Российской империи принят ряд законов, ставших основой фабричного законодательства [12, с. 33]. В 1882 г. представляется высочайшим мнением Государственного Совета «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», на основании которого закреплены императивные нормы о работе малолетних лиц. Вводились такие предписания: 1) запрещалось привлекать к работам лиц, не достигших 12 лет; 2) малолетние в возрасте от 12 до 15 лет не могли работать более 8 часов в сутки и не более 4 часов подряд; 3) малолетние в возрасте до 15 лет не могли привлекаться к работе в ночное время (21.00–5.00), а также в воскресенье и праздничные дни; 4) запрещалось привлекать малолетних лиц в возрасте до 15 лет к вредным или опасным работам, указанным в перечне, утвержденном министрами финансов и внутренних дел [13].

Кроме того, в 1886 г. в Российской империи принят Закон «Об утверждении проекта правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности, о взаимных отношениях фабрикантов и работников и об увеличении количества чинов фабричной инспекции», на основании которого за работниками были признаны некоторые трудовые права [14]. В частности, установлено три вида договоров о найме (трудовых договоров): на определенное время, на неопределенное время и на время выполнения определенной работы, а также определен порядок расторжения договора по инициативе работника. Фабрикант должен был выплачивать заработную плату не реже двух раз в месяц, если договор был заключен на неопределенный срок [15 с. 418]. В. Журавель отмечает, что изменения в законодательстве были обусловлены отменой крепостного права, экономической революцией. Это означало желание и право граждан империи работать в различных учреждениях, что привело к актуализации необходимости правового регулирования трудовых отношений между работниками и работодателями [9, с. 38; 16, с. 49–52].

На территории украинских земель, находившихся под юрисдикцией Российской империи, приняты такие законодательные акты, как: «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» (1897 г.), «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а также членам их семейств на предприятиях фабрично-заводских, горной, горно-заводской промышленности» (1903 г.) и т. д. [17, с. 72–78].

Теоретико-правовой анализ положений вышеупомянутых нормативно-правовых актов позволил констатировать следующее: 1) наблюдается зарождение фабрично-трудового законодательства, направленного на нормативно-правовое обеспечение условий труда; 2) формируются правовые механизмы регулирования правоотношений между рабочими и работодателями; 3) формируются механизмы осуществления надзора в сфере труда через призму деятельности фабричных инспекций; 4) происходит сложный процесс формирования нормативно-

правового обеспечения разрешения трудовых споров (конфликтов).

В 1913 г. в Российской империи принят Устав о промышленном труде, который включал нормы, регулирующие отношения найма, оплаты труда, дисциплинарной ответственности, охраны труда и, что самое главное, четко прописывал ответственность лиц, виновных в нарушении норм этого Устава. Устав стал первым законодательным актом, достаточно системно закреплявшим нормы об условиях труда работающих, о трудовых отношениях, а также решения трудовых споров (конфликтов). Во-первых, на основании ст. 212 Устава устанавливалась ответственность в виде денежного взыскания за наем рабочего без расчетной книжки, а также за неправильное ведение этих книг. Во-вторых, ст. 219 Устава устанавливала, что производство по этим делам проводится в административном и судебном порядке. В-третьих, производство вели фабричные инспекции, в случае выявления правонарушения они имели право составлять протоколы по установленной форме или решать дело по существу, или, в определенных случаях, направлять дело в судебные учреждения. Кроме того, фабричные инспекции получили полномочия по осуществлению мероприятий по предупреждению разногласий, противоречий и споров между работодателями и работающими, а также давали соответствующие указания по разрешению споров. В-четвертых, фабричные инспекции фактически превращались в примирительные юрисдикционные органы, осуществлявшие досудебное рассмотрение трудовых споров на основе достижения соглашения о примирении [18].

Следует отметить, что нормативно-правовое обеспечение разрешения трудовых споров (конфликтов) также связано с локальным регулированием отношений в сфере труда. Согласно ст. 60 Устава о промышленном труде, администрация предприятия устанавливала правила внутреннего трудового распорядка, которые должны были соблюдать все рабочие. Это означает, что локально-правовые акты не только обеспечивают трудовую дисциплину, но и определяют перечень прав, обязанностей работающих. Нарушение

соответствующих норм, наличие споров и разногласий между рабочими и работодателями стали ключевыми предпосылками надлежащего нормативно-правового обеспечения решения трудовых споров (конфликтов) с применением примирительных процедур. Примирительные процедуры, определенные на основании Устава о промышленном труде, стали важной составляющей решения трудовых споров (конфликтов) с участием работающих и работодателей.

И.В. Чумаченко отмечает, что в период существования Российской империи законодательно определенного и закрепленного механизма разрешения трудовых споров не было, а все остальные вопросы в этом контексте решались судами. В тоже время уровень коррумпированности фактически не оставлял шансов работнику на справедливое решение такого спора, поэтому следует отметить, что некоторые попытки разрешать трудовые споры во внесудебном порядке все же имели место, о чем ярко свидетельствует создание Фабричных комиссий в 1882 г. В течение почти 18 лет такие комиссии выполняли контрольную и предупредительную функции, то есть их деятельность направлялась на предупреждение возникновения трудовых споров (конфликтов) в трудовом коллективе. В 1900 г. на фабричные комиссии возложена обязанность выполнения примирительно-посреднических функций, что дает основания считать создание указанных комиссий первым шагом на пути законодательного закрепления решения трудовых споров во внесудебном порядке [19, с. 18].

Поддерживаем мнение профессоров Д. Журавлева, С. Прилипко, А. Ярошенко, которые отмечают, что в Устав о промышленном труде вошли Устав о промышленности и Горный устав 1893 г., законы «О рабочем времени» 1897 г., «О вознаграждении рабочим за увечье» 1903 г., «О старостах на промышленных предприятиях» 1903 г., «О страховании рабочих от несчастных случаев и болезни» 1912 г. [20, с. 49]. Ученые указывают на важность интеграции и гармонизации правового регулирования в сфере труда, позволяющих не только исследовать содержательные особенности законодательного воздействия на соответствующие отношения,

объем прав и обязанностей участников правоотношений, но и соответствующие нормы. В таком случае предпринимаются шаги по предотвращению возникновения трудовых споров (конфликтов), а также, в случае их возникновения, по более действенному их урегулированию.

Итак, можно констатировать, что нормативно-правовое обеспечение разрешения трудовых споров (конфликтов) в этот период связано с формированием системы юрисдикционных органов, призванных обеспечивать урегулирование таких споров.

В юридической литературе отмечается, что Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., значительно ухудшила положение рабочих в России, особенно в Украине, поскольку последняя становится ареной широких боевых действий. Быстро растет численность беженцев, людей, потерявших все. В городах в связи с этим растет безработица. Царское правительство, защищая интересы владельцев промышленных предприятий, ликвидировало даже те минимальные уступки, на которые вынуждено было пойти под давлением рабочих [21, с. 171]. Правительство Российской империи заняло активную позицию по защите интересов капитала и владельцев промышленных предприятий, в связи с чем заострилась ситуация с соблюдением прав работников. Именно такая обстановка стала причиной увеличения количества трудовых споров (конфликтов). В юридической литературе отмечается, что Февральская революция 1917 г. способствовала активному процессу формирования системы органов, призванных рассматривать трудовые споры: фабрично-заводских комитетов и примирительных камер. Во-первых, фабрично-заводские комиссии представляли интересы рабочих перед владельцами предприятий, правительственными учреждениями. Во-вторых, примирительные камеры стали примиряющим юрисдикционными органами, состоявшими из равного количества работников и работодателей. К полномочиям этих органов было отнесено рассмотрение и разрешение недоразумений между рабочими и администрацией или владельцами предприятий. В случае недостижения соответствующего согласия по урегулированию

спора в примирительной камере спор передавался для решения центральным примирительным камерам [21 с. 171; 22, с. 513–520].

Под давлением революционных настроений Временное правительство после Февральской революции утверждает ряд постановлений в области регулирования условий труда, в частности: «О примирительных учреждениях», «О внедрении положения о бирже труда» [23, с. 39]. Однако эти акты принципиально не повлияли на улучшение правового положения работников.

Кроме того, определенные изменения нормативно-правового обеспечения разрешения трудовых споров (конфликтов) связаны с образованием Украинской Народной Республики (далее – УНР). Правительство и профильные ведомства по труду начали активную работу по развитию нового трудового законодательства, что было вызвано социальными и политико-правовыми предпосылками. В период деятельности УНР приняты такие законодательные акты, как: «О рабочих комитетах», «О фабрично-заводских комитетах», «О примирительной камере», «Об изменении Положения об обеспечении рабочих на случай болезни», «О биржах труда» и «О местных комиссариатах труда» [24, с. 77–80].

Выводы. Таким образом, нормативно-правовое обеспечение разрешения трудовых споров (конфликтов) в досоветский период (до 1917 г.) характеризуется сложным процессом возникновения и развития правового регулирования решения трудовых споров (конфликтов) в начале XIX – XX в. на территории украинских земель.

Основными признаками этого сложного периода являются следующие: 1) возникновение экономических, трудовых отношений и рынка труда; 2) появление первых законодательных актов, направленных на нормативно-правовое обеспечение решения трудовых споров (конфликтов); 3) распространение юрисдикции судов в сфере труда; 4) появление первых юрисдикционных органов в сфере труда: фабричных (фабрично-заводских) комиссий и примирительных камер; 5) определение рабочих и администрации (владельцев) предприятий участниками примирительных процедур;

6) развитие примирительных процедур разрешения трудовых споров (конфликтов).

Нормативно-правовое обеспечение разрешения трудовых споров (конфликтов) в дореволюционный (досоветский) период включает следующие этапы: 1) 1835–1886 гг. – этап возникновения нормативно-правового обеспечения разрешения трудовых споров (конфликтов); 2) 1886–1913 гг. – этап утверждения нормативно-правового обеспечения разрешения трудовых споров (конфликтов); 3) 1913–1917 гг. – этап развития нормативно-правового обеспечения разрешения трудовых споров (конфликтов).

Список использованной литературы:

1. Конституция Украины: Закон Украины от 28 июня 1996 г. № 254к/96-ВР / Верховная Рада Украины. *Ведомости Верховной Рады Украины*. 1996. № 30. Ст. 141.
2. Костюк В. Конституционное право на труд в новейших условиях современности: научно-правовой аспект. *Журнал Национального университета «Острожская академия»*. Серия «Право». 2014. № 2 (10). URL: <http://lj.oa.edu.ua/articles/2014/n2/14kvlnpa.pdf>.
3. Трудовое право Украины : учебник / под общ. ред. М. Иншина, В. Костюка. Киев : Юриком-Интер, 2017. 600 с.
4. Дмитренко Ю. Трудовое право Украины : учебник. Киев : Юриком-Интер, 2009. 624 с.
5. Украинская советская социалистическая республика : энциклопедический справочник / под ред. А. Кудрицкого и др. Москва, 1987. 520 с.
6. Васюта В., Галайда Т., Игуш Т. Зарубежный опыт регулирования социально-трудовых отношений. *Глобальные и национальные проблемы экономики*. 2018. № 21. С. 240–245.
7. Колпаков В. Административно-деликтный правовой феномен в административном праве Украины. Москва : Одиссей, 2004. 528 с.
8. Права, по которым судится малороссийский народ (1743) : извлечение. URL: <http://textbooks.net.ua/content/view/932/17/> (дата обращения: 15.01.2019).

9. Свод законов Российской империи. URL: referatcentral.org.ua (дата обращения: 15.01.2019).

10. Журавель В. Концепция оптимизации соотношения индивидуальных и коллективных форм защиты трудовых прав работников : монография. Харьков. 442 с.

11. Янжул И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. Санкт-Петербург, 1907. 63 с.

12. Большой толковый словарь современного украинского языка / сост., гл. ред. В. Бусел. Москва ; Ирпень : Перун, 2007. 1736 с.

13. Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». URL: www.hist.msu.ru/Labour/Law/1882.pdf.

14. Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета «О проекте правил в надзора за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции». *Собрание Указов 1886 г. Июня 15.* Ст. 639. URL: www.hist.msu.ru/ Labour / Law / 1886.pdf.

15. Шимилинец И. Возникновение и развитие административной ответственности за нарушение трудовых прав лиц в конце XIX – начале XX в. *Форум права.* 2010. № 1. С. 416–421.

16. О найме слуг и рабочих. *Свод законов Российской империи.* Санкт-Петербург, 1899. С. 49–52.

17. Дараганова Н. Историко-правовой анализ возникновения трудовых споров в Украине. *Юридическая наука.* 2011. С. 72–78.

18. Устав о промышленном труде с правилами и разъяснениями / сост. В. Громан. Санкт-Петербург, 1915. URL: www.liber.rsuh.ru/Liber/www/ork/garant12 / Ustav_o_promyshlenom.pdf.

19. Чумаченко И. Процессуальные правоотношения в трудовом праве Украины : монография. Харьков, 2018. 428 с.

20. Внутренний трудовой распорядок: теоретико-правовой аспект : монография / В. Голобородько и др.; под научной ред. О. Ярошенко. Харьков : Юрайт, 2012. 256 с.

21. Добрянская И. Формирование и развитие законодательства

о труде в Украине времен Украинской Центральной Рады. *Научный журнал НПУ имени М.П. Драгоманова.* Серия 18 «Экономика и право». 2015. Вып. 27. С. 170–175.

22. Слюсаренко Я. Предпосылки возникновения комиссий по трудовым спорам. *Форум права.* 2013. № 2. С. 513–522.

23. Олейник А. Развитие трудовых отношений и законодательства о труде в Украине (1917–1929 гг.) : дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Харьков, 2003. 225 с.

24. Горошочек В. Трудовая политика Советской власти на Украине после перехода к НЭПу. *Молодежь и актуальные проблемы исторической науки* : сб. тезисов V Общественно-политических чтений, 29–30 мая 1990 г., г. Киев. Москва, 1990. С. 77–80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бонтлаб Василий Васильевич – кандидат юридических наук, соискатель Учебно-научного института права имени И. Малиновского Национального университета «Острожская академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bontlab Vasily Vasilyevich – Candidate of Law Sciences, Applicant of the Educational and Scientific Institute rights to them I. Malinovsky of National University Ostroh Academy

vbontlab@ukr.net

УДК [342.922:347.7] (477)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Владимир ВАСИЛЬЕВ,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры административного, уголовного права и процесса
Международного университета бизнеса и права

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию состояния нормативно-правового обеспечения механизма противодействия правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности в Украине. Автор проанализировал понятия «правовое регулирование», «административно-правовое регулирование», предложил свое определение нормативных источников административно-правового механизма противодействия правонарушениям в предпринимательской сфере. На основании анализа нормативных актов, обеспечивающих осуществление контроля государства за различными сферами предпринимательской деятельности, определены пути противодействия правонарушениям в предпринимательской сфере в современных условиях развития страны.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, нормативные акты, механизм противодействия правонарушениям, административная ответственность.

LEGAL REGULATION ADMINISTRATIVE LEGAL MECHANISM OF COUNTERACTION TO OFFENCES IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

Vladimir VASILIEV,

Ph. D. in Law, Associate Professor at the Department
Of Administrative, Criminal Law and Procedure
of International University of Business and Law

SUMMARY

The article is devoted to the study of the state of legal support of the mechanism of counteraction to offenses in the sphere of entrepreneurial activity in Ukraine. The author analyzed the concepts of “legal regulation”, “administrative-legal regulation” and offered his own definition of regulatory sources of administrative-legal mechanism of counteraction to offenses in the business sphere. On the basis of the analysis of the normative acts providing control of the state over various spheres of business activity, ways of counteraction to offenses in the business sphere in modern conditions of development of the country are defined.

Key words: business activity, normative acts, mechanism of counteraction to offenses, administrative responsibility.

Постановка проблемы. Сегодня невозможно не оценить влияние предпринимательства на различные сферы общественной жизни, поскольку именно от эффективности ведения предпринимательской деятельности зависит не только благосостояние отдельно взятого гражданина, но и страны в целом. При этом в общественных отношениях, которые возникают при реализации права на предпринимательство, немаловажную роль играет само государство, которое задействует все возможные рычаги для контроля во избежание нарушений в данной сфере.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что сегодня развитие предпринимательства стимулирует необходимость работы над правовым обеспечением, создавая дополнительные правовые механизмы

для развития здоровых экономических отношений. В процессе данных изменений трансформируется и роль самого государства, развивается компетенция его контролирующих органов в сфере противодействия правонарушениям в предпринимательской сфере.

Состояние исследования. Изучению предпринимательской деятельности посвящено много научных работ. Ученые интересовались объектом и субъектом предпринимательства (С.С. Витвицкий, А.П. Вихров, Н.В. Воротина, Н.А. Саниахметова, С.С. Варналий, В.М. Селиванов, Ю.П. Битяк, В.М. Гаращук, А.Е. Григоренко, Н.И. Дьяченко, С.Т. Кадьяленко и др.). Также значительное количество работ посвящено изучению различных сфер предпринимательской деятельности. Но исследованию правового регулирования административно-

правового механизма противодействия правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности было уделено незначительное внимание. Поэтому данная тематика требует более глубокого и детального изучения.

Целью и задачей статьи являются исследование нормативного обеспечения административно-правового механизма противодействия правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности, проведение анализа действующих законов и подзаконных актов относительно предмета исследования, внесение предложений по их усовершенствованию.

Изложение основного материала. Изучая правовую базу, ученые часто используют ряд терминов, с помощью которых пытаются обобщить весь массив правовых актов. При этом часто прибегают к таким понятиям, как:

«нормативная база», «нормативно-правовая база», «правовое регулирование», «нормативные источники». Но, несмотря на использование разных дефиниций, они все имеют одинаковое содержание.

Например, под правовым регулированием подразумевают регулирование общественных отношений, осуществляемое с помощью права и всей совокупности правовых средств [4, с. 589]. В.К. Шкарупа уточняет, что административно-правовое регулирование – это целенаправленное воздействие норм административного права на общественные отношения с целью обеспечения с помощью административно-правовых средств прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, нормального функционирования гражданского общества и государства. С помощью административно-правового регулирования отношения между субъектами административного права приобретают определенную правовую форму [5, с. 323].

Нормативное определение толкуется как результативное, нормативно-организующее воздействие, оказываемое на общественные отношения с помощью системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний) с целью их упорядочения, охраны и развития в соответствии с общественными потребностями [6, с. 145]. Под нормативными источниками административно-правового механизма противодействия правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности, на наш взгляд, следует понимать совокупность нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношения, возникающие в ходе реализации компетенции уполномоченных субъектов, направленной на выявление и предотвращение нарушений действующего законодательства в сфере предпринимательства.

Следует отметить, что сегодня существует огромный массив нормативных источников, которые регулируют сферу предпринимательства. При этом имеющаяся нормативная база является разрозненной и неупорядоченной. Такое положение вещей неприемлемо, ведь от надлежащего урегулирования сферы предпринимательской деятельности зависит благосостояние

и процветание нашего государства. При этом одинаковое внимание должно быть уделено как созданию равных возможностей для занятия предпринимательской деятельностью всеми субъектами, так и построению эффективного механизма противодействия правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности.

Одним из способов улучшения использования нормативных источников является применение классификации нормативных актов по ряду критериев. Общепринятым подходом является разделение по следующим критериям: по юридической силе, сфере действия, субъектам издания акта, действию во времени или пространстве, внешней форме выражения.

Бесспорно, сегодня существует много субъектов противодействия правонарушениям в предпринимательской деятельности. Однако для большинства из них противодействие правонарушениям в данной сфере все же является производной функцией, реализуемой одновременно с основными задачами. Однако законодатель создал и ряд субъектов, непосредственно уполномоченных противодействовать правонарушениям в предпринимательской сфере. Например, Государственная фискальная служба Украины, Антимонопольный комитет Украины, Национальный банк Украины, Государственная казначейская служба Украины и другие.

Существование большого количества субъектов противодействия правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности обусловлено наличием значительного количества закрепленных на законодательном уровне направлений предпринимательства. В качестве примеров можно привести страховую сферу, торговлю, внешнеэкономическую деятельность, антимонопольную сферу, область регулирующего обращения ценных бумаг и фондовый рынок, аудит и др.

В то же время особый интерес вызывает именно первый критерий – распределение нормативных актов по юридической силе, поскольку он является наиболее значимым. Ведь юридическая сила нормативно-правового акта – специфическое свойство, которое позволяет ему занимать строго определенное место среди других нормативно-правовых актов, соблю-

дать установленную субординацию. Обычно юридическая сила акта зависит от уровня и объема полномочий органа, субъекта правотворчества, который издает (принимает) этот акт [7].

Для полного понимания данного определения, по мнению Д.Н. Величко, необходимо выделить ряд признаков, по которым оно характеризуется [8, с. 107–108], а именно:

- определенное свойство нормативно-правового акта;
- свойство влияет на местонахождение конкретного нормативно-правового акта относительно других в иерархической структуре нормативных актов;
- свойство определяет уровень подчиненности нормативно-правового акта и условия его применения;
- зависит от того, какой субъект права выдает нормативно-правовой акт;
- порождает различные по природе и уровню правовые последствия;
- является технико-юридической характеристикой нормативно-правового акта.

Высшей юридической силой в нашей стране обладает исключительно Конституция Украины. Именно она определяет, что каждый имеет право на предпринимательскую деятельность, не запрещенную законом (ст. 42). Основной закон устанавливает и дополнительные гарантии для лица, являющиеся составной частью реализации права на предпринимательство в Украине. Оно охватывает и право на безопасность продукции и всех видов услуг и работ (ст. 42), безопасную для жизни и здоровья окружающую среду (ст. 50), право на безопасные условия труда (ст. 43), на социальную безопасность (ст. 46) и др. [9].

Кроме того, Конституция Украины гарантирует наличие правовых возможностей защиты своих прав и интересов. Речь идет о праве на профессиональную юридическую помощь в предусмотренных законом случаях, оказываемую бесплатно (ст. 59); о праве на обжалование в суде решений, действий или бездействия органов государственной власти, должностных и служебных лиц (ст. 55) [9]. Также о возможности обращения за защитой к уполномоченным осуществлять контроль в определенной сфере властным субъектам.

Положения Основного закона Украины отражены в других нормативно-правовых источниках, прежде всего в законах и кодифицированных актах, где закрепляются такие ключевые понятия, как: «предпринимательство», «субъекты предпринимательской деятельности», «принципы и формы осуществления предпринимательства», а также условия его осуществления и др. К основным нормативным источникам противодействия правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности можно отнести Гражданский кодекс Украины, Хозяйственный кодекс Украины, Налоговый кодекс Украины, Таможенный кодекс Украины, Кодекс Украины об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Украины. Также целесообразно среди правовой базы выделить ряд законов Украины, а именно: «О лицензировании видов хозяйственной деятельности», «О защите от недобросовестной конкуренции», «О разрешительной системе в сфере хозяйственной деятельности», «Об основных принципах государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности», «Об охране прав на изобретения и полезные модели», «О государственном регулировании рынка ценных бумаг», «Об охране прав на промышленные образцы», «О банках и банковской деятельности», «Об охране прав на знаки для товаров и услуг», «Об Антимонопольном комитете Украины», «О Национальной полиции Украины», «О прокуратуре». Кроме того, существует еще плоскость подзаконных нормативных актов, детализирующих работу контролирующих субъектов, направленную на предотвращение правонарушений в предпринимательской сфере.

Законодательную базу можно разделить на несколько групп. К первой целесообразно было бы отнести исключительно кодифицированные нормативно-правовые акты. Ко второй группе – нормативно-правовые акты, определяющие виды предпринимательской деятельности и правила ее осуществления. Третью группу составляют правовые акты, определяющие статус властных субъектов, которые наделены контрольными функциями в данной сфере. И в отдельную группу необходимо отнести международные

соглашения, ратифицированные нашим государством. Однако большой массив правовых источников отнюдь не упрощает деятельность уполномоченных субъектов, наоборот, довольно часто дублирует положения, тем самым усложняя возможность их использования.

Нельзя не отметить в правоотношениях, связанных с реализацией права на предпринимательскую деятельность, значительную роль государства. Через систему уполномоченных органов она не только устанавливает правовые основы и гарантии предпринимательства, но и определяет правила конкуренции и нормы антимонопольного законодательства, реализуя тем самым функцию регулирования. Иными словами, государство создает единые условия для реализации права на осуществление предпринимательской деятельности всеми желающими, предотвращает образование монополий и сдерживает неправомерное ограничение конкуренции путем применения ряда правовых средств специально уполномоченными властными субъектами при реализации их компетенции. Речь идет о применении государственной регистрации, лицензирования, сертификации, введении квот и стандартов, регулировании ценообразования и др. Также государство, направляя свои усилия на противодействие правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности, в первую очередь пытается путем применения административно-предупредительных мер разработать действенный механизм предупреждения правонарушений. Для этого законодатель, устанавливая единую государственную политику в каждой отдельно взятой сфере предпринимательской деятельности, определяет виды деятельности и условия ее осуществления, а также закрепляет четкие требования к обязательной регистрации субъектов ведения предпринимательской деятельности и закрепляет четкий перечень документов, необходимых для этого [10].

Принятие Закона Украины «О государственной регистрации юридических лиц, физических лиц-предпринимателей и общественных формирований» стало действенным толчком к внедрению изменений в порядке регулирования деятельности в сфере предпринимательства. Этот

Закон ввел Единый государственный реестр юридических лиц и физических лиц-предпринимателей, при этом значительно усовершенствовал порядок регистрации субъектов предпринимательской деятельности. Кроме того, он создал возможности для поиска и обнаружения скрытого, «фиктивного» предпринимательства, способствует борьбе с коррупцией.

Одной из мер предотвращения правонарушений в сфере предпринимательской деятельности является гарантированная действующими правовыми нормами возможность получения консультационной поддержки по вопросам осуществления государственного надзора (контроля) [11].

Законодатель, реализуя меры государственного контроля, пытаясь выявить и пресечь существующие правонарушения в сфере предпринимательской деятельности, разрешает использовать плановые и внеплановые мероприятия, осуществляемые в форме проверок, ревизий, осмотров, обследований и в других формах, определенных законом [11].

Указанные меры могут быть реализованы только теми органами, которые государство прямо уполномочило на осуществление государственного контроля в хозяйственной сфере, способом и в пределах, определенных законодательством. Значительное количество контролирующих органов позволяет охватить различные аспекты предпринимательской деятельности. Однако нередко возникают ситуации, требующие от уполномоченных властных субъектов, выполняющих свои функции, не только координации действий, но и умения взаимодействовать с другими органами или подразделениями, привлекая их к проведению различного рода мероприятий.

За нарушения требований нормативно-правовых актов в сфере предпринимательской деятельности предусмотрена возможность применения к виновным административной, дисциплинарной, уголовной и гражданской-правовой ответственности. Так, гл. 12 Кодекса Украины об административных правонарушениях предусматривает наступление ответственности за административные правонарушения, совершаемые в сфере торговли, общественного питания, услуг, в обла-

сти финансов и предпринимательское деятельности [12]. При этом речь идет о физических лицах, являющихся субъектами предпринимательской деятельности. Ответственность юридических лиц регулируется рядом правовых актов и позволяет применять к ним хозяйственно-правовые санкции

Так, в соответствии с положениями действующего законодательства, невыполнение предписаний, распоряжений и других распорядительных документов органа государственного надзора (контроля) влечет за собой применение штрафных санкций к субъекту хозяйствования по закону [11]. В свою очередь, Закон Украины «О защите от недобросовестной конкуренции» предусматривает возможность привлечения к ответственности за недобросовестную конкуренцию и применения не только штрафа, но и пени [13]. Еще одним примером может служить Закон Украины «О приватизации государственного и частного имущества».

Следует обратить внимание на то, что достаточно подробно определены основания привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере хозяйственной деятельности. Уголовный кодекс Украины предусматривает 35 видов преступлений в данной сфере, при этом большинство этих деяний носят умышленный характер и караются определенными санкциями.

Выводы. Итак, урегулирование административно-правового механизма противодействия правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности имеет большое значение для нашего государства, поскольку позволяет развиваться экономике страны и способствует благосостоянию ее граждан. Без надлежащего регулирования невозможно соблюдение требований действующего законодательства. Только благодаря взвешенному влиянию государства возможен контроль инфляции, противодействие монополизму и недобросовестной конкуренции.

Однако для достижения желаемого результата необходимы четкое урегулирование правового статуса субъектов противодействия правонарушениям в предпринимательской сфере, разработка действенного механизма привлечения к ответственности правонару-

шителей. Кроме того, нужно наладить механизмы взаимодействия контролируемых субъектов.

Список использованной литературы:

1. Калюжный Р.А., Ластовецкий А.С. Общая характеристика законодательства в сфере предпринимательской деятельности и основные тенденции его развития. *Законодательство Украины: научно-практический комментарий*. 2003. № 4. С. 49. URL: <http://er.nau.edu.ua/bitstream/NAU/26536/1>.

2. Михальский А.А. Понятие интеллектуальной собственности как объекта административно-правового противодействия. *Наше право*. 2016. № 5. С. 110–115.

3. Орлова И.Н. Зарубежный опыт правового регулирования деятельности субъектов хозяйствования. URL: <http://jrn1.nau.edu.ua/index.php/UV/article/viewFile/12737/17568>.

4. Юридический словарь / под ред. Б.М. Бабия и др. Киев, 1974. 848 с.

5. Теория государства и права : учебное пособие / авт.-сост. В.В. Галунько и др.; под общ. ред. В.К. Шкарупы. Херсон, 2007. С. 280.

6. Алексеев С.С. Теория права. Москва, 1994. 224 с.

7. Нормативно-правовой акт. Юридическая сила нормативно-правовых актов. URL: <http://volodarka-rda.gov.ua/index.php?option>.

8. Величко Д.Н. Источники международно-правового регулирования труда : дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Харьков, 2008. 199 с.

9. Конституция Украины: Закон Украины от 28 июня 1996 г. № 254к/96-ВР. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.

10. О государственной регистрации юридических лиц, физических лиц-предпринимателей и общественных формирований: Закон Украины от 15 мая 2003 г. № 755–15. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/card/755-15> (дата обращения: 08.01.2019).

11. Об основных принципах государственного надзора (контроля) в сфере предпринимательской деятельности: Закон Украины от 5 апреля 2007 г. № 877–V. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/card/877-16>.

12. Кодекс Украины об административных правонарушениях: Закон Украины от 7 декабря 1984 г. № 8073–X. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/80731-10>.

13. О защите от недобросовестной конкуренции: Закон Украины от 7 июня 1996 г. № 236/96-ВР. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/card/236/96-%D0%B2%D1%80>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Владимир Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного, уголовного права и процесса Международного университета бизнеса и права

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasiliev Vladimir Nikolaevich – Ph. D. in Law, Associate Professor at the Department of Administrative, Criminal Law and Procedure of International University of Business and Law

vassiliev.adm@gmail.com

УДК 342:352:656

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО НАЗЕМНОГО ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА В УКРАИНЕ

Наталия ВАСИЛЬЕВА,

доктор наук государственного управления, доцент,
профессор кафедры регионального управления, местного самоуправления и управления городом
Национальной академии государственного управления
при Президенте Украины

Давид ШАТИРИШВИЛИ,

аспирант кафедры регионального управления, местного самоуправления и управления городом
Национальной академии государственного управления
при Президенте Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проводится исследование нормативно-правового регулирования функционирования системы общественного наземного электротранспорта в Украине. Проведен анализ законодательства, раскрыты проблемы существующей практики. Обоснован тезис о создании сервисно-ориентированного государства, где гарантированно предоставление качественных публичных услуг населению (на примере наземного электротранспорта). Акцентировано внимание на несовершенстве законодательного поля в анализируемой сфере. Предложены меры по усовершенствованию нормативно-правовой базы для эффективного функционирования системы общественного наземного электротранспорта.

Ключевые слова: транспорт, общественный наземный электротранспорт, транспортные услуги, нормативно-правовое регулирование, политика органов местной власти.

THE NORMATIVE-LEGAL REGULATION OF THE FUNCTIONING OF PUBLIC GROUND ELECTRIC TRANSPORT IN UKRAINE

Nataliia VASYLIEVA,

Doctor of Science in Public Administration, Associate Professor,
Professor at the Department of Regional Administration, Local Self-Government and Urban Management
National Academy for Public Administration under the President of Ukraine

David SHATIRISHVILI,

Ph. D. student of Regional Administration, Local Self-Government and Urban Management Department
of National Academy for Public Administration under the President of Ukraine

SUMMARY

The article conducts a study of the normative-legal regulation of the functioning of the public ground electric transport system in Ukraine. The analysis of legislation was hold and current practice problems were disclosed. The thesis on the creation of a service-oriented state is justified, where the provision of high-quality public services to the population is guaranteed, for example, ground electric transport. Attention on the imperfection of the legislative field in the analysed area is focused. Measures to improve the regulatory framework for the effective functioning of the public ground electric transport system are proposed.

Key words: transport, public ground electric transport, transport services, normative-legal regulation, transport policy.

Постановка проблемы. Формирование сервисно-ориентированного государства требует создания прозрачной системы публичного управления, профессионального института государственной службы, органов местного самоуправления, обеспечения эффективности и результативности их деятельности. Проводимые в стране реформы должны сформировать эффективную систему территориальной организации власти, открытую структуру публичной администрации с внедрением новейших методов,

инструментов и технологий, способную реализовывать целостную государственную региональную политику; обеспечить эффективность местного самоуправления, способного гибко реагировать на внутренние и внешние вызовы, реализовывать в полной мере положения Европейской хартии местного самоуправления, в частности, принципы subsidiarity в сфере предоставления публичных услуг [1, с. 5].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что социальная справедливость – главная ценность

общественной жизни – основывается на принципах единства интересов общества и личности, на урегулировании прав и обязанностей людей и различных общественных институций. В условиях общественных трансформаций фундаментальной основой становится создание государства с динамической, сервисно-ориентированной структурой, что влияет на гарантированное предоставление качественных публичных (коммунальных, транспортных, социальных, административных и других) услуг населению.

Целью и задачей статьи является теоретическое исследование нормативно-правового регулирования функционирования системы городского общественного наземного электро транспорта в Украине и предложение конкретных мер по его улучшению.

Изложение основного материала. Деятельность общественного наземного электро транспорта осуществляется согласно законам Украины «О транспорте» (от 11 ноября 1994 г. № 232/94-ВР), «О городском электрическом транспорте» (от 29 июня 2004 г. № 1914-IV), «О дорожном движении» (от 30 июня 1993 г. № 3353-XII), «Об особенностях осуществления закупок в отдельных сферах хозяйственной деятельности» (от 24 мая 2012 г. № 4851-VI), «Об основах государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности» (от 5 апреля 2007 г. № 877-V), «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно внедрения автоматизированной системы учета оплаты проезда в городском пассажирском транспорте» (от 17 января 2017 г. № 1812-VIII), «О защите прав потребителей» (от 12 мая 1991 г. № 1023-XII), «Об обеспечении санитарного и эпидемического благополучия населения» (от 24 февраля 1994 г. № 4004-XII), другим законодательным и нормативно-правовым актам.

Например, в ст. 34 Закона Украины «О транспорте» отмечено, что городской электро транспорт состоит из предприятий городского электро транспорта, осуществляющих перевозки пассажиров, грузов, багажа, почты, движимого состава, трамвайных и троллейбусных линий, ремонтно-эксплуатационных депо, служебных помещений, фуникулеров, канатных дорог, эскалаторов, заводов по ремонту движимого состава и изготовления запасных частей, сооружений энергетического хозяйства и связи, промышленных, ремонтно-строительных, торговых и снабженческих организаций, учебных заведений, научно-исследовательских и проектно-конструкторских учреждений, учреждений здравоохранения, отдыха, физической культуры и спорта, других культурно-бытовых заведений и предприятий, учреждений и организаций, независимо от форм собственности, обеспечивающих его работу. Согласно

ст. 1 Закона Украины «О городском электрическом транспорте», городской электро транспорт – составляющая часть единой транспортной системы, предназначен для перевозки граждан трамваями, троллейбусами, поездами метрополитена на маршрутах (линиях) согласно требованиям жизнеобеспечения населенных пунктов. Транспортные услуги – это перевозка пассажиров и их багажа городским электро транспортом, а также предоставление других услуг, связанных с перевозкой [2].

Местные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления обеспечивают реализацию государственной политики в сфере городского электро транспорта, разрабатывают и обеспечивают выполнение региональных и местных программ его развития, устанавливают тарифы и порядок взимания платы за проезд, информируют население о принятых решениях об изменениях, осуществляют контроль за процессом перевозки пассажиров, обеспечивают координацию работы, связанной с функционированием электрического и других видов городского транспорта, создают надлежащие дорожные условия для осуществления перевозок, мероприятия по развитию, улучшению и обустройства маршрутной сети, осуществляют другие функции по созданию безопасных условий деятельности в данной сфере согласно действующему законодательству.

Закон Украины «О дорожном движении» определяет правовые и социальные основы дорожного движения с целью обеспечения защиты жизни и здоровья граждан, создания безопасных и комфортных условий для участников движения, охраны окружающей среды; согласно Закону Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно внедрения автоматизированной системы учета оплаты проезда в городском пассажирском транспорте», Правила пользования городским электро транспортом утверждаются соответствующим органом местного самоуправления. Они определяют порядок проезда и его оплаты, права и обязанности пассажиров, а также взаимоотношения перевозчиков и пассажиров во время предоставления транспортных услуг,

учитывая особенности транспортной инфраструктуры и наличие автоматизированной системы учета оплаты проезда. Органы местного самоуправления внедряют автоматизированную систему учета оплаты проезда, устанавливают порядок её функционирования, а также формы носителей, виды, порядок обращения и регистрации проездных документов, определяют лицо, уполномоченное осуществлять взимание оплаты за транспортные услуги в случае внедрения автоматизированной системы учета оплаты проезда [2].

Развитие системы общественного наземного электро транспорта осуществляется на основании приказов следующих центральных органов исполнительной власти:

– Государственного комитета Украины по жилищно-коммунальному хозяйству (приказы № 21 от 15 мая 1995 г. (Правила размещения и обустройства остановок городского электро- и автомобильного транспорта) [3], № 103 от 10 декабря 1996 г. (Правила эксплуатации трамвая и троллейбуса) [4], № 99 от 17 июня 2003 г. (Правила регистрации и учета трамвайных вагонов и троллейбусов) [5]);

– Государственного комитета строительства, архитектуры и жилищной политики Украины (приказ № 116 от 11 мая 1999 г. (Инструкция о порядке учета разовых и абонементных билетов на проезд в городском общественном электро транспорте) [6]);

– Министерства строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Украины / Министерства по вопросам жилищно-коммунального хозяйства Украины (приказы № 4 от 10 января 2007 г. (Тарифы на выполнение работ, связанных с государственным техническим осмотром трамвайных вагонов, троллейбусов, трамвайного пути, контактной сети, тяговых подстанций, и регистрацию (перерегистрацию) трамвайных вагонов и троллейбусов) [7], № 71 от 25 марта 2008 г. (Методические рекомендации по расчету тарифов на услуги городского электро транспорта) [8], № 490 от 31 декабря 2010 г. (Методические рекомендации по определению потерь предприятий городского электрического транспорта в случаях временного закрытия или препятствования движению трамваев или троллейбусов) [9]);

– Министерства инфраструктуры Украины (приказы № 940 от 25 ноября 2013 г. (Порядок формирования тарифов на услуги городского электрического транспорта) [10], № 44 от 15 сентября 2014 г. (Положение о рабочем времени и времени отдыха водителей трамвая и троллейбуса) [11]).

Итак, анализ нормативно-правовой базы свидетельствует о периодических изменениях требований к организации работы предприятий, в т. ч. к работникам городского электротранспорта. В свою очередь, на основе данных документов коммунальные предприятия городского электротранспорта разрабатывают собственные положения, инструкции и нормативные документы. Однако законодательное поле в сфере наземного электротранспорта несовершенно. Отметим, что Закон Украины «О городском электрическом транспорте» определяет следующие важные аспекты государственной политики в данной сфере [12, ст. 7]:

- доступность транспортных услуг для всех слоев населения;
- приоритетность развития городского электрического транспорта в городах с повышенным уровнем загрязнения окружающей среды и курортных регионах;
- создание благоприятных условий для производства отечественного подвижного состава и его улучшения;
- безубыточность работы перевозчиков.

Согласно закону, реализация государственной политики в области городского электротранспорта осуществляется путем формирования нормативно-правовой базы функционирования, осуществления государственного контроля за его техническим состоянием и обеспечением безопасности движения, содействия реализации инвестиционных и инновационных проектов в этой сфере, поддержки отечественных производителей подвижного состава и оборудования, обеспечения прав потребителей транспортных услуг. На практике и в отчетах компетентных органов государственной власти, в частности Министерства инфраструктуры Украины, отмечаются такие проблемные вопросы: сокращение сети городского электротранспорта, старение и умень-

шение количества единиц подвижного состава, изношенность трамвайных путей и контактных сетей, неполная компенсация за льготные перевозки, отсутствие инвестиций в развитие и недобросовестная конкуренция со стороны частных перевозчиков.

Очевидно расхождение практической реализации государственной политики в области общественного наземного электротранспорта с декларируемым в Законе положением. Тарифная политика, проводимая в сфере услуг городского общественного транспорта, с одной стороны, направлена на обеспечение доступности перевозок всех слоев населения, что, с другой стороны, делает невозможной безубыточность работы перевозчиков. Поэтому местные органы власти выработывают на практике финансовый и организационный механизмы, позволяющие соотносить выполнение одного без ущерба для другого.

Во многих городах пересмотр тарифов в сфере пассажирских перевозок происходит исходя из экономически обоснованных плановых расходов и прибыли. Однако информирование общественности о пересмотре стоимости проездных билетов в условиях существующего бюрократизма сопровождается длительными разъяснениями, что, в свою очередь, приводит к потере доверия населения к органам власти и коммунальным предприятиям, сопротивлению и даже митингами. Закрывать механизмы регулирования деятельности в сфере пассажирских перевозок, в первую очередь ценообразования, усложняет развитие финансовой грамотности и социальной ответственности предоставляющих услугу и её получающих.

Многие ученые и практики отмечают, что нормативно-правовое регулирование не соответствует в полной мере существующим взаимоотношениям между субъектами рынка общественного транспортного обслуживания. О чем свидетельствует ежегодное увеличение убытков перевозчиков, технический и кадровый голод, неудовлетворительное состояние системы в целом. Такая ситуация требует создания новых программных документов, среди них Стратегия развития транспортной системы, Концепция и Государственная целевая программа развития транс-

порта, Генеральные планы и Стратегии развития населенных пунктов и др. Многие из них устарели и имеют, к сожалению, декларативное назначение. Определив европейскую интеграцию как основополагающий вектор своего развития, подписав и ратифицировав ряд соответствующих международных конвенций, участвуя в международных организациях, Украина обязалась обновить нормативно-правовое поле регулирования развития национальной транспортной системы, в т. ч. функционирования общественного наземного электрического транспорта.

Современные тенденции реформирования городского транспорта в развитых странах и задекларированные Международным союзом общественного транспорта принципы его организации ключевыми целями определяют устойчивое развитие населенных пунктов и улучшение качества жизни граждан. В контексте развития транспортной политики Евросоюза важнейшим шагом стало принятие Европейской комиссией Белой книги «Транспорт – 2050». Реализация положений данного документа требует значительного изменения существующей транспортной системы, создания нового транспортного рынка, увеличив уровень мобильности и снизив уровень экологической загрязненности [13, с. 76–77].

Выводы. Обновление нормативно-правовой базы функционирования системы общественного наземного электротранспорта требует следующего:

- пересмотра существующих нормативно-правовых актов, в т. ч. принятых на местном уровне, с целью выявления неактуальных и устаревших из них, и разработки, утверждения новых, что позволит качественно улучшить существующую ситуацию по регулированию отношений в этой сфере, строительства, эксплуатации и ремонта ее объектов согласно европейским требованиям;
- уточнения принципов взаимодействия всех субъектов деятельности, обновления Положений о заказчиках, поставщиках и потребителях транспортных услуг, их правах и обязанностях, ответственности за свои действия и бездеятельность;
- определения четких критериев оценивания эффективности и качества реализации государственной и муницип-

ципальной политики в области общественного наземного электротранспорта (безопасность перевозок, экологичность, доступность, в т. ч. инклюзивность пассажирского транспорта, устойчивое развитие, профессионализм и культура предоставления услуг и т. д.), их согласования со стратегиями и планами социально-экономического и культурного развития территорий, национальными (отраслевыми) стратегиями;

– общественного контроля и оценки деятельности органов местного самоуправления в сфере организации деятельности общественного транспорта, бюджетного финансирования для предотвращения проявлений коррупции, условий для привлечения инвестиций и государственно-частного партнерства, либерализации ценообразования на рынке общественного транспорта, предотвращения недобросовестной конкуренции в сфере предоставления услуг общественного транспорта и т. д.

Список использованной литературы:

1. Публічне управління розвитком регіонів у процесі побудови сервісно-орієнтованої держави: теорія, методологія та практика : монографія / автор. кол. викладачів, докторантів та аспірантів – виконавців науково-дослідної роботи кафедри регіонального управління, місцевого самоврядування та управління містом Національної академії державного управління при Президентові України ; за заг. ред. Н.В. Васильєвої, О.І. Васильєвої. Київ : Вид-во НАДУ, 2018. 304 с.

2. Официальный сайт Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

3. Про затвердження Правил розміщення та обладнання зупинок міського електро- та автомобільного транспорту: наказ Державного комітету України з питань житлово-комунального господарства від 15 травня 1995 р. № 21. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

4. Про затвердження Правил експлуатації трамвая та тролейбуса: наказ Державного комітету України з питань житлово-комунального господарства від 10 грудня 1996 р. № 103. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

5. Про затвердження Правил реєстрації та обліку трамвайних вагонів і тролейбусів: наказ Державного комітету України з питань житлово-комунального господарства від 17 червня 2003 р. № 99. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

6. Про затвердження Інструкції про порядок обліку разових квитків на проїзд у міському електротранспорті та абонементних квитків на проїзд у міському громадському транспорті України і форм облікових документів № 1 (разові квитки), № 2 (абонементні квитки), № 3-ШЛ (шляховий лист): наказ Державного комітету будівництва, архітектури та житлової політики України від 11 травня 1999 р. № 116. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

7. Про затвердження тарифів на виконання робіт, пов'язаних із державним технічним оглядом трамвайних вагонів, тролейбусів, трамвайної колії, контактної мережі, тягових підстанцій, та реєстрацію (перереєстрацію) трамвайних вагонів і тролейбусів: наказ Міністерства будівництва, архітектури та житлово-комунального господарства України від 10 січня 2007 р. № 4. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

8. Про затвердження Методичних рекомендацій щодо розрахунку тарифів на послуги міського електротранспорту: наказ Міністерства з питань житлово-комунального господарства України від 25 березня 2008 р. № 71. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

9. Про затвердження Методичних рекомендацій щодо визначення втрат підприємств міського електричного транспорту у випадках тимчасового закриття або перешкоджання рухові трамваїв чи тролейбусів: наказ Міністерства з питань житлово-комунального господарства України від 31 грудня 2010 р. № 490. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

10. Про затвердження порядку формування тарифів на послуги міського електричного транспорту (трамвай, тролейбус): наказ Міністерства інфраструктури України від 25 листопада 2013 р. № 940. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

11. Про затвердження Положення про робочий час і час відпочинку водіїв трамвая та тролейбуса: наказ Міністерства інфраструктури України

від 15 вересня 2014 р. № 44. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

12. Про міський електричний транспорт: Закон України від 29 червня 2004 р. № 1914-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

13. Волик В.В. Методологічні засади формування державної політики у сфері міського транспорту. *Право і суспільство*. 2014. № 5. С. 73–77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Наталия Викторовна – доктор наук государственного управления, доцент, профессор кафедры регионального управления, местного самоуправления и управления городом Национальной академии государственного управления при Президенте Украины;

Шатиришвили Давид Арчилович – аспирант кафедры регионального управления, местного самоуправления и управления городом Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasylieva Nataliia Viktorovna – Doctor of Science in Public Administration, Associate Professor, Professor at the Department of Regional Administration, Local Self-Government and Urban Management, National Academy for Public Administration under the President of Ukraine;

Shatirishvili David Archilovych – Ph. D. student of Regional Administration, Local Self-Government and Urban Management Department of National Academy for Public Administration under the President of Ukraine

vasilyeva.nadu@gmail.com

УДК 35.078

КЛАССИФИКАЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ СУБЪЕКТАМ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В МЕДИЦИНСКОЙ ОТРАСЛИ УКРАИНЫ

Николай ВАСЮК,

аспирант кафедры гражданского и хозяйственного права
Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы существующие классификации публичных услуг и предложена авторская классификация публичных услуг в медицинской отрасли Украины. Сделан вывод о том, что чаще всего публичные услуги разделяют по субъектам на: государственные, управленческие, муниципальные, административные, коммунальные. Предложено все публичные услуги, предоставляемые в медицинской сфере Украины, разделять на основании административного акта по объему процедурных действий, по юридическим последствиям, по критерию платности, по субъектам получения, по правовой регламентации, по субъектам предоставления, по источникам финансирования.

Ключевые слова: административное право, публичные услуги, субъекты публичной администрации, медицинская отрасль.

THE CLASSIFICATION OF PUBLIC SERVICES PROVIDED SUBJECTS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE MEDICAL INDUSTRY OF UKRAINE

Nikolay VASIUK,

Postgraduate Student at the Department of Civil and Commercial Law
of National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

SUMMARY

The article analyzes the existing classifications of public services and proposes the author's classification of public services in the medical industry of Ukraine. It is concluded that most often public services are divided on the basis of the subject that provides: state, administrative, municipal, administrative, and municipal. All public services that are represented in the medical field of Ukraine are divided on the basis of an administrative act, in terms of procedural actions, according to legal consequences, according to the criterion of payment, according to the subjects of receipt, according to the legal regulation, according to the subjects of provision, according to the source of funding.

Key words: administrative law, public services, subjects of public administration, medical industry.

Постановка проблемы. Сейчас, в условиях реформирования право-творческих процессов, увеличения количества субъектов публичной администрации, уполномоченных предоставлять различные виды услуг, принятия значительного количества нормативно-правовых актов, которые призваны урегулировать отдельные отношения по предоставлению соответствующих услуг, актуализируется вопрос исследования реального ресурса публичных услуг. Отсутствует отдельный кодифицированный акт законодательства, регулирующий все публичные услуги, предоставляемые органами власти, нет четкого регулирования процедуры предоставления публичных услуг, в частности, в медицинской отрасли Украины.

Актуальность темы исследования. Украина как ассоциированный член Европейского сообщества стоит на пути проведения административ-

ной реформы и совершенствования национального законодательства путем приведения его в соответствие с международными стандартами надлежащего управления. Одним из направлений реформы правовой системы в Украине является совершенствование и реформирование публичных услуг в медицинской отрасли, которая имеет большое значение в общественных правоотношениях, ведь именно от качества предоставления таких услуг во многом зависит жизнь и здоровье граждан Украины.

Состояние исследования. Вопросы классификации публичных услуг интересовали таких ученых, как: И. Венедиктова, И. Колиушко, Е. Легеза, А. Нестеров, А. Писаренко, В. Сороко, С. Сороковская, В. Тимошук, Ю. Тихомиров, М. Чеснокова и др. Но проблеме классификации публичных услуг в медицинской сфере Украины не уделялось должное внимание.

Целью и задачей статьи является проведение анализ существующих классификаций публичных услуг, предложение авторской классификации публичных услуг в медицинской отрасли Украины с целью их эффективного применения на практике.

Изложение основного материала. Понятие «классификация» (от лат. *classic* – «разряд, класс», *facio* – «делаю, раскладываю») трактуется как система соподчиненных понятий (классы объектов) какой-либо области знаний или деятельности человека, применяется как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов, а также для точного ориентирования в разнообразии понятий или соответствующих объектов [3, с. 357].

Акцентируя внимание на получателе услуг, различают услуги для граждан (регистрация, выдача личных документов, образовательные услуги, предоставление права пользования публичными

библиотеками); услуги для предпринимателей и юридических лиц (выдача лицензий, разрешений, регистрация компаний, консультации по вопросам налогообложения); услуги информационного характера, предоставляемые органами государственной власти и местного самоуправления [14, с. 28].

Эта классификация услуг, по нашему мнению, сочетает несколько подходов (по субъектам предоставления, субъектам их получения, сфере реализации). Мы разделяем мнение Е. Легезы [7, с. 86], предлагающей выделить услуги государственного аппарата, предоставляемые налогоплательщикам, среди прочих услуг, предоставляемых государственным аппаратом и основывающихся на осуществлении властных полномочий. Не стоит выделять четвертую группу публичных услуг, ведь не все функции государственных органов направлены на оказание публичных услуг обществу, и в эту группу можно отнести любые услуги, предоставляемые органами государственной власти.

Публичные услуги разделяют по таким критериям, как: обязательность нормативного регулирования процедуры предоставления; непрерывность и доступность; непосредственное участие органов публичной власти и публичных учреждений в предоставлении услуг; общеобязательность признания полномочия на предоставление услуги и обеспечения ее предоставления [5].

По нашему мнению, обязательность нормативного регулирования процедуры предоставления, непрерывность и доступность являются не критериями дифференциации публичных услуг, а принципами их предоставления.

С позиции юридической значимости государственных услуг различают услуги, выражающиеся через совершение юридических действий (государственная регистрация субъектов, объектов, фактов, действий, лицензирование, аттестация, аккредитация, выдача разрешений); услуги, выражающиеся через совершение фактических действий (консультирование, оказание медицинской помощи, предоставление информации из информационных баз данных) [10, с. 13].

С. Сороковская различает публичные услуги, предоставляемые по инициативе физических и юридических

лиц, и услуги, обязательность которых установлена законодательством [13].

По общему интересу выделяют группы публичных услуг, среди которых услуги, имеющие социальное назначение; фиксирующиеся через обязанности гражданина совершать определенные действия для личного блага, надобность в которых вызвана сочетанием частного и публичного интересов; направленные на удовлетворение частного интереса (лицензирование, квотирование видов хозяйственной деятельности), связанные с публичным интересом или с функциями государства [11, с. 12].

И. Венедиктова публичные услуги классифицирует следующим образом:

– публичные услуги, предоставляемые в частных интересах, но имеющие социальное назначение и гарантированные каждому;

– публичные услуги, потребность в которых вызвана сочетанием частного и публичного интересов через обязанности гражданина совершать определенные действия для собственного блага;

– публичные услуги, связанные с чисто публичным интересом или государственными функциями, которые направлены на удовлетворение частного интереса [4, с. 55].

В. Сороко [12, с. 18–19] публичные услуги распределяет по сферам их осуществления на следующие:

– защита: жизни, собственности, интеллектуальной собственности;

– социальная защита: детей, пожилых людей;

– регистрация, лицензирование: изменение гражданского состояния, состояния субъектов и объектов; образования общин, организаций; определенных видов деятельности;

– повседневная деятельность: здравоохранение; обеспечение коммунальной, бытовой сферами; аграрные вопросы;

– коммуникация: почта, Интернет, транспорт, средства массовой информации;

– духовное и культурное самовыражение: отдых, физическая культура и спорт.

В. Сороко выделяет и информационные услуги, непосредственно отраженные в Законе Украины «О жилищно-коммунальных услугах».

А. Писаренко [8] по признакам субъекта, предоставляющего публичные услуги, различает:

– государственные услуги, предоставляемые органами государственной власти и государственными предприятиями, учреждениями и организациями;

– управленческие услуги, предоставляемые органами исполнительной власти и органами местного самоуправления в пределах соответствующих полномочий;

– муниципальные услуги, предоставляемые органами местного самоуправления, коммунальными предприятиями, учреждениями и организациями;

– административные услуги – это та часть публичных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти и местного самоуправления, предоставление которых связано с реализацией властных полномочий.

Если взять определение административной услуги, содержащееся в Административно-процедурном кодексе Украины [2], то признаки административных и управленческих услуг схожи. Однако мы разделяем мнение А. Писаренко [8] о том, что определение «административные услуги» является корректным, так как указывает на субъекта, который предоставляет такие услуги, и характеризует властно-публичную (административную) природу деятельности по предоставлению этих услуг.

Мы поддерживаем позицию И. Колиушко [1, с. 117], что понятие «публичные услуги» включает и социальные услуги, ведь социальные услуги имеют все признаки публичных услуг.

По властно-распорядительной деятельности органов государственной власти (органы местного самоуправления) публичные услуги делятся на административные, хозяйственные, консультационные и информационно-справочные [7, с. 78]. По процедуре осуществления – на юридические действия [9, с. 140] и фактические действия [6, с. 131].

Таким образом, ученые дифференцируют публичные услуги, используя различные подходы: позиции получателей услуг; юридической значимости государственных услуг; интереса; их необходимости; потребности человека; по сферам их осуществления; по иници-

ативе физических и юридических лиц; услуги, обязательность которых установлена законодательством; в зависимости от субъекта, предоставляющего публичные услуги; по властно-распорядительной деятельностью органов государственной власти (органы местного самоуправления) и др. Однако чаще всего их разделяют по признакам предоставляющего услуги субъекта на: государственные, управленческие, муниципальные, административные, коммунальные.

Е. Легеза [7] публичные услуги делит:

- по результатам выдачи административного акта (разрешение, лицензия, свидетельство, удостоверение, регистрация, справка);

- по объему процедурных действий (основные услуги, предоставляемые по заявлениям; сопутствующие услуги, предусмотренные как отдельные обязательные процедуры при осуществлении основной государственной услуги; дополнительные услуги);

- по юридическим последствиям (правонаделяющего, правопрекращающего, правоограничивающего характера);

- по критерию платности (платные и бесплатные (государственная пошлина взимается или нет));

- в зависимости от субъекта получения государственной услуги (получают физические лица или юридические лица; смешанные услуги, потребителями которых являются и физические, и юридические лица);

- в зависимости от правовой основы регламентации: регламентируемые законодательными актами (законами Украины) и регламентируемые подзаконными актами (актами Президента, Кабинета Министров, нормативными актами центральных органов исполнительной власти);

- по субъекту предоставления (государственные (предоставляются субъектами государственной власти), муниципальные (предоставляются органами местного самоуправления));

- по источнику финансирования (за счет средств государственного бюджета; за счет средств местного бюджета);

- по сроку предоставления (краткосрочные (до 30 суток) и долгосрочные (более 30 суток)).

Выводы. Предлагаем следующую классификацию публичных услуг, предоставляемых субъектами публичной администрации в медицинской отрасли Украины.

По результатам выдачи административного акта:

- разрешения (на выпуск (производство) лекарственных средств, на выпуск (реализацию) серии лекарственных средств (для импорта лекарственных средств (кроме активных фармацевтических ингредиентов), разрешенных к импорту, на ввоз (вывоз), транзит через территорию Украины наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров);

- лицензии (на производство лекарственных средств, оптовую и розничную торговлю, их импорт (кроме активных фармацевтических ингредиентов));

- разрешения на медицинскую практику, осуществляемые путем лицензирования профессии медицинских и фармацевтических работников.

На основании административного акта:

- регистрация (с ведением реестров: Единый государственный реестр юридических лиц и физических лиц-предпринимателей; Реестр врачей, которые получили лицензию на осуществление профессиональной деятельности; Государственный реестр лекарственных средств Украины; Реестр аккредитованных учреждений) юридических лиц и физических лиц-предпринимателей; сведений о государственной регистрации прекращения деятельности юридического лица; врачей, которые получили лицензию на осуществление профессиональной деятельности; лекарственных средств; аккредитованных учреждений здравоохранения;

- решение (о выдаче лицензии определенному лицензиату на осуществление хозяйственной деятельности; об аннулировании лицензий на осуществление хозяйственной деятельности по выдаче сертификата, о продлении действия лицензии на новый срок и применении соответствующих санкций).

По объему процедурных действий:

- основные услуги, предоставляемые по заявлениям (лицензии на право осуществления хозяйственной деятельности по производству лекарственных

средств, их оптовой, розничной торговли, импорт лекарственных средств; лицензии на право осуществления хозяйственной деятельности медицинских и фармацевтических работников);

- сопутствующие услуги, предусмотренные как отдельные обязательные процедуры при осуществлении основной государственной услуги, в том числе документальное оформление услуг (внесение изменений в запись в Единый государственный реестр юридических лиц и физических лиц-предпринимателей, Реестр врачей, которые получили лицензию на осуществление профессиональной деятельности, Государственный реестр лекарственных средств Украины, Реестр аккредитованных учреждений; предоставление заявителям бланков информационно-учетного характера: регистрация разрешений на выпуск, производство лекарственных средств (для производства лекарственных средств (промышленного), на выпуск (реализацию) серии лекарственного средства (для импорта лекарственных средств (кроме активных фармацевтических ингредиентов), разрешенных к импорту, на ввоз (вывоз), транзит через территорию Украины наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров (снятие с регистрационного учета), проведение осмотра с предоставлением экспертного заключения о соответствии материально-технической базы, технических средств и системы обеспечения качества лекарственных средств установленным требованиям);

- дополнительные услуги (предоставление практической помощи по приведению материально-технической базы и документации в соответствие с установленными требованиями для предпринимательской деятельности, связанной с реализацией лекарственных средств, привлечение электронных ресурсов к процедуре подачи лицензионных документов и выдачи лицензии).

По юридическим последствиям:

- правонаделяющего характера (выдача разрешения на выпуск лекарственных средств (для промышленного), на ввоз (вывоз) лекарственных средств);

- правопрекращающего характера (аннулирование лицензий на осуществ-

вление хозяйственной деятельности по медицинской практике; аннулирование лицензий на осуществление хозяйственной деятельности по культивированию растений, включенных в перечень наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, и по разработке, изготовлению, производству, перевозке, хранению, реализации, приобретению, ввозу на территорию Украины, вывозу с территории Украины, уничтожение и использование наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, включенных в перечень);

– правоограничивающего характера (осуществление контроля за соблюдением субъектами хозяйствования медицинской сферы лицензионных условий осуществления хозяйственной деятельности, согласование условий обеспечения безопасности хранения лекарственных средств).

По критерию платности: платные и бесплатные.

По субъектам получения: физические и юридические лица частного права; юридические лица публичного права.

По правовой регламентации:

– регламентируются законодательными актами (законами Украины), в частности, основанием для оформления лицензии является положение Закона Украины «О лицензировании видов хозяйственной деятельности». Законом Украины «О местных государственных администрациях» регламентируется деятельность местных государственных администраций в сфере здравоохранения;

– подзаконными актами (актами Президента, Кабинета Министров Украины, нормативными актами центральных органов исполнительной власти) (аккредитация учреждений здравоохранения осуществляется на основе постановления Кабинета Министров Украины «Об утверждении Порядка аккредитации учреждения здравоохранения» от 15 июля 1997 г. № 765).

По субъектам предоставления: субъекты публичной администрации (органы государственной власти (Министерство здравоохранения Украины, Гослекслужба)); органы местного самоуправления; юридические лица публичного права, которые не имеют статуса органа публичной власти (госу-

дарственные предприятия, учреждения); юридические лица частного права (ООО «Украинский центр медицинской сертификации и прогнозирования»).

По источнику финансирования: финансируются за счет средств государственного бюджета; финансируются за счет средств местного бюджета.

Список использованной литературы:

1. Административная процедура и административные услуги. Зарубежный опыт и предложения для Украины / авт.-сост. В. Тимошук ; под ред. И. Колиушко. Киев, 2003. 496 с.

2. Административно-процедурный кодекс Украины. URL: https://minjust.gov.ua/m/str_2734.

3. Большой энциклопедический юридический словарь / под ред. Ю. Шемшученка. Киев : Юридическая мысль, 2007. 992 с.

4. Венедиктова И. Юридическая природа публичных услуг. *Вестник Харьковского национального университета*. Серия «Право». 2009. № 841. С. 88–91.

5. Горбатюк В. Понятие и виды публичных услуг в сфере управления государственными финансами. *Актуальные проблемы государственного управления*. 2012. Вып. 3. С. 51–56.

6. Азимов Ч., Сибилев М., Борисова В. Гражданское право Украины : учебник. Ч. 1. Харьков : Право, 2000. 368 с.

7. Легеза Е. Административные услуги, предоставляемые милицией общественной безопасности : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. Днепропетровск, 2011. 20 с.

8. Писаренко Г. Административные услуги в Украине. *Актуальные проблемы государства и права*. 2005. № 26. С. 160–165.

9. Правоведение : учебник / под ред. В. Копейчикова, А. Колодия. Киев : Юринком-Интер, 2006. 750 с.

10. Публичные услуги и право : научно-практическое пособие / под ред. Ю. Тихомирова. М. : Норма, 2007. 234 с.

11. Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт) : сборник / под общей ред. Е. Гриценко, Н. Шевелевой. Москва, 2007. 256 с.

12. Сороко В. Предоставление публичных услуг органами государственной власти и оценка их качества : учебное пособие. Киев, 2008. 104 с.

13. Сороковская С. Проблема предоставления услуг органами местного самоуправления. URL: file:///C:/Users/Intel/Downloads/Nvamu_uprav1_2013_1_51.pdf.

14. Тихомиров Ю., Чеснокова М. Совершенствование организации управления и оказания публичных услуг. *Журнал русского права*. 2005. № 3. С. 20–37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васюк Николай Николаевич – аспирант кафедры гражданского и хозяйственного права Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasiuk Nikolay Nikolaevich – Postgraduate Student at the Department of Civil and Commercial Law of National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

nick.vasyuk44@gmail.com

УДК 343.148

ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ

Андрей ВОРОБЧАК,

директор

Черновицкого юридического института

Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию особенностей оценки достоверности заключения эксперта в уголовном производстве Украины. На основании обобщения приведенных в доктрине уголовного процесса и сформированных в судебной практике позиций определены условия оценки заключения эксперта с точки зрения его достоверности. Осуществлена характеристика особенностей оценки указанного источника доказательств по каждому из приведенных условий.

Ключевые слова: заключение эксперта, источник доказательств, достоверность заключения эксперта, уголовное производство.

ASSESSMENT OF THE ACCURACY OF THE EXPERT OPINION IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF UKRAINE

Andrey VOROBCHAK,

Director

of the Chernivtsi Law Institute

of the National University "Odessa Academy of Law"

SUMMARY

The article is devoted to the research of the features of the evaluation of the reliability of the expert opinion in the criminal proceedings of Ukraine. On the basis of generalization of the positions, given in the doctrine of the criminal process and formed in the judicial practice, the conditions of the evaluation of the expert opinion in terms of its reliability are determined. The characteristic of the features of evaluation of the specified source of evidences for each of the given conditions are described.

Key words: expert opinion, source of evidences, reliability of expert opinion, criminal proceedings.

Постановка проблемы. Одним из процессуальных свойств заключения эксперта как источника доказательств является его достоверность. В отличие от относимости и допустимости доказательств, содержание которых определяется законодателем путем использования понятий «относимые доказательства» и «допустимые доказательства» (ч. 1 ст. 85 и ст. 86 Уголовного процессуального кодекса (далее – УПК) Украины), понятие и содержание достоверности доказательств нормами уголовного процессуального закона не определяется, хотя он закрепляет обязанность субъектов доказывания оценить каждое доказательство с точки зрения не только относимости и допустимости, но и достоверности [1]. Достоверность доказательств и их процессуальных источников тесно связана с их соответствием действительности, в связи с чем в теоретическом аспекте ее содержание по сравнению с другими процессуальными свойствами источников доказательств вызывает значительное количество научных

дискуссий, а в практическом аспекте установление достоверности в ходе уголовного производства составляет наибольший удельный вес в процессе оценки доказательств и их процессуальных источников.

Состояние исследования. Изучению как теоретических вопросов, связанных с характеристикой процессуальных свойств доказательств и их источников, в том числе достоверности, так и практических основ их установления при оценке доказательств и их источников в уголовном производстве ученые уделили существенное внимание. В частности, к указанной проблематике обращались И.В. Гловюк, О.В. Каплина, С.А. Ковальчук, М.М. Михеенко, В.Т. Нор, Ю.К. Орлов, И.Л. Петрухин, Н.А. Погорельский, Д.Б. Сергеева, Н.Н. Стоянов, Н.Е. Шумило, М.Г. Щербакровский и другие отечественные и зарубежные ученые. Но сегодня в доктрине уголовного процесса содержание достоверности заключения эксперта и механизм установления

этого его процессуального свойства не нашли однозначного понимания, что приводит к ряду проблем теоретического и прикладного характера.

Целью и задачей статьи является раскрытие понятия и содержания достоверности как процессуального свойства заключения эксперта, определение особенностей его оценки с точки зрения достоверности.

Изложение основного материала. Установление содержания понятия «достоверность доказательств» как уголовной процессуальной категории является одной из наиболее сложных проблем как в целом, так и относительно отдельных видов источников доказательств. Как отмечает С.А. Ковальчук, понятие достоверности доказательств подлежит раскрытию путем указания на их соответствие объективной действительности и возможность использования для установления фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном производстве [2, с. 187]. В полной мере такая позиция относится и к заключе-

нию эксперта, но с учетом присущей этому процессуальному источнику доказательств специфики.

В доктрине уголовного процесса обращается внимание на то, что оценка достоверности заключения эксперта включает в себя ряд условий, обеспечивающих установление достоверности не только содержания указанного источника доказательств, но и условий проведения экспертизы и полученных результатов экспертного исследования. Так, Н.М. Сенченко указывает на то, что достоверность определяется по таким параметрам: 1) надежность использованной методики; 2) достаточность предоставленных экспертам материалов; 3) правильность предоставленных экспертам материалов; 4) полнота исследования [3, с. 244–245]. Отличительную по содержанию позицию отстаивает С.В. Немира, по мнению которого оценка достоверности заключения эксперта включает в себя: 1) оценку компетентности эксперта; 2) оценку достоверности и достаточности объектов (материалов), представленных на экспертизу; 3) оценку достоверности примененной экспертной методики; 4) оценку достоверности содержания заключения эксперта [4, с. 2].

Иную точку зрения отстаивает И.В. Бурков, выделяя применительно к заключению эксперта такие основные требования (условия), которые обеспечивали бы достоверность данного доказательства: 1) доброкачественность и достаточность представленных эксперту материалов; 2) научную обоснованность экспертной методики и правомерность ее применения в данном конкретном случае; 3) полноту проведенного экспертом исследования; 4) обоснованность и убедительность содержания заключения эксперта; 5) квалификацию, компетентность и объективность эксперта [5, с. 90–91]. Похожим образом условия достоверности указанного источника доказательств определяются в п. 9 письма Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел «О некоторых вопросах порядка осуществления судебного разбирательства в судебном производстве в первой инстанции в соответствии с Уголовным процессуальным кодексом Украины» от 5 октября 2012 г. № 223–1446/0/4–12,

согласно которому определять достоверность заключения эксперта (правильное отображение материальных и нематериальных следов) необходимо с учетом: 1) оценки надежности примененной экспертом методики; 2) достаточности представленных эксперту материалов для исследования; 3) правильности представленных эксперту исходных данных; 4) проверки полноты проведенного экспертом исследования; 5) правильности экспертной интерпретации установленных экспертом признаков и их достаточности для вывода [6].

Обобщая как приведенные в доктрине уголовного процесса, так и сформированные в судебной практике позиции, к числу условий оценки заключения эксперта с точки зрения его достоверности следует отнести: 1) компетентность эксперта и его объективность; 2) достоверность и достаточность материалов, предоставленных эксперту для проведения исследования; 3) научную обоснованность выбранной экспертом методики исследования и ее применимость к фактам уголовного производства; 4) полноту проведенного экспертом исследования; 5) достоверность содержания заключения эксперта.

Компетентность эксперта и его объективность. Компетентность эксперта означает достаточность его профессиональных знаний для проведения соответствующей экспертизы в конкретном уголовном производстве по конкретному кругу вопросов, которые перед ним ставятся [7, с. 154]. Компетентность эксперта определяется: 1) его компетенцией – кругом прав и обязанностей, предоставленных эксперту нормами законодательства, объемом специальных знаний и практических навыков, которыми он должен обладать в связи с проведением конкретного вида экспертиз; 2) его квалификацией – уровнем специальных знаний и практических навыков, которыми обладает эксперт: наличием у него необходимого образования, прохождением им специальной подготовки в пределах соответствующей специализации, получением свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта, наличием у него стажа экспертной работы, научной степени, ученого звания и т. п. В этом

аспекте весомой гарантией достоверности заключения эксперта является норма ч. 6 ст. 69 УПК Украины, которая предусматривает, что эксперт безотлагательно должен уведомить лицо, которое его привлекло, или суд, который поручил проведение экспертизы, о невозможности проведения экспертизы из-за отсутствия у него необходимых знаний или без привлечения других экспертов [1].

Наряду с компетентностью эксперта отдельные ученые предлагают при оценке составленного им заключения учитывать авторитетность учреждения, в котором он работает [5, с. 92]. В то же время экспертное учреждение является местом работы эксперта и никоим образом не влияет как на компетентность самого эксперта, так и на достоверность составленного им заключения.

Объективность эксперта свидетельствует об отсутствии у него заинтересованности в результатах уголовного производства, которая свидетельствует о его предвзятости и может повлиять на содержание составленного им заключения. Круг обстоятельств, указывающих на наличие у эксперта заинтересованности в результатах уголовного производства, определяется ч. 1 ст. 77 и ст. 79 УПК Украины [1]. При наличии таких обстоятельств эксперт, руководствуясь п. 5 ч. 5 ст. 69 УПК Украины, обязан заявить самоотвод [1], что является еще одной гарантией достоверности заключения эксперта.

Как отмечает И.Л. Петрухин, «оценка заключения эксперта с точки зрения компетентности последнего состоит в: а) изучении вопросов, поставленных перед экспертом, и отношении их к той или иной отрасли знания; б) изучении фактических данных, установленных экспертом, и решении вопроса о том, какие именно требовались для их установления специальные познания; в) ознакомлении с данными, характеризующими эксперта как специалиста в определенной отрасли знания; г) установлении того, относятся ли к компетенции эксперта научные положения и методы исследования, которые были использованы при проведении экспертизы» [8, с. 729–730]. Оценка заключения эксперта с точки зрения объективности эксперта заключается в установлении отсутствия

оснований для его отвода (самоотвода). Установление в ходе оценки доказательств некомпетентности эксперта, его необъективности является одним из оснований признания составленного им заключения недостоверным.

Достаточность и достоверность материалов, предоставленных эксперту для проведения исследования. Достаточность предоставленных эксперту материалов предполагает их получение экспертом в количестве, необходимом для проведения экспертизы. Как указывается в п. 3.2 Инструкции о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований, утвержденной приказом Министерства юстиции Украины от 8 октября 1998 г. № 53/5, в экспертное учреждение (эксперту) предоставляются: документ о назначении экспертизы (привлечении эксперта), объекты, образцы для сравнительного исследования и, по ходатайству эксперта, материалы дела (протоколы осмотров с приложениями, протоколы изъятия вещественных доказательств и т. д.) [9]. Существенными гарантиями достоверности заключения эксперта являются нормы уголовного процессуального закона, которые предоставляют эксперту право при недостаточности полученных материалов заявить ходатайство о предоставлении дополнительных материалов и образцов (п. 2 ч. 3 ст. 69 УПК Украины) и отказаться от дачи заключения, если предоставленных ему материалов недостаточно для выполнения возложенных на него обязанностей (ч. 4 ст. 69 УПК Украины) [1].

При отсутствии объекта исследования в ряде случаев возможно проведение экспертизы по его фотографиям, копиям, описаниям. Как указывается в п. 3.5 Инструкции, когда объект исследования не может быть представлен эксперту, экспертиза может проводиться по фотоснимкам и другим копиям объекта (кроме объектов почерковедческих исследований), его описаниям и другим материалам, приложенным к делу в установленном законодательством порядке, если это не противоречит методическим подходам к проведению соответствующих экспертиз [9].

Достоверность предоставленных эксперту материалов в доктрине уголовного процесса рассматривается как

фактор, который в значительной мере влияет на достоверность заключения эксперта. Так, Ю.К. Орлов отмечает, что «существенный момент, влияющий на достоверность заключения эксперта, – правильность представленных эксперту исходных данных, т. е. данных, которые эксперт получает от следователя или суда в качестве готовых посылок для вывода» [10, с. 168–169].

Достоверность предоставленных эксперту материалов, во-первых, обусловливает проведение субъектом уголовного процессуального доказывания предварительного осмотра объектов и образцов для экспертизы. Как отмечает Г.М. Меретуков, «непроверенные материалы уголовного дела целесообразно на экспертизу не представлять, так как это может привести к даче экспертом заключения, основанного на фактах, не соответствующих действительности» [11, с. 118]. Во-вторых, с целью обеспечения достоверности материалов, предоставленных эксперту, субъект уголовного процессуального доказывания должен осуществить их четкое описание, что позволит эксперту установить их подлинность. Так, п. 3.3 Инструкции предусматривает, что в документе о назначении экспертизы (привлечении эксперта) перечисляются все объекты, которые направляются на экспертное исследование, с указанием точного наименования, количества, меры веса, серии и номера (для денег Национального банка Украины и иностранной валюты), другие отличительные индивидуальные признаки [9]. В-третьих, для обеспечения достоверности предоставленных эксперту материалов субъект уголовного процессуального доказывания должен обеспечить их сохранность при отправке в экспертное учреждение. В частности, в п. 3.4 Инструкции закреплено, что объекты исследования направляются в экспертное учреждение (эксперту) в упаковке, обеспечивающей их сохранность, и удостоверяются лицом в предусмотренном законодательством порядке [9].

Научная обоснованность выбранной экспертом методики исследования и ее применимость к фактам уголовного производства. Согласно п. 2 Порядка аттестации и государственной регистрации методик проведения судебных экспертиз, утверж-

денного постановлением Кабинета Министров Украины от 2 июля 2008 г. № 595, методика проведения судебной экспертизы представляет собой результат научной работы, содержащий систему методов исследования, применяемых в процессе последовательных действий эксперта с целью выполнения определенного экспертного задания [12]. С учетом п. п. 3, 8 и 11 указанного постановления методики проведения судебных экспертиз разрабатываются государственными специализированными учреждениями, определенными в ст. 7 Закона Украины «О судебной экспертизе», подлежат государственной регистрации Министерством юстиции Украины с присвоением соответствующего регистрационного кода, включению в Реестр методик проведения судебных экспертиз [12]. Выбор конкретной методики исследования осуществляется экспертом с учетом вида экспертизы, подлежащей проведению, типичной экспертной ситуации, целей и условий решения экспертных задач.

Как указывает И.В. Бурков, оценка научной обоснованности и правомерности применения в конкретном случае экспертной методики является наиболее сложной, по сравнению с оценкой иных основных требований (условий), которые обеспечивают достоверность заключения эксперта, что объясняет тем, что субъект доказывания не является специалистом в той области знаний, к которой относится экспертное исследование [5, с. 91]. В ходе оценки заключения эксперта с точки зрения достоверности применения экспертной методики, по мнению С.В. Немиры, необходимо учитывать следующие обстоятельства: 1) является ли избранная экспертом методика утвержденной и апробированной временем и экспертной практикой; 2) правильно ли она выбрана в соответствии с конкретной экспертной задачей; 3) не было ли оснований для применения другой (других) экспертных методик в совокупности с примененной; 4) если использовано несколько экспертных методик, нет ли в них противоречий между собой; 5) соответствует ли выполненное экспертом исследование данной методике [4, с. 142–143].

Полнота проведенного экспертом исследования. Полнота исследования определяется предоставлением экс-

пертом в заключении четкого и исчерпывающего ответа на все вопросы, поставленные субъектом уголовного процессуального доказывания. При этом Е.С. Мазур полноту проведенного экспертом исследования обоснованно связывает с пределами производства самих исследований [13, с. 103]. Гарантией обеспечения полноты исследования являются нормы уголовного процессуального закона, которые возлагают на эксперта обязанность лично провести полное исследование и дать обоснованные и объективные письменные ответы на поставленные ему вопросы (п. 1 ч. 5 ст. 69 УПК Украины), предоставляют ему право излагать в заключении экспертизы выявленные в ходе ее проведения сведения, которые имеют значение для уголовного производства и по поводу которых ему не были заданы вопросы (п. 4 ч. 3 ст. 69 УПК Украины) [1].

Осуществляя оценку достоверности заключения эксперта с точки зрения полноты проведенного им исследования, субъект уголовного процессуального доказывания, как указывает И.Л. Петрухин, должен обращать внимание на следующие обстоятельства: 1) полноту использования предоставленных эксперту материалов; 2) применение разнообразных, дополняющих друг друга методов исследования, необходимых для достоверного ответа на поставленные вопросы; 3) наличие в заключении ответов на все поставленные вопросы; 4) полноту описания в заключении проделанной экспертом работы, имеющей значение для выводов [8, с. 730].

Согласно п. 9 указанного письма Высшего специализированного суда Украины о рассмотрении гражданских и уголовных дел, заключение следует считать неполным, если эксперт не дал исчерпывающего ответа на поставленные вопросы или в нем не содержится ответа на один или несколько вопросов вообще, или оно составлено по результатам изучения не всех предоставленных эксперту на исследование необходимых объектов [6].

Н.М. Сенченко оценкой достоверности заключения эксперта с точки зрения его полноты охватывает также соответствие выводов эксперта проведенным им исследованиям [3, с. 245]. Однако это обстоятельство подлежит

установлению в ходе оценки достоверности содержания заключения эксперта.

Достоверность содержания заключения эксперта определяется правильностью интерпретации экспертом установленных признаков объектов исследования и соответствием выводов эксперта выявленным признакам объектов и другим, имеющимся в уголовном производстве, доказательствам. Как указывает Н.Г. Щербаковский, каждый обнаруженный в ходе экспертного исследования признак должен быть подробно описан, а затем оценен экспертом, с точки зрения отражения, во-первых, свойств объекта, во-вторых, его значимости для решения поставленного вопроса. При решении идентификационной задачи должна быть оценена идентификационная значимость каждого признака, а также их совокупности [14, с. 371]. Субъект уголовного процессуального доказывания в ходе оценки достоверности заключения должен установить правильность интерпретации экспертом установленных признаков, после чего определить соответствие его выводов признакам объектов исследования, выявленным им во время проведения исследования, и другим доказательствам, имеющимся в уголовном производстве. Как отмечает Д.Г. Зимин, заключение эксперта не может быть признано достоверным, во-первых, если выводы эксперта не вытекают из исследовательской части, не аргументированы и не обоснованы, во-вторых, если выводы эксперта противоречат другим имеющимся в деле доказательствам [15, с. 280].

Выводы. С учетом изложенного необходимо отметить сложность оценки достоверности заключения эксперта, что обусловлено особенностями формирования этого процессуального источника доказательств, связанными с применением специальных знаний и проведением экспертных исследований, и спецификой его содержания, описанием проведенных исследований, в том числе методик исследования. Условиями оценки заключения эксперта с точки зрения его достоверности являются: 1) компетентность эксперта и его объективность; 2) достоверность и достаточность материалов, предоставленных эксперту для проведения исследования; 3) научная обоснованность выбранной экспертом методики

исследования и ее применимость к фактам уголовного производства; 4) полнота проведенного экспертом исследования; 5) достоверность содержания заключения эксперта. Полное определение этих условий при оценке заключения эксперта позволяет субъекту уголовного процессуального доказывания установить его достоверность/недостоверность и определить возможность/невозможность использования в доказывании.

Список использованной литературы:

1. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13 квітня 2012 р. № 4651-VI. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>.
2. Ковальчук С.О. Вчення про речові докази у кримінальному процесі: теоретико-правові та практичні основи: монографія. Івано-Франківськ, 2017. 618 с.
3. Сенченко Н.М. Оцінка висновку експерта в кримінальному провадженні. *Науковий вісник Херсонського державного університету*. 2014. Вип. 4. С. 243–247.
4. Немира С.В. Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2016. 207 с.
5. Бурков И.В. Заключение и показания эксперта в уголовном процессе. Москва, 2010. 144 с.
6. Про деякі питання порядку здійснення судового розгляду в судовому провадженні у першій інстанції відповідно до Кримінального процесуального кодексу України: лист Вищого спеціалізованого суду України з розгляду цивільних і кримінальних справ від 5 жовтня 2012 р. № 223–1446/0/4–12. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v1446740-12>.
7. Давидова Д.В., Волобуєва О.О. Висновок експерта як процесуальне джерело доказів: окремі аспекти теорії та практики. *Південноукраїнський правничий часопис*. 2015. № 2. С. 151–154.
8. Теория доказательств в советском уголовном процессе / П.С. Белкин и др.; под ред. Н.В. Жогина и др. 2 изд., исправ. и доп. Москва: Юридическая литература, 1973. 736 с.
9. Про призначення та проведення судових експертиз та експертних

досліджень: Інструкція, затверджена наказом Міністерства юстиції України від 8 жовтня 1998 р. № 53/5 (у редакції наказу Міністерства юстиції України від 26 грудня 2012 р. № 1950/5). URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0705-98>.

10. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. Москва, 2009. 175 с.

11. Меретуков Г.М. Судебная экспертиза на современном этапе развития уголовного судопроизводства России (проблемы теории и практики) : монография. Краснодар, 2010. 160 с.

12. Порядок атестації та державної реєстрації методик проведення судових експертиз: затверджений постановою Кабінету Міністрів України від 2 липня 2008 р. № 595 (з подальшими змінами). URL: <https://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/595-2008-%D0%BF>.

13. Мазур Е.С. Проблема оценки достоверности заключения судебно-медицинского эксперта. *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 4. С. 102–106.

14. Щербаковський М.Г. Проведення та використання судових експертиз у кримінальному провадженні : монографія. Харків, 2015. 560 с.

15. Зимин Д.Г. Особенности оценки заключения эксперта судом. *Научный альманах. Серия «Юридические науки»*. 2017. № 5–1 (31). С. 278–281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воробчак Андрей Романович – директор Черновицкого юридического института Национального университета «Одесская юридическая академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vorobchak Andrey Romanovich – Director of the Chernivtsi Law Institute of the National University “Odessa Academy of Law”

kovalchuk_serhii@i.ua

УДК 341.242.2:339.727.3

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

Михаил ГРАБИНСКИЙ,

ассистент кафедры международного права
Львовского национального университета имени Ивана Франко

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен процесс возникновения международных публичных финансово-кредитных правоотношений. Изучен международный кредитный договор как разновидность международного договора. Рассматриваются научные подходы относительно определения этапов создания новых кредитных договоров, причин возникновения споров, которые предшествуют заключению этих договоров. Также рассмотрены различные формы кредитных договоров, определено значение «Письма намерений» в процедуре создания кредитного договора, обоснована возможность заключения такого договора в форме нескольких документов. Особое внимание уделяется исследованию влияния Венских конвенций 1969 и 1986 годов на принятие международных кредитных договоров.

Ключевые слова: международный кредит, международное экономическое право, финансово-кредитные правоотношения, заключение международного договора.

FORMATION OF THE FINANCIAL AND CREDIT RELATIONS IN INTERNATIONAL PUBLIC LAW

Mikhail GRABINSKIY,

Assistant at the Department of International Law
of Ivan Franko National University of Lviv

SUMMARY

The article describes the process of formation of the international public financial and credit relations. This article aims to investigate an international credit agreement as a type of international agreement. We consider the scientific approaches regarding the determination of the stages of creation of new credit agreements, the causes of disputes that precede the adoption of these agreements. In addition, various forms of credit agreements were considered, the role of “Letters of Intent” in the procedure for creating a credit agreement was determined, and the possibility of adoption of such agreements in the form of several documents was justified. Special attention is paid to the exploring of the influence of the Vienna Conventions 1969 and 1986 on the adoption of international credit agreements.

Key words: international credit, international economic law, financial and credit relations, formation of international agreement.

Постановка проблемы. Несмотря на то, что международное экономическое право является сравнительно молодой отраслью международного права, оно требует тщательного изучения и исследования. Характер правоотношений в международном экономическом праве свидетельствует об их нетипичности и комплексности. Финансово-кредитные отношения в международном публичном праве обычно возникают на основании международных кредитных договоров. Реализуя цели и принципы Организации Объединенных Наций (далее – ООН),

эти международные кредитные договоры направлены на обеспечение экономической безопасности государств, а также установление международного экономического сотрудничества на равных, партнерских условиях.

Цель и задача статьи. Учитывая упомянутые обстоятельства, важно определить, каким образом происходит заключение кредитных договоров как основного источника финансово-кредитных отношений в международном публичном праве. Именно это и стало определяющим условием для написания научной статьи и поста-

новки следующей задачи: установить процедуру заключения кредитных договоров и определить правовую основу возникновения международных публично-финансово-кредитных правоотношений.

Состояние исследования. Вопросам международного экономического права ученые начали заниматься еще в 20-е гг. XX в. Анализ научной литературы показал, что существуют научные работы, которые раскрывают процедуру заключения договоров (А. Мережко, М. Микиевич, В. Репецкий, П. Маланчук), однако особенности заключения кредитных договоров можно выделить, лишь анализируя международно-правовые акты.

Изложение основного материала. Финансово-кредитные отношения в международном публичном праве обычно возникают на основании международных кредитных договоров. Порядок заключения, действия и прекращения договоров, заключенных между государствами, регулирует Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. В Конвенции указано, что заключение международных договоров является реализацией правосубъектности и суверенного равенства государств, так как договор считается заключенным государством, независимо от того, какой орган заключил международный договор (глава государства, глава или уполномоченное должностное лицо правительства или ведомства) [5, с. 164; 10, ст. 7; 11, ст. 7]. При этом следует отметить, что аналогичное положение в Венской конвенции 1986 г. касается и представления международной организации при заключении международных договоров [11, ст. 7]. Что касается государствоподобных образований и народов, стремящихся получить независимость, то для них, по нашему мнению, следует применять по аналогии те же положения, что применяются к государствам, ведь форма их представления при заключении договора полностью соответствует форме представления государств.

Венские конвенции 1969 и 1986 гг. определяют порядок представительства государств и международных организаций на всех стадиях заключения договора. Лицо считается представляющим свое государство в целях приня-

тия текста договора или установления его аутентичности, или в целях выражения согласия государства на обязательность для него международного договора только в том случае, если оно предъявит соответствующий документ о полномочиях или если из практики соответствующих государств или из иных доказательств явствует, что они были намерены рассматривать такое лицо как представляющее государство для этих целей без полномочий или с такими предварительными документами, как письмо или телеграмма [10, ст. 7; 11, ст. 7].

Необходимо напомнить, что только государство несет ответственность в соответствии с договорами, заключенными его органами [5, с. 164]. В частности, в международных финансово-кредитных отношениях отсутствует институт индивидуальной ответственности за правонарушения.

Юридическая процедура заключения международного кредитного договора (как и любого другого международного договора) начинается с намерения заключить этот договор. При этом мы считаем, что нужно делать акцент на том, что это именно юридическая процедура, ведь политико-правовой процесс вступления в международные финансово-кредитные отношения начинается гораздо раньше.

Ярким примером финансовых отношений, связанных с проектным кредитованием, является дело о получении Львовским городским советом кредита от Европейского банка реконструкции и развития для строительства трамвайной линии до самого дальнего спального района города Львова. Для этого ему необходимо было сначала подготовить всю проектную документацию, определить потребности населения и т. п. И пример этот мы считаем ярким, ведь все эти «подготовительные» («предыдущие», «преддоговорные») действия городских властей продолжались в несколько раз дольше, чем само сотрудничество по заключению и реализации международного кредитного договора в рамках указанного проекта. Конечно, остается открытым вопрос о продолжительности заключительного этапа, именуемого «возврат заемных средств». Фактически этап «формирование намерения» является достаточно длинным, однако не каса-

ется правового регулирования этих отношений, так как договорных отношений на тот момент еще не было. Кстати, это очень интересный кейс, ведь, невзирая на то, что эти отношения должны по признакам считаться частноправовыми, они на самом деле являются публичными.

Если рассматривать вопрос о намерениях, то этот этап может быть спровоцирован желанием вступить в финансово-кредитные отношения, потребностью получения кредитных средств на реализации проекта и т. д.

Проф. А. Мережко, в свою очередь, отмечает, что намерение заключить договор в международном публичном праве возникает вследствие возникновения спора [3, с. 36]. Такой взгляд на причину возникновения международных правоотношений обусловлен рядом причин. Прежде всего, цель заключения договора – устранение разногласий, которые возникли или могли возникнуть между субъектами международного права.

По нашему мнению, можно выделить следующие причины возникновения финансово-кредитных отношений:

- спор между государством и международной организацией относительно их международного сотрудничества;

- спор между государством и международной организацией по составлению внутреннего законодательства и политического курса государства;

- спор между субъектами международного права относительно способности государства выполнить взятые на него перед международным сообществом экономические и другие (политические) обязательства;

- другие виды экономических споров.

Фактически, в положительном плане «намерение-необходимость» или «намерение-потребность» должно трактоваться как спор между субъектами международного права, согласно которому государство «недовольно» количеством средств, полученных или полученных от других субъектов международного права. Однако такое обоснование необходимости наименования всех намерений спорами, на наш взгляд, является не совсем оправданным.

Следует согласиться с тем, что споры относительно неисполнения или ненадлежащего выполнения международных обязательств, или из-за неэффективности сотрудничества между субъектами международного финансового права могут действительно быть первопричиной вступления в новые финансово-кредитные договорные правоотношения. Однако это не единственная причина возникновения этих отношений, и намерение о необходимости и сама необходимость не являются формами спора, по крайней мере, в международном финансовом праве.

Общезвестно, что в заключении международного кредитного договора участвуют государства, экономическое положение и сотрудничество которых является предметом договорного урегулирования. Они наделены наиболее широкими правами на протяжении всего процесса заключения договора. Поэтому подготовка договора должна начинаться с согласия таких государств [5, с. 162].

Аналогичное положение содержится в ст. 5 Статей соглашения Международного валютного фонда (далее – МВФ), где указано, что любой финансово-кредитный процесс начинается по инициативе государства [7]. Реализация этой статьи позволяет МВФ отбросить все обвинения в нарушении принципа невмешательства во внутренние дела государства. И хотя эта статья существовала с начала деятельности Фонда, этот вопрос является актуальным до сих пор, ведь добросовестные и недобросовестные политики и партии (в частности, пророссийские и антиамериканские) в разных государствах заявляют о таком вмешательстве каждый раз, когда их правительство обращается за ссудой, обвиняют также Соединенные Штаты Америки, которые, несмотря на их квоту в МВФ, якобы диктуют правила заемщикам.

Однако мы считаем, что такие обвинения безосновательны, ведь непосредственно в целях МВФ указано, что его деятельность также направлена на улучшение показателей платежного баланса государства [7], а эта цель не может быть достигнута только с применением займа, без реформирования соответствующих секторов экономики и общественной жизни.

Современное международное публичное право требует, чтобы нормы, которые создаются вследствие договорных отношений больших государств, учитывали законные интересы и малых государств. Небольшие государства очень активно выступают против монополии крупных государств на защиту своих прав [5, с. 161]. Такая тенденция наблюдается, в частности, в международных финансово-кредитных отношениях, поскольку эти небольшие государства понимают, что давление крупных государств на их экономику может быть очень большим, а в некоторых случаях – губительным для национальных интересов малых государств.

В связи с этим наблюдается тенденция к принятию международных актов большинством голосов [5, с. 161]. Однако на примере МВФ мы видим, что все-таки большие государства имеют большее количество голосов, ведь голосование осуществляется на основании квот, которые малые государства по объективным экономическим причинам себе обеспечить не могут. Поэтому, по нашему мнению, способ голосования должен быть пересмотрен, и в соответствии с классификацией МВФ государств на развитые и развивающиеся, должен одинаково отражать интересы этих государств.

Венские конвенции определяют следующие стадии заключения договора:

1. *Принятие текста* – это формальный акт, с помощью которого устанавливают форму и содержание будущего договора. Тексты двусторонних договоров или договора с небольшим количеством государств принимают с согласия всех государств, участвующих в его составлении [5, с. 164–165; 10, ст. 9; 11, ст. 9].

При желании заключить международный кредитный договор государство обычно обращается к потенциальному кредитору – другому государству или международной организации. Согласовав текст и существенные условия будущего договора (сумма кредита, его срок, процент за пользование, цель, с которой был предоставлен кредит), будущие стороны международного кредитного договора принимают его текст и переходят к следующей стадии заключения договора. Например, при желании заключить кредитный дого-

вор-меморандум с МВФ правительство государства разрабатывает «Письмо намерений» (англ. *Letter of Intent*), в котором отражает свое отношение к проблемам отечественной экономики, собственные пути их решения и обосновывает необходимость привлечения иностранной валюты.

В соответствии с многосторонними договорами, которыми утверждают либо меняют условия кредитования в рамках международных организаций («рамочные договоры»), применяемые ко всем государствам-членам, их в основном принимают на международной конференции, где они проходят несколько стадий. Их текст обсуждает соответствующий редакционный комитет, а в дальнейшем – на пленарном заседании конференции. При этом каждая статья таких договоров голосуется отдельно. Окончательный текст принимают на конференции голосованием за него двух третей государств, присутствующих и участвующих в голосовании, если государства предусмотрели в тексте договора и решили применить другое правило, принятое большинством голосов. В частности, тексты разрабатывают в системе ООН, принимают на конференциях путем голосования резолюции об одобрении, к которой добавляется текст принятого договора [5, с. 164–165; 10, ст. 9; 11, ст. 9].

2. *Установление аутентичности текста* – это предусмотренная в тексте договора или согласованная между государствами процедура фиксации того, что принятый текст международного договора является окончательным и не может быть изменен. Если такая процедура не предусмотрена, то аутентичность текста устанавливают через:

– подписание (часто установление аутентичности текста совпадает с окончательным подписанием договора);

– подписание *ad referendum*;

– парафирование (уполномоченные должностные лица государств, заключающих договор, проставляют свои подписи под текстом договора, чем свидетельствуют, что этот согласованный текст договора или заключительного акта конференции является окончательным) [5, с. 165; 10, ст. 10; 11, ст. 10].

По нашему убеждению, эта процедура чрезвычайно важна для суверенитета государства при принятии мемо-

рандума с МВФ, ведь государство само несет ответственность за свою экономику. Кредитование МВФ – это лишь инструмент, который предоставляется государству. Он предусматривает жесткие цели, по которым выдается часть кредита, которые одновременно являются предпосылкой выдачи следующих частей. И все эти части непосредственно влияют на внутренние дела государства, а оно уже самостоятельно решает: выполнять требования или отказаться от них. Поэтому к моменту установления аутентичности текста все критические и важные аспекты для государства должны быть правильно сформулированы и учтены, ведь затем возможна ситуация существенного уменьшения кредитования из-за объективной невозможности выполнить те политико-экономические и политико-правовые действия, которые были согласованы на этапе принятия.

3. *Выражение согласия относительно обязательности договора* может быть проявлено путем подписания договора, обмена документами, ратификации, принятия, утверждения, присоединения или любым другим способом, о котором договорились стороны. Именно на этой стадии происходит создание международного кредитного договора как источника международного финансового права, и на его основании возникают договорные нормы. Форма выражения согласия относительно обязательности договора должна быть предусмотрена в тексте самого договора [5, с. 165; 10, ст. 11–15; 11, ст. 11–15]. В основном все международные кредитные договоры подлежат ратификации.

Отечественные ученые считают, что особое место среди форм выражения согласия на обязательность договора занимает ратификация, то есть утверждение международного договора высшим законодательным органом государства. Конвенция предусматривает, что согласие государства на обязательность для него договора выражается ратификацией в таких случаях:

– договор предусматривает, что такое согласие выражается ратификацией;

– иным образом установлено, что государства, участвующие в переговорах, договорились о необходимости ратификации;

– представитель государства подписал договор с условием ратификации;

– намерение государства подписать договор с условием ратификации вытекает из полномочий его представителя или было выражено во время переговоров [5, с. 165; 10, ст. 14; 11, ст. 14].

Необходимо отметить, что не все международные кредитные договоры, которые заключает Украина, подлежат ратификации. Например, уже неоднократно упомянутые Меморандумы между МВФ и Украиной не проходят процедуру ратификации, хотя содержат все признаки международного договора, следовательно, таковыми являются.

Хотя применение процедуры ратификации не является обязательным при заключении международных договоров, этот институт сегодня остается наиболее авторитетным для выражения согласия государства на соблюдение договора. Ратификация дает возможность государству обсудить содержание договора, проконтролировать деятельность исполнительной власти и ее уполномоченных во время его заключения и, при необходимости, подготовить общественное мнение к вступлению в силу договора. Нередко случается так, что дополнительный анализ договора в парламенте или обществе приводит к отказу от его ратификации, однако это не считается отказом от международного права. Более того, необоснованные отказы от ратификации не способствуют развитию сотрудничества между государствами [5, с. 165]. А это может весьма негативно повлиять на экономическую безопасность государства-заемщика в международных финансово-кредитных отношениях и на экономическое сотрудничество между государствами в будущих правоотношениях.

4. *Обмен ратификационными грамотами и документами* о принятии, утверждении или присоединении, или депонирование таких грамот и документов является завершающей стадией в процессе заключения договоров. Ратификационная грамота является международным актом ратификации. При заключении двусторонних договоров обмениваются ратификационными грамотами, а при заключении многосторонних договоров их передают депозитарию. Указанные действия должным образом фиксируют

преимущественно в форме протокола [5, с. 166–167].

При этом Конвенция отмечает, что ратификационные грамоты, документы о принятии, утверждении или присоединении, если договором не предусмотрено иное, означают согласие государства на обязательность для него договора с момента обмена ими между договаривающимися государствами, депонирования у депозитария или уведомления о них договаривающихся государств или депозитария, если так условились [10, ст. 16; 11, ст. 16].

Например, в меморандуме Украины и Европейского Союза относительно макрофинансовой помощи (кредита) отмечается, что «этот Меморандум вступает в силу с даты подписания Украиной и Европейским Союзом и получения Европейским Союзом письменного уведомления от Украины о выполнении внутригосударственных процедур, предусмотренных законодательством Украины» [1]. Таким образом, этот Меморандум подлежит ратификации только со стороны Украины, следовательно, классического «обмена» ратификационными документами не произошло, было только «сообщение» о прохождении всех внутригосударственных процедур – ратификация Верховной Радой Украины.

Согласно Венским конвенциям, договоры после вступления в силу должны быть направлены в Секретариат ООН для регистрации или для хранения в делах и занесения в перечень, в зависимости от случая, и для опубликования. Правовой акт регистрации договоров призван способствовать утверждению гласности в международных отношениях и исключить заключение тайных договоров, использование тайной дипломатии. В соответствии со ст. 102 Устава ООН, «любой договор и любая международная сделка, совершенная любым членом Организации после вступления в силу настоящего Устава, должны быть, при первой возможности, зарегистрированы в Секретариате и опубликованы им». В соответствии с пп. 34 п. 4 Положения о Министерстве иностранных дел Украины от 6 апреля 2011 г., регистрацию международных договоров, участниками которых является Украина, осуществляет Министерство иностран-

ных дел Украины [5, с. 168; 6; 8, ст. 102; 10, ст. 80; 11, ст. 81].

Выводы. Итак, исследовав вопрос заключения международных кредитных договоров, можно сделать следующие выводы:

1. Заключение международных кредитных договоров непосредственно вытекает из права международных договоров, прежде всего регулируется Венскими конвенциями 1969 и 1986 гг.

2. Этап заключения международного кредитного договора обязательно начинается с переговоров и принятия текста. Кредитор (государство или международная организация) должен быть уверен в том, что заемщик (государство) сможет выполнить взятые на себя обязательства.

3. «Письма намерений» и меморандумы являются неотъемлемой частью международного кредитного договора, т. к. фиксируют цели кредитования и служат основанием для отчетности и мониторинга кредитором.

4. Несмотря на количество документов, которые были приняты в рамках переговорного процесса, все они имеют одинаковую юридическую силу и составляют единый международный кредитный договор, который должен исполняться целиком.

Список использованной литературы:

1. Меморандум про взаєморозуміння між Україною як Позичальником та Європейським Союзом як Кредитором. Рига, 22 травня 2015 р. URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/984_015.

2. Мережко О. Теорія джерел міжнародного права. *Юридичний журнал*. 2009. № 1.

3. Мережко О. Право міжнародних договорів: сучасні проблеми теорії та практики : монографія. Київ, 2002. 344 с.

4. Мережко О. Проблеми теорії міжнародного публічного та приватного права. Київ, 2010. 320 с.

5. Міжнародне публічне право : підручник / за ред. В. Репецького. Київ, 2011. 437 с.

6. Про Положення про Міністерство закордонних справ України. *Законодавство України*. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/381/2011>.

7. Articles of Agreement of the International Monetary Fund / IMF. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/index.htm>.

8. Charter of the United Nations. *United Nations*. URL: <http://www.un.org/en/charter-united-nations/>.

9. Malanczuk P. *Akehurst's Modern Introduction to International Law*. London and New York : Routledge, 1997. 449 p.

10. Vienna Convention on the Law of Treaties 1969. *United Nations Treaty Collection*. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXIII-1&chapter=23&Temp=mtdsg3&clang=_en.

11. Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations 1986. *United Nations Treaty Collection*. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXIII-3&chapter=23&lang=en.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грабинский Михаил Игоревич – ассистент кафедры международного права Львовского национального университета имени Ивана Франко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grabinskiy Mikhail Igorevich – Assistant at the Department of International Law of Ivan Franko National University of Lviv

mykhailo.hrabynskyi@lmu.edu.ua

УДК 343.14

РЕАЛИЗАЦИЯ ИММУНИТЕТА ЛИЦА ВО ВРЕМЯ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Григорий ДЕНИСЕНКО,
аспирант кафедры правосудия юридического факультета
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена и проанализирована реализация иммунитета лица во время дачи показаний в уголовном производстве Украины. На основании действующего уголовно-процессуального законодательства определены особенности показаний, а также их влияние на реализацию иммунитета подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, эксперта во время дачи показаний. Основываясь на анализе научной литературы, имеющей значение для исследуемой темы, норм Уголовного процессуального кодекса Украины, разработаны теоретические положения и обоснованы необходимые изменения к действующему Уголовному процессуальному кодексу Украины, которые регулируют реализацию иммунитета вышеуказанных лиц во время дачи показаний.

Ключевые слова: иммунитет лица, уголовное производство, реализация, показания, допрос, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, эксперт.

REALIZATION OF A PERSONAL IMMUNITY DURING TESTIMONY IN A CRIMINAL PROCEEDINGS

Grigoriy DENISENKO,
Postgraduate Student at the Department of Justice
of Taras Shevchenko National University of Kyiv

SUMMARY

The article considers and analyzes the realization of the personal immunity during testimony in the criminal proceedings of Ukraine. On the basis of the current criminal procedural law, the peculiarities of the testimony and their impact on the realization of the immunity of the suspect, the accused, the witness, the victim, and the expert during the testimony are identified. Based on the analysis of scientific literature relevant to the chosen topic of the study and the rules of the Criminal Procedure Code of Ukraine, the theoretical provisions are developed and necessary changes in the current Criminal Procedure Code of Ukraine, that regulate the implementation of the immunity of mentioned above persons during the testimony, are determined.

Key words: personal immunity, criminal proceedings, realization, testimony, questioning, suspect, accused, witness, victim, expert.

Постановка проблемы. Современное уголовно-процессуальное законодательство Украины содержит внешне схожие, но отличные по содержанию юридические понятия и категории. В действующем Уголовном процессуальном кодексе Украины 2012 г. (далее – УПК Украины) употребляются понятия «показание», «объяснение», «свидетельство», «опрос», «признание вины», «допрос для разъяснения заключения», «первичные объяснения». Выяснение их сущности, особенностей правового регулирования, теоретические разработки ученых позволят установить специфику реализации иммунитета лица во время дачи показаний, объяснений, опроса и т. д. Из перечисленных понятий доказательственное значение имеет лишь термин «показание». Установление его сущности имеет большое значение для реализации лицами, привлекаемыми в уголовно-процессуальную деятельность, своих прав и интересов, для правильного применения

должностными лицами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность, действующего уголовного процессуального законодательства.

Важна также научно-практическая проблема реализации иммунитета лица во время дачи показаний в уголовном производстве. Ведь такая реализация одновременно является и уголовно-процессуальной гарантией прав и свобод лиц в уголовном производстве, и разновидностью процессуальной деятельности уполномоченных лиц для обеспечения такого иммунитета, и получением доказательств в уголовном производстве, что приводит к ошибкам в правоприменении. Необходимо детальное толкование норм права для предотвращения таких ошибок.

Состояние исследования. Отдельные аспекты реализации иммунитета лиц во время дачи показаний в уголовном производстве отражены в научных трудах С.Г. Волкотруба, И.В. Гловюк, О.В. Каплиной, Л.М. Кар-

неева, О.П. Кучинской, О.О. Обозной, Н.А. Погорецкого, В.И. Руднева, С.Н. Стаховского, В.Г. Уварова, Л.Д. Удаловой, Ю.В. Цыганюк, О.Г. Шило и других. Несмотря на наличие научных исследований в науке уголовного процесса, не решена проблема комплексного изучения реализации иммунитета лиц во время дачи показаний в уголовном производстве.

Целью и задачей статьи является исследование реализации иммунитета лиц во время дачи показаний в уголовном производстве Украины, ее проблемных вопросов, путей совершенствования такой реализации.

Изложение основного материала. Основопологающим для изложения исследуемой темы является положение ст. 18 Уголовного процессуального кодекса Украины, которая устанавливает принцип свободы от саморазоблачения и право не свидетельствовать против близких родственников и членов семьи. Так, содержание указанного

принципа заключается в том, что одно лицо не может быть принуждено признать свою виновность в совершении уголовного преступления или принуждено давать объяснения, показания, которые могут быть основанием для подозрения, обвинения в совершении уголовного преступления.

Каждый человек имеет право не говорить ничего по поводу подозрения или обвинения против него, в любой момент отказаться отвечать на вопросы, а также быть немедленно уведомленным об этих правах.

Никто не может быть принужден давать объяснения, показания, которые могут стать основанием для подозрения, обвинения в совершении его близкими родственниками или членами его семьи уголовного преступления [1].

Далее УПК Украины не использует понятие «свидетельствовать», а только понятие «свидетельствуют». Однако для целей нашей статьи необходимо определить сущность понятия «показания» как основы реализации иммунитета лица. Так, согласно ч. 1 ст. 95 УПК Украины, показания – это сведения, которые предоставляются в устной или письменной форме во время допроса подозреваемого, обвиняемого, свидетелем, потерпевшим, экспертом по известным им обстоятельствам в уголовном производстве, которые имеют значение для этого уголовного производства [2].

Основываясь на вышеуказанном, можно определить следующие особенности показаний, установленных УПК Украины и необходимых для реализации иммунитета лица во время их дачи: 1) получение сведений в ходе следственного (разыскного) действия – допроса или во время допроса в суде; 2) показания предоставляются подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим, экспертом; 3) показания должны касаться известных вышеупомянутым лицам обстоятельств в уголовном производстве; 4) показания должны иметь значение для этого уголовного производства.

Юридическая наука по-разному подходит к определению понятия «показания» и реализации их получения. Так, согласно Т.В. Лукашкиной, показания как источник доказательств – это материальный носитель данных, сведений, полученных во время допроса или очной ставки, то есть протокол

или носитель информации, на котором с помощью технических средств зафиксированы соответствующие сведения [2, с. 140].

Н.В. Сидорова отмечает, что показаниями в широком смысле являются любые устные сообщения участников уголовного процесса об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, полученные в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, независимо от того, в ходе какого-то процессуального действия они полученные [3, с. 100].

В.М. Лушпиенко определил, что показания свидетеля – самостоятельный источник доказательств, который представляет собой надлежащие, допустимые и достоверные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного производства [4, с. 206].

По мнению О.Р. Хижной, показания в уголовном производстве – это разновидность процессуальных источников доказательств, составляющих сведения, предоставленные в устной или письменной форме определенным УПК Украины кругом субъектов об известных им обстоятельствах, являющихся предметом доказывания в уголовном производстве. Показания подозреваемого – это зафиксированное в соответствующей процессуальной форме сообщение, сделанное в ходе допроса об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного производства, лицом, которое получило процессуальный статус подозреваемого [5, с. 208]. Показания обвиняемого – это зафиксированное в установленной процессуальной форме устное сообщение об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, предоставленное добровольно во время допроса (ст. 351 УПК Украины), любые сведения, сообщаемые им во время судебного рассмотрения, которые отличаются от допроса во время досудебного расследования, поскольку увеличивается количество лиц, принимающих участие в допросе обвиняемого [5, с. 209].

Согласно языковым исследованиям, паронимы «показания», «показатель», «показ» активно функционируют в современной языковой практике. Все они – производные от глагола «показывать», «показать», что означает «давать возможность

видеть, рассматривать»; «движением, жестом, взглядом указывать на кого-то, что-нибудь»; «изображать кого-нибудь, следуя языку»; «делать что-то явным, очевидным» [6, с. 128].

Однако для более детального понимания реализации иммунитета лица во время дачи показаний следует обратить внимание на положения отдельных статей УПК Украины, которые определяют все четыре определенные нами особенности показаний.

Получение сведений в ходе следственного (разыскного) действия (допроса) или во время допроса в суде. Реализация иммунитета лица во время дачи показаний может происходить по требованиям, установленным ст. 63 Конституции Украины, ст. ст. 18, 65–66, 87, 95 УПК Украины, а также отдельными нормами, которые регулируют досудебное расследование (ст. ст. 224–226 УПК Украины), судебное разбирательство (ст. ст. 351–354, 356 УПК Украины), пересмотр судебных решений (ст. ст. 405, 434 УПК Украины).

Так, на реализацию иммунитета во время допроса для получения показаний влияет не только существование гарантии, установленной ст. 63 Конституции Украины и ст. 18 УПК Украины, а также установленным п. 4 ч. 2 ст. 87 УПК Украины положением о том, что суд обязан признать существенными нарушениями прав человека и основных свобод, в частности такие деяния, как получение показаний или объяснений от лица, которое не было уведомлено о своем праве отказаться от дачи показаний и не отвечать на вопросы, или их получение с нарушением этого права [1]. В порядке, предусмотренном ст. 352 УПК Украины, председательствующий выясняет, получил ли свидетель уведомление о правах и обязанностях свидетеля, понятны ли они ему и, при необходимости, разъясняет их, а также выясняет, не отказывается ли он по основаниям, установленным УПК Украина, от дачи показаний [1].

Кроме того, установленная действующим уголовно-процессуальным законодательством форма допроса также является гарантией реализации лицом иммунитета во время дачи показаний.

Показания предоставляются подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим, экспертом. Для реали-

зации иммунитета лица во время дачи показаний дополнительное значение имеет его процессуальный статус. Ведь требование принципа свободы от саморазоблачения и право не свидетельствовать против близких родственников и членов семьи касается участников, определенных ст. 95 УПК Украины как лица, у которых могут быть получены показания. Каждая из вышеуказанных категорий лиц имеет свои особенности реализации собственного иммунитета при даче показаний.

Когда идет речь о подозреваемом и обвиняемом, то в ч. 1 ст. 20 УПК Украины определено, что подозреваемый, обвиняемый, оправданный, осужденный имеет право на защиту, т. е. предоставление ему возможности дать устные или письменные объяснения по поводу подозрения или обвинения, право собирать и представлять доказательства, принимать личное участие в уголовном производстве, пользоваться правовой помощью защитника, а также реализовывать другие процессуальные права, предусмотренные УПК Украины [1]. В п. 5 ч. 3 ст. 42 УПК Украины отмечено, что подозреваемый, обвиняемый имеет право давать объяснения, показания по поводу подозрения, обвинения или в любой момент отказаться их давать [1].

Согласно п. 1 ч. 3 ст. 87 УПК Украины, недопустимы также доказательства, полученные из показаний свидетеля, который в дальнейшем был признан подозреваемым или обвиняемым в этом уголовном производстве [1]. В ч. 2 ст. 95 УПК Украины установлено, что подозреваемый, обвиняемый, потерпевший вправе давать показания во время досудебного расследования и судебного рассмотрения [1].

Отдельные гарантии установлены для подозреваемого и обвиняемого, которые прибыли или были доставлены для участия в рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения. Так, согласно п. 4 ч. 2 ст. 193 УПК Украины, подозреваемый, обвиняемый имеют право отказаться давать объяснения, показания по поводу подозрения или обвинения [1]. Такая же позиция изложена в положениях ч. 4 ст. 208 УПК Украины, где в качестве обязанности уполномоченного должностного лица, осуществившего задержание, определено, что оно должно немедленно

сообщить задержанному на понятном ему языке о его праве давать объяснения, показания или не говорить ничего по поводу подозрения против него [1].

В ч. 4 ст. 224 УПК Украины указано, что в случае отказа подозреваемого отвечать на вопросы, давать показания лицо, проводящее допрос, обязано его остановить сразу после получения такого заявления [1].

Похожий подход применен законодателем для правового регулирования реализации иммунитета обвиняемого во время судебного рассмотрения уголовного дела. Так, ст. 348 УПК Украины определила, что суд должен выяснить, желает ли лицо давать показания, а допрос обвиняемого осуществляется только в тех случаях, если он не отказался от дачи показаний.

Что касается особенностей процессуального статуса свидетеля для реализации иммунитета во время дачи показаний, то правовое регулирование обусловлено уголовной ответственностью свидетеля за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Положения ст. 18 УПК Украины реализованы в нормах, регулирующих порядок и процессуальный статус свидетеля во время дачи показаний. Так, согласно ч. 4 ст. 65 УПК Украины, не могут без их согласия быть допрошены в качестве свидетелей лица, имеющие право дипломатической неприкосновенности, а также работники дипломатических представительств – без согласия представителя дипломатического учреждения. Согласно п. п. 2–3 ч. 1 ст. 66 УПК Украины, свидетель во время дачи показаний и участия в проведении других процессуальных действий имеет право пользоваться правовой помощью адвоката и отказаться давать показания относительно себя, близких родственников и членов своей семьи, которые могут стать основанием для подозрения, обвинения в совершении близкими родственниками или членами его семьи уголовного правонарушения, а также показания относительно сведений, которые, в соответствии с положениями ст. 65 УПК Украины, не подлежат разглашению [1].

Согласно ч. 1 ст. 352 УПК Украины, во время судебного рассмотрения уголовного дела перед допросом свидетеля

председательствующий устанавливает сведения о его личности и выясняет отношения свидетеля с обвиняемым и потерпевшим. Кроме того, председательствующий выясняет, получил ли свидетель уведомления о правах и обязанностях свидетеля, понятны ли они ему, при необходимости разъясняет их, а также выясняет, не отказывается ли он по основаниям, установленным УПК Украины, от дачи показаний, предупреждает его об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и заведомо ложные показания.

В ст. ст. 226, 354 УПК Украины, посвященных особенностям допроса малолетних или несовершеннолетних свидетелей, или потерпевших, отсутствуют упоминания о сообщении им о свободе от саморазоблачения и праве не свидетельствовать против близких родственников и членов семьи. Считаем, что указанный недостаток является существенным и требует включения в нормы ст. ст. 226, 354 УПК Украины положений о том, что уполномоченное лицо должно сообщить не только об обязанности давать правдивые показания, но и о праве не свидетельствовать против себя, близких родственников и членов семьи.

Реализация иммунитета потерпевшего, которая зависит от его процессуального статуса, также обусловлена особенностями его ответственности. В частности, п. 6 ч. 1 ст. 56 УПК Украины определил, что потерпевший вправе давать объяснения, показания или отказаться от их дачи. Право потерпевшего давать показания также указано в ч. 2 ст. 95 УПК Украины, устанавливаются дополнительные гарантии получения показаний потерпевшего во время досудебного расследования в судебном заседании (ст. 225 УПК Украины) и ст. 353 УПК Украины (допрос потерпевшего во время судебного разбирательства).

Процессуальный статус эксперта и реализация его иммунитета во время дачи показаний существенно отличаются. Так, согласно ч. 3 ст. 95 УПК Украины, эксперт обязан давать показания следователю, прокурору, следственному судье и суду в установленном УПК Украины порядке. В ч. 1 ст. 356 УПК Украины закреплено, что по ходатайству стороны уголовного производства, потерпевшего или

по собственной инициативе суд вправе вызвать эксперта для допроса для разъяснения заключения. Таким образом, УПК Украины установил отдельный иммунитет эксперта относительно допроса в суде, который определен предметом допроса: для разъяснения заключения. В норме права определен специфический вид показаний – разъяснение заключения.

Отечественные ученые предлагали расширить перечень лиц, показания которых могут быть получены в уголовном производстве. В свое время В.А. Фастовец отметил, что ч. 1 ст. 95 УПК Украины целесообразно изложить в следующей редакции: «Показания – это сведения, которые предоставляются в устной или письменной форме во время допроса подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим, экспертом и другими субъектами уголовного производства в отношении известных им обстоятельств, имеющих значение для этого уголовного производства» [7, с. 84]. Считаю указанную позицию противоречивой, ведь отсутствует правовой статус «других субъектов уголовного производства в отношении известных им обстоятельств, имеющих значение для этого уголовного производства», а фактически, правовой статус таких лиц охватывается правовым статусом свидетелей.

3. Показания должны касаться известных вышеупомянутым лицам обстоятельств в уголовном производстве. Указанная особенность обуславливает содержание показаний, соответственно, предмет реализации лицами иммунитета от дачи показаний в уголовном производстве. Это мыслительная деятельность лица, которое допрашивают, как во время досудебного расследования, так и во время допроса в суде. Допрашиваемый по своему усмотрению определяет, какие из известных ему обстоятельств в уголовном производстве касаются его или его близких родственников, членов семьи. При реализации лицом ст. 63 Конституции Украины и ст. 18 УПК Украины должностным лицам, уполномоченным на ведение уголовного процесса, фактически невозможно установить соответствует ли предмет показаний, в случае реализации лицом права на свободу от саморазоблачения и права не свидетельствовать про-

тив близких родственников и членов семьи, правильности осуществления лицом таких прав. Единственное, что фактически подлежит установлению, это то, что в случае реализации лицом иммунитета во время дачи показаний относительно близких родственников и членов семьи, необходимо установление факта наличия родственных отношений с лицами, перечень которых определен п. 1 ч. 1 ст. 3 УПК Украины.

4. Показания должны иметь значение для этого уголовного производства. Это положение ч. 1 ст. 95 УПК Украины по реализации иммунитета напрямую зависит от того, касаются ли показания известных вышеупомянутым лицам обстоятельств в уголовном производстве, оно не может быть реализовано отдельно от вышеуказанного (п. 3). Особенностью является то, что его реализация зависит от лиц, которые определяют предмет допроса для получения показаний в ходе досудебного расследования и судебного разбирательства.

Выводы:

1. Реализация иммунитета лица во время дачи показаний в уголовном производстве напрямую зависит от понимания показаний в качестве доказательств и основывается на том, что получение сведений возможно лишь во время допроса (следственное (разыскное) действие) или допроса в суде; лицами, чьи показания предоставляются, соответственно, к которым возможно применение иммунитета, являются подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, эксперт; для реализации иммунитета показания вышеупомянутых лиц должны касаться известных им обстоятельств в уголовном производстве и иметь отношение непосредственно к ним, близким родственникам или членам семьи, а также эти показания должны иметь значение для этого уголовного производства.

2. Термин «свидетельствовать» – это объединяющее название, которое является совокупностью понятий «давать показания» и «давать объяснения», определяется как элемент принципа уголовного производства, который распространяется на все его стадии.

3. Для реализации иммунитета лицо во время дачи показаний в уголовном производстве видового значения, которое устанавливает отдельные

особенности реализации иммунитета, получает процессуальный статус лица.

Список использованной литературы:

1. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13 квітня 2012 р. № 4651–VI. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17> (дата звернення: 05.02.2019).
2. Лукашкіна Т.В. Показания як джерело доказів у кримінальному провадженні України. *Вісник Південного регіонального центру Національної академії правових наук України*. 2017. № 11. С. 137–144. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vprc_2017_11_21 (дата звернення: 03.02.2019).
3. Сидорова Н.В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние : дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Тюмень, 2004. 269 с.
4. Лушпійенко В.М. Показання свідка як процесуальне джерело доказів у кримінальному процесі України : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09; Київський національний університет імені Тараса Шевченка. Київ. 255 с.
5. Хижна О.Р. Показання підозрюваного, обвинуваченого як джерела доказів у кримінальному провадженні. *Право і суспільство*. 2015. № 4 (3). С. 207–212.
6. Бибик С.П. Показник – показ – показання. *Культура слова*. 2015. Вип. 82. С. 128–130.
7. Фастовець В.А. Співвідношення понять «показання» та «пояснення» у Кримінальному процесуальному кодексі України. *Вісник Національної академії прокуратури України*. 2014. № 2. С. 79–85.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денисенко Григорий Вячеславович – аспирант кафедры правосудия юридического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Denisenko Grigoriy Vyacheslavovich – Postgraduate Student at the Department of Justice of Taras Shevchenko National University of Kyiv

denisenko_88@i.ua

УДК 342.56:347.971 (477)

ЭЛЕКТРОННЫЙ СУД В УКРАИНЕ

Дмитрий ДУБИНКО,

соискатель кафедры теории и истории государства и права
Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются технические способы фиксации судебного процесса. Объектом статьи являются процессы реформирования судебной системы и судопроизводства. Цель – исследовать основные новеллы технического обеспечения судебного процесса. Также речь идет о подготовке кадров, которые должны не только разбираться в области права, но и хорошо владеть компьютерной техникой, постоянно применять в своей работе новые достижения информационных технологий.

Ключевые слова: электронный суд, правосудие, электронное судопроизводство, техническая фиксация судебного производства.

ELECTRONIC COURT IN UKRAINE

Dmitriy DUBINKO,

Applicant at the Department of Theory and History of State and Law
of National Pedagogical Dragomanov University

SUMMARY

The article considers technical ways of fixing the trial. The object of the article is the processes of reforming the judicial system and the judicial process. Purpose: to investigate the main shortcomings of the technical support of the court process. In the article also deals with the training of personnel who must deal not only with the law field, but also have a good command of computer technology and constantly apply in their work new advances in information technology.

Key words: electronic court, justice, electronic court proceedings, technical fixation of court proceedings.

Постановка проблемы. В результате саморегуляции общества, когда информатизация, автоматизация, виртуализация процессов становятся неотъемлемой составляющей всех сфер жизнедеятельности, система судопроизводства становится более доступной и открытой, судебные процедуры – эффективными и быстрыми, коррумпированность и другие негативные явления, вызывающие возмущение и формирующие правовой нигилизм у населения в течение десятилетий, встречают достойный отпор [1, с. 104].

Целью и задачей статьи является исследование основных новелл технического обеспечения судебного процесса.

Изложение основного материала. Прежде всего следует отметить, что внедрение электронных технологий судопроизводства является элементом электронного управления, рассматриваемого сейчас как способ организации государственной власти с помощью информационных сетей, обеспечивающий функционирование органов власти в режиме реального времени и делающий максимально простым и доступным ежедневное общение с ними граждан, юридических лиц,

неправительственных организаций. Использование в судопроизводстве современных информационных технологий предусматривает автоматизацию и выполнение онлайн таких функций, как подача искового заявления, приложений к нему, предоставление отзывов на иски в электронном виде, доступ к судебным актам, предоставление «электронных» доказательств, рассмотрение дела онлайн, рассылка участникам процесса через Интернет или SMS-сообщения информации о текущем деле, функционирование сайтов судов, на которых можно найти информацию по конкретному рассмотрению [1, с. 105].

Первыми шагами по внедрению в Украине электронных технологий судопроизводства в начале 2000-х гг. на фоне процессов информатизации государственного сектора стало введение электронных документов, электронных цифровых подписей, оборудование судов современной компьютерной техникой и необходимым программным обеспечением. Впервые на законодательном уровне понятия электронного документа и электронной цифровой подписи определены Законом Украины «О платежных системах и пере-

воде денег в Украине» от 5 апреля 2001 г. № 2346–III [11]. В ст. 18 этого Закона указано, что электронный документ при соблюдении всех требований имеет одинаковую юридическую силу со своим бумажным аналогом. В 2003 г. приняты соответствующие законы.

В конце первого десятилетия XXI в. развивается внедрение электронных технологий в систему судопроизводства. С принятием Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей» от 7 июля 2010 г. введена система электронного документооборота, которая обеспечивала автоматизированное распределение дел. В ст. 15 данного Закона сказано, что эта система определяет персональный состав суда для рассмотрения конкретного дела по принципу вероятности распределения дел при регистрации в суде исковых заявлений, ходатайств и жалоб с учетом степени загруженности каждого судьи, специализации, а также требований процессуального закона [2]. После введения автоматизированной системы документооборота, которая также контролировала ход судебного производства, стал эффективно действовать созданный для реализации Закона Украины «О доступе к судебным реше-

ниям» от 22 декабря 2005 г. № 3262–IV [12] Единый реестр судебных решений, представляющий собой автоматизированную систему сбора, хранения, защиты, учета, поиска и предоставления электронных копий судебных решений. Согласно рекомендациям Консультативного совета европейских судов, судебные решения, внесенные в Реестр, круглосуточно и бесплатно доступны на официальном веб-портале судебной власти Украины [3, с. 176].

Следующим шагом стала разработка в 2012 г. Государственным предприятием «Информационные судебные системы» Концепции электронного суда Украины (e-court) для развития положений действующего на тот момент законодательства о судостроительстве и информатизации. Концепция предусматривает выполнение следующих задач: предоставление возможности физическому лицу или организации направить в любой суд страны подписанное электронной цифровой подписью искомое заявление (апелляционную или кассационную жалобу) вместе с пакетом сопутствующих документов с помощью Интернета; направление стороне судебного процесса электронной копии процессуального документа или повестки с помощью средств электронной связи (e-mail или SMS), разработка и внедрение универсального формата обмена данными, благодаря которому станет возможной передача дел и документов между автоматизированными системами документооборота суда различных разработчиков [4].

С целью реализации положений Концепции приказом Государственной судебной администрации (далее – ГСА) Украины от 7 сентября 2012 г. № 105 утвержден Временный регламент обмена электронными документами между судом и участниками судебного процесса [15], который определял порядок предоставления участниками судебного процесса в суд документов в электронном виде, передачу таким участникам процессуальных документов в электронном виде параллельно с документами в бумажном виде в соответствии с процессуальным законодательством. Этим приказом также определен порядок регистрации и работы пользователей в системе, предоставления и получения судом

электронных документов, передачи документов пользователю [5, с. 14].

11 декабря 2014 г. Советом судей Украины утверждена новая Стратегия развития судебной системы в Украине на 2015–2020 гг. [6]. Направление 4 Стратегии посвящено развитию электронного правосудия. В нем определен план мероприятий для решения двух основных стратегических вопросов: доступа к правосудию и использования инновационных технологий для улучшения судебного процесса. В Стратегии отмечается, что более интенсивное использование электронного правосудия даст пользователям возможность обращаться в суд, оплачивать услуги, принимать участие в процессах и получать всю необходимую документацию через электронные средства. В свою очередь, судьи получат возможность эффективно распоряжаться своими ресурсами и повышать свою производительность, одновременно выравнивая баланс между работой и личной жизнью. В Стратегии отмечают следующие моменты: необходимость развития нормативно-правовой базы по электронному правосудию и комплексных информационных систем для достижения большей прозрачности, эффективности, доступа и справедливости правосудия; необходимость усовершенствования каналов связи и взаимодействия ИС, в частности внешнего взаимодействия между различными государственными и негосударственными субъектами сектора юстиции, а также с государствами-членами и учреждениями Европейского Союза, другими международными субъектами.

В новом Законе Украины от 2 июня 2016 г. «О судостроительстве» внедрение электронных технологий судопроизводства регулируется ст. 15 «Единая судебная информационно-телекоммуникационная система». Согласно Закону, данная система обеспечивает выполнение широкого спектра функций (18 пунктов). Среди них ведение электронного делопроизводства, централизованное хранение документов в единой базе данных, обмен документами и информацией в электронной форме между органами системы правосудия, проведение видеоконференций в режиме реального времени, автоматизация судебных органов, определение судьи (судьи-докладчика) для рас-

смотрения конкретного дела, отбор лиц для приглашения к участию в осуществлении правосудия в качестве присяжных, распределение дел в Высшей квалификационной комиссии судей Украины, Высшем совете правосудия, аудио- и видеозапись судебных заседаний, их трансляция в сети Интернет, ведение Единого государственного реестра судебных решений, функционирование официального портала судебной власти Украины и единого контактного центра для управления запросами [2]. Положения о единой информационно-телекоммуникационной системе, соответствующие действующим формам судопроизводства, с принятием Закона Украины от 3 октября 2017 г. «О внесении изменений в Хозяйственный процессуальный кодекс Украины, Гражданский процессуальный кодекс Украины, Кодекс административного судопроизводства Украины и другие законодательные акты» появились также в процессуальных кодексах.

Оценивая состояние внедрения элементов электронного судопроизводства в Украине, стоит отметить, что задачи, определенные названной выше Концепцией электронного суда для системы «Электронного суда» [4], реализованы лишь частично. «Электронный суд» – это подсистема в системе Единой судебной информационной системы Украины, предназначенная для обеспечения своевременного получения участниками судебного процесса повесток и сообщений о рассмотрении судебных дел и процессуальных документов, принятых при рассмотрении дел. В таком виде эта подсистема функционирует в Украине с июня 2013 г. В ее рамках посредством электронной или мобильной связи осуществляется передача сторонам судебного процесса повесток. Остальные задачи проекта находятся на стадии концептуализации или экспериментального внедрения. Так, уже несколько лет реализуется несколько пилотных проектов, основным из которых является проект «Электронный суд». Данный проект нацелен на обеспечение открытого доступа всех участников процесса к информации с помощью интернет-ресурсов и информационно-справочных киосков; переход к отправке и приему всех документов, обрабатываемых в судах, в электронном виде; налаживание

системы электронного обмена с базами данных различных государственных органов; полную компьютеризацию процессов судебного делопроизводства и создание единого электронного архива судебных документов [5, с. 431].

Наряду с этим в действующее законодательство Украины, в том числе касающееся соответствующих процессуальных отношений, постепенно вносятся изменения, которые переводят отдельные элементы судопроизводства в электронный режим. Некоторые средства электронного взаимодействия между судом и участниками судебного процесса уже полностью вошли в повседневную жизнь. Другие только набирают популярность. Многие из них по разным причинам остаются на экспериментальной стадии.

Так, уже несколько лет в судах общей юрисдикции для организации и обеспечения процессов электронного документооборота при рассмотрении хозяйственных, гражданских, административных и уголовных дел используются автоматизированные компьютерные системы «Делопроизводство-3» («Д-3») в апелляционных и местных общих судах и «Делопроизводство специализированного суда» («ДСС») в специализированных судах. Отдельными модулями этих систем обеспечиваются автоматическое распределение дел, направление участникам судебного процесса судебных повесток и копий процессуальных документов в электронной форме; фиксация судебного процесса техническими средствами; возможность участия лица в судебном заседании в режиме видеоконференции; судебное делопроизводство и документооборот, ведение электронного архива, судебной статистики, обобщения судебной практики и т. д. [7, с. 17].

Стоит отметить, что применение автоматизированной системы в судебной сфере способствует преодолению коррупции, делает деятельность судей более прозрачной и рационализует ее. Использование подсистемы автоматического распределения судебных дел между судьями в составе автоматизированной системы документооборота позволяет не только избежать коррупционности при распределении дел, но и осуществить контроль за работой судей, делает ее более открытой. Дан-

ная система предназначена также для оценки качества правосудия через сбор статистических показателей. Обнародование в сети Интернет статистических данных о текущих и рассмотренных делах в каждом суде является еще одним шагом в сторону прозрачности ситуации с нагрузкой судей (количество дел в производстве суда) [8, с. 184].

Несмотря на все очевидные преимущества электронного судопроизводства, должны констатировать, что проект «Электронный суд» не получил широкой популярности, его продвижение происходит крайне медленно. То же касается других общегосударственных электронных проектов в судопроизводстве (обмен электронными документами с использованием ЭЦП, проведение судебных заседаний в режиме видеоконференций, использования электронно-информационных киосков и т. д.) [5].

С вопросом внедрения электронных технологий судопроизводства и других нововведений в работе судов непосредственно связан вопрос содержательной подготовки и переподготовки кадров. Речь идет о подготовке не столько судей, сколько сотрудников аппарата суда, которые должны разбираться не только в области права, но и владеть компьютерной техникой, постоянно применять в своей работе новые достижения информационных технологий.

Стоит отметить, что основной задачей аппарата суда является обеспечение бесперебойной работы судебного учреждения и содействие судьям в выполнении их главной функции – отправлении правосудия, осуществляя деятельность, непосредственно не касающуюся отправления правосудия. Сотрудники аппарата суда выполняют большой объем работы по организации процедуры судебного рассмотрения, подготовки дела к слушанию, хода судебного процесса и дальнейшего направления дела. Они непосредственно общаются с посетителями суда, сторонами процесса, от профессионализма их действий зависит эффективность судебного процесса и формирование общественного мнения о судебном учреждении [9, с. 133].

Что касается уровня образования и специальности сотрудников аппарата суда, то отметим, что не все должности в аппарате требуют наличия высшего

юридического образования. В связи с необходимостью решения возможных организационных проблем (правового, экономического, технического и иного характера), с которыми может столкнуться судейский корпус конкретного суда при подготовке или при осуществлении правосудия, в аппарате суда необходимы специалисты не только с юридическим образованием, но и с экономическим или техническим. Однако для должностей, которые требуют юридическое образование, необходимо иметь уровень высшего образования не ниже бакалавра, ведь он предусматривает получение лицом теоретических знаний и практических умений и навыков, достаточных для успешного выполнения профессиональных обязанностей по выбранной специальности, что сделает возможным полноценное выполнение возложенных на лицо обязанностей в аппарате суда [9, с. 85–86].

Сотрудники аппарата суда, впервые принятые на работу в систему судостроительства, в течение первого года их работы проходят специальную подготовку на базе Национальной школы судей Украины (далее – НШСУ) или ее региональных подразделений. Хотя на законодательном уровне такое требование существует только относительно государственных служащих, учитывая тот факт, что в составе аппарата суда работают сотрудники с иным статусом, это требование стоит распространить и на них. Программа обучения впервые принятых на службу в аппарат суда должна разрабатываться с целью повышения их деловой квалификации, расширения и углубления знаний, навыков и умений. Программы должны обеспечить формирование у слушателей понимания концепции государственной службы вообще и специфики работы судов при осуществлении правосудия [9, с. 86].

Выводы. Поддержание высокого уровня профессионализма и профессиональной дисциплины, соблюдение традиций профессиональной культуры вспомогательного персонала судебных органов и других государственных служащих аппарата суда признаются одним из направлений постоянного совершенствования судебной системы [21, с. 246] во многих странах мира. В Украине задачи

по подготовке и повышению квалификации работников аппарата суда, как и по специальной подготовке впервые принятых на работу в суд, возлагаются на НШСУ. В соответствии с Регламентом НШСУ, утвержденным приказом НШСУ от 24 июня 2016 г., постоянное повышение квалификации работников аппаратов судов с целью оперативного и качественного обеспечения деятельности суда проводится в течение всей трудовой деятельности, но не реже одного раза в три года, продолжительностью до одной недели, отдельным структурным подразделением НШСУ, отвечающим за подготовку работников аппаратов судов [10]. Для обеспечения удобства работникам аппаратов судов данное подразделение предлагает различные формы подготовки: очную, дистанционную, обучение в реальном времени (онлайн-обучение), в частности с помощью видео-конференц-связи. По информации Национальной школы судей, в течение 2016 г. подготовку и повышение собственного уровня квалификации прошли 5 912 сотрудников аппаратов судов, а в 2017 г. – 7 333 [11].

Рассматривая содержательную составляющую подготовки и повышения квалификации работников аппарата судов, особое внимание следует уделить усвоению ими норм личной, профессиональной и организационной этики. Честность, принципиальность, ответственность, порядочность, справедливость, сочетание внимательного отношения к людям с высокой требовательностью, критичность и самокритичность, терпение и упорство в достижении поставленной цели, неподкупность – эти и другие нравственные качества имеют решающее значение для сотрудников аппаратов судов в условиях проведения судебной реформы, одной из основных задач которой является необходимость повышения доверия населения к судебной власти и правосудию [12, с. 200].

Список использованной литературы:

1. Марцикевич А.М. Вимоги до кандидата на посаду судді: зарубіжний досвід. *Наукові записки Львівського університету бізнесу та права*. 2011. Вип. 7. С. 349–354.
2. Про судоустрій і статус суддів: Закон України № 1402–VIII від 2 червня 2016 р., редакція від 5 серпня 2018 р., підстава 2509–VIII. *Відомості Верховної Ради України*. 2016. № 31. Ст. 545. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1402-19>.
3. Концепція електронного суду України / Державне підприємство «Інформаційні судові системи». Київ, 2012. URL: http://www.kbs.org.ua/files/koncept_d.pdf.
4. Тимчасовий регламент обміну електронними документами між судом та учасниками судового процесу, затв. наказом Держ. суд. Адміністрації України від 7 вересня 2012 р. № 105. URL: <http://if.arbitr.gov.ua/sud5010/900/40/7/>.
5. Стратегія розвитку судової системи в Україні на 2015–2020 рр. URL: <http://court.gov.ua/142663/>.
6. Логінова Н.І. Упровадження електронного правосуддя в систему судочинства. *Актуальні проблеми держави і права*. 2014. Вип. 72. С. 429–435.
7. Квасневська Н.Д. Інформаційне забезпечення судоустрою та судочинства в Україні. *Публічне право*. 2015. № 4. С. 182–188.
8. Шпенюва П.Ю. Завдання і функції апарату суду, їх значення в організаційному забезпеченні судової діяльності. *Часопис цивільного і кримінального судочинства*. 2016. № 5 (32). С. 132–140.
9. Регламент Національної школи суддів України, затверджений наказом Національної школи суддів України від 24 червня 2016 р. URL: <http://www.nsj.gov.ua/reglament/#r4g3>.
10. Підготовка працівників апаратів судів у 2015–2017 рр. URL:

<http://nsj.gov.ua/pidgotovkapratsivnikiv-aparativ-sudiv/stat-3/>.

12. Овсяннікова О.О. Професійна етика суддів та працівників суду як чинник, що впливає на формування громадської думки. *Підприємництво, господарство і право*. 2016. № 8. С. 196–200.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубинко Дмитрий Олегович – соискатель кафедры теории и истории государства и права Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubinko Dmitry Olegovich – Applicant at the Department of Theory and History of State and Law of National Pedagogical Dragomanov University

konfer2007@ukr.net

УДК [343.35:63] (477)

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА УКРАИНЫ

Владимир ЕФИМОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники
факультета подготовки специалистов для подразделений криминальной полиции
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование обеспечения инвестиционной безопасности агропромышленного комплекса Украины. Указывается на одну из основных угроз экономического (инвестиционного) развития агропромышленного комплекса – коррупционную преступность. Для противодействия коррупции, последствием которой является низкая инвестиционная активность в указанной отрасли и блокирование выхода украинского производителя на передовые европейские рынки, рекомендовано учитывать мировой опыт, использовать апробированные международным сообществом положения успешного противодействия коррупции в целом и в ключевых отраслях экономики в частности. Исследователи называют следующие основные условия инвестиционной безопасности: прозрачность и простота процедур принятия решений, действенные механизмы контроля за деятельностью государственных органов со стороны общественности, свобода и независимость средств массовой информации. Соблюдение указанных стандартов позволит максимально снизить уровень коррупции в исследуемой сфере и привлечет инвестиции для стабилизации экономического развития Украины в целом.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, коррупция, коррупционные преступления, экономическая и инвестиционная безопасность.

CORRUPTION OFFENSES AND THEIR INFLUENCE ON THE FORMATION OF INVESTMENT SECURITY OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF UKRAINE

Vladimir YEFIMOV,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Operational-Search Activity and Special Technique
of the Faculty of Specialist Training for Criminal Police Units
of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article conducts a theoretical study of the formation of investment security of the agro-industrial complex of Ukraine. Indicates one of the main threats to the economic (investment) development of the agro-industrial complex – corruption crime. To overcome the problem of countering corruption, which affects low investment activity in this industry and blocks Ukrainian producers from entering advanced European markets, it is recommended to take into account world experience, which contains provisions of the international community that have been tested successfully in countering corruption in general and directly in key industries. Researchers refer to two main characteristics: transparency and understanding of decision-making procedures, effective mechanisms for public control over the activities of state bodies, freedom and independence of the media. Compliance with these standards will help to minimize the level of corruption in the area under study and attract the investment component to stabilize the economic development of Ukraine as a whole.

Key words: agro-industrial complex, corruption, corruption crimes, economic and investment security.

Постановка проблемы. Анализ состояния коррупции в Украине показал, что в большинстве случаев от людей требуют неправомерное обогащение (взятку) за принятие не законного, а наоборот – законного решения. Людей вынуждают платить за то, на что они и так имеют законное право. Вот одна из причин торможения инвестиционной активности в экономике Украины [1].

Мировое сообщество несколько последних десятилетий проявляет усиленный интерес к этой проблеме,

а иностранные специалисты и ученые прилагают немало усилий для того, чтобы исследовать все аспекты этого явления. Для коррупции не существует государственных и научных границ, она охватывает своим влиянием почти все сферы жизнедеятельности, поэтому ее изучение происходит комплексно и последовательно на глобальном уровне. Внимание, прежде всего, уделяется природе возникновения коррупции как антисоциального явления, выработке инструментария, благодаря которому можно будет хотя бы локали-

зовать и минимизировать ее масштабы и влияние на общество.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью и масштабами воздействия коррупции на экономическое развитие Украины, отображающимися данными социологических опросов и международных исследований. Эти данные позволяют составить представление об уровне поражения коррупцией разных сторон общественной жизни, сфер экономики, об отношении населения к этому явлению. Большинство исследовате-

лей приходят к выводу, что коррупция в Украине является повседневным явлением, укоренившимся в сознании граждан. По данным все тех же авторов, только около 36% населения Украины готовы противодействовать коррупции, приблизительно 60% принимают активное участие непосредственно в коррупционных действиях. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что большинство граждан толерантно относятся к противодействию коррупции. Возможно, государству следует выработать необходимые механизмы формирования антикоррупционного морали [2, с. 11].

Состояние исследования. Анализ публикаций, статистических данных, отчетных материалов Министерства аграрной политики и продовольствия, правоохранительных органов, посвященных исследованиям государственного регулирования экономики в агропромышленном комплексе (далее – АПК) Украины, обеспечению экономической безопасности АПК как составляющей части национальной безопасности Украины, а также обеспечению инвестиционной безопасности, касающихся противодействия коррупционным преступлениям, позволяет сделать вывод о том, что эта сфера при наличии значительной массы исследований остается одной из самых незащищенных областей экономики Украины в аспекте формирования инвестиционной безопасности.

Следует отметить работы К. Антонова, С. Андрусенко, А. Берлача, В. Василичука, В. Горбачевского, Э. Дидоренко, А. Долженкова, В. Захарова, Я. Кондратьева, В. Кубарева, М. Камлыка, И. Козаченко, В. Кикинчука, В. Матвийчука, Д. Никифорчука, В. Ортынского, М. Лавренчука, В. Литвиненко, В. Лебеденко, К. Ольшевского, И. Сервецкого, Р. Степанюка, О. Тарасенко, Н. Перепелицы, В. Пчелкина, Г. Черевко, А. Федчака и др.

Для достижения целей исследования в основном будут использованы структурно-системный и сравнительно-правовой методы.

Целью и задачей статьи является изучение, опираясь на международный опыт, причин возникновения и степени влияния коррупционных преступлений на инвестиционную безопасность агропромышленного комплекса Украины.

Изложение основного материала.

По утверждениям аграрных экспертов, совокупность средств аграриев и реформаторских идей, которые готово реализовать государство, должна способствовать стремительному развитию отрасли в течение следующих нескольких лет. АПК Украины при положительном стечении обстоятельств ждет «квантовый скачок» [1].

Агропромышленный комплекс Украины является одной из базовых отраслей, способной обеспечить рост даже в условиях экономического кризиса, что подтверждается опытом прошлых лет. Указанный сектор в сравнении с другими отраслями экономики инертен. Аграрии зависят от сроков посевной кампании и уборки, поэтому не могут на месяц позже посеять или раньше начать собирать. К сожалению, приходится констатировать, что очень часто тормозится работа банковской системы по кредитованию вообще, не только аграриев, это касается и открытых кредитных линий. Также отсутствует традиционное на протяжении многих лет кредитование сельхозпроизводителей крупными компаниями, которые реализуют семена, минудобрения и топливо под будущий урожай [4].

Современное экономическое положение аграрного сектора требует действенных шагов от власти в условиях дефицита бюджета и дополнительных расходов на проведение антитеррористической операции на востоке страны, стремительного падения гривны. Аграрии из года в год оказываются фактически один на один с необходимостью комплексной подготовки к весенним работам: существенно вырастают цены на минеральные удобрения и средства защиты растений, преимущественно импортные, а также стоимость топлива. Не выработаны финансовые механизмы удешевления кредитов аграрных производителей.

До недавнего времени сопредседатели Всеукраинского аграрного форума и представители профильных ассоциаций в сфере агропромышленного комплекса обращались с письмами к руководству государства о немедленном принятии следующих законопроектов [4]:

– № 2459. Проект закона о внесении изменений в Закон Украины «О зерне и рынке зерна в Украине» (относительно дерегуляции рынка зерна) –

отменяет обязательную сертификацию качества зерна;

– № 2609а. Проект закона о внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины (относительно обеспечения безопасной эксплуатации сельскохозяйственной техники) – отменяет обязательный технический осмотр сельхозтехники;

– № 3008. Проект закона о внесении изменений в некоторые законы Украины относительно государственного регулирования рынка средств защиты растений – отменяет согласование на ввоз средств защиты растений;

– № 3237. Проект закона о внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно уточнения полномочий нотариусов и особенностей регистрации производных прав на земельные участки сельскохозяйственного назначения – отменяет двойную регистрацию при оформлении договора аренды;

– № 3316. Проект закона о внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно устойчивого использования земель сельскохозяйственного назначения – отменяет обязательность проектов севооборота и ряд документов при регистрации права аренды.

Представители профильных организаций отмечают, что единственной действенной реальной помощью со стороны государства в нынешних условиях является следующее [4; 5]:

– немедленное принятие соответствующих изменений в действующем законодательстве для гармонизации его с международными стандартами;

– сохранение льготного налогообложения – сохранение в силе единого фиксированного сельхозналога и аккумуляирования налога на добавленную стоимость (далее – НДС) на счетах сельхозпредприятий;

– прекращение поборов и устранение коррупционных схем при оформлении многочисленных разрешительных документов разного уровня, что позволит высвободить сотни миллионов гривен на целевые нужды аграрной отрасли;

– активизация нормальных экономических инструментов поддержания аграриев, которые существуют в странах Центральной Европы, а не тех, что имеются сейчас и искривлены под нашу «славянскую» ментальность.

Указанные шаги позволяют обеспечить финансовую ликвидность аграрному сектору экономики: программы страхования рисков, развитие программ гарантийного фонда, инструмента аграрных расписок и т. д.

Эксперты отмечают, что аграрии теряют миллиарды гривен ежегодно на неофициальных платежах чиновникам за разрешения и процедуры, которые отсутствуют в цивилизованных странах мира. К сожалению, в депутатском корпусе отсутствует единое мнение по поддержанию соответствующими комитетами ряда законопроектов, направленных на ликвидацию коррупции в АПК.

Из-за отсутствия эффективного механизма финансового регулирования развития сельскохозяйственных предприятий их деятельность осуществляется в сложных условиях, существует диспропорция цен на готовую продукцию, чем снижаются доходы производителей. Социальная защита работников отрасли на уровне, определенном действующим законодательством, не обеспечивается. Такая ситуация требует преодоления существующих недостатков функционирования АПК Украины и оптимизации государственного регулирования, необходимо следующее:

- структурная перестройка АПК;
- оптимизация земельной реформы;
- усовершенствование налогообложения предприятий АПК;
- усовершенствование кредитного механизма обеспечения деятельности АПК;
- обеспечение защиты и поддержки национальных товаропроизводителей;
- формирование государственного заказа на сельскохозяйственную продукцию;
- создание эффективной инфраструктуры;
- реализация социально-правовых программ [6].

Примером комплексной борьбы с коррупцией является антикоррупционная стратегия Нидерландов, которая включает такие процедурные и инвестиционные мероприятия, как: постоянная отчетность и гласность по выявлению коррупции и обсуждению последствий (наказание за коррупционные действия); ежегодный доклад министра внутренних дел парламенту о выявленных фактах корруп-

ции и принятых мерах по наказанию лиц, причастных к ней; разработка системы мониторинга возможных мест возникновения коррупционных действий в государственных и общественных организациях, строгий контроль за деятельностью работающих там лиц; создание системы прав и обязанностей должностных лиц по определению меры ответственности за нарушение должностной этики и коррупционные проявления (запрещение работать в государственных организациях и потеря всех социальных льгот, которые предоставляет государственная служба, например, пенсионного и социального обслуживания); во всех организациях, в частности в министерствах, имеются службы внутренней безопасности, обязанностью которых является регистрация и выявление ошибок чиновников, их намеренных или случайных нарушений действующих правил и последствий таких нарушений [7].

Эффективная система организационных и правовых механизмов борьбы с коррупцией разработана в Италии, где в решении этой проблемы тесно взаимодействуют общественные организации и государственные учреждения. Парламент страны учредил специальный Генеральный совет по борьбе с организованной преступностью. Наряду с Генеральным советом учреждены окружные управления по борьбе с организованной преступностью и мафией, отдельно – Государственное управление по борьбе с мафией [7].

В Германии, независимо от конкретных специфических функций, основной обязанностью государственных служащих является беспристрастное и справедливое выполнения своих задач на благо всего общества. Для государственных служащих предусмотрена полная личная ответственность за правомерность их действий по выполнению служебных обязанностей. После окончания срока службы государственный служащий должен держать в тайне сведения и факты, относящиеся к его служебной деятельности. Без разрешения государственный служащий не имеет права давать показания или делать заявления по фактам и сведениям, составляющим тайну его служебной деятельности даже в суде. Соответствующее разрешение дает руководитель службы или руко-

водитель службы с последнего места работы. Информацию для прессы могут давать только уполномоченные государственные служащие правления или учреждения. Закон закрепляет обязанность государственного служащего заявлять об уголовно наказуемых деяниях, которые стали ему известны [7].

Необходимо поддержать мнение аграрных экспертов о том, что если в ближайшее время не удастся стабилизировать финансовую ситуацию в стране, результаты будущей посевной в центральной и северной части Украины будут непредсказуемы [8].

Выводы. Таким образом, одной из основных угроз экономическому (инвестиционному) развитию агропромышленного комплекса является коррупционная преступность, обусловившая низкую инвестиционную активность в указанной отрасли, блокирование выхода украинского производителя на передовые европейские рынки. Полезным для решения проблемы может стать мировой опыт, апробированные международным сообществом положения успешного противодействия коррупции в целом и в ключевых отраслях экономики в частности. Исследователи называют основные условия инвестиционной привлекательности, среди них: прозрачность и простота процедур принятия решений, действенные механизмы контроля за деятельностью государственных органов со стороны общественности, свобода и независимость средств массовой информации. Соблюдение указанных стандартов позволит максимально снизить уровень коррупции в исследуемой сфере и привлечет инвестиции для стабилизации экономического развития Украины в целом.

Список использованной литературы:

1. Коваль Л. Корупція та її вплив на формування інвестиційної привабливості аграрного сектора. URL: http://www.esonomu.in.ua/pdf/8_2014/13.pdf;
2. Волошина А. Корупція – виклики для України: за матеріалами шостого «Київського діалогу» 28–30 жовтня 2010 р. «Корупція в політиці, економіці та управлінні – стратегії громадянського суспільства та світової спіль-

ноти щодо її подолання». Кіровоград, 2011. С. 31.

3. Шавалюк Л. Український АПК: локомотив економіки. URL: http://antikor.com.ua/articles/125688-ukrainskij_apk_lokomotiv_ekonomiki.

4. Житков А. Аграрні асоціації виступають за прийняття нових законів та проти корупційних схем. URL: <http://unt.org.ua/agrarn-asots-atsvistupayut-za-priinyattya-novikh-zakonv-ta-proti-korupts-inikh-skhem>.

5. Аграрии просят отменить самые коррупционные схемы в АПК. URL: http://antikor.com.ua/articles/3190agrarii_prosjat_otmenitj_samy_e_korrupsionnye_shemy_v_apk.

6. Березина Л. Світовий досвід державного регулювання АПК: уроки для України. URL: http://www.nbuv.gov.ua/old_jrn/Chem_Biol/nvlnau/Ekon/2010_16/Beresina.pdf.

7. Чемеріс В. Зарубіжний досвід протидії корупції в системі державного управління. URL: <http://sp.niss.gov.ua/content/articles/files/13-1444127446.pdf>.

8. Єфімов В. Щодо сучасного стану та причин корупційних проявів в АПК України. URL: <http://univd.edu.ua/uk/dir/1870>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Єфімов Володимир Веніамінович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедри оперативного-розсыкного діяльності та спеціальної техніки факультета підготовки спеціалістів для підрозділів кримінальної поліції Дніпропетровського державного університету внутрішніх дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yefimov Vladimir Veniaminovich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Operational-Search Activity and Special Technique of the Faculty of Specialist Training for Criminal Police Units of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

yefimov2009@i.ua

УДК 351.746.1

НАПРАВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОНТРАБАНДЕ В УКРАИНЕ: ГЛАСНЫЙ АСПЕКТ

Инна ЕФИМОВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Университета таможенного дела и финансов

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование основных гласных направлений оперативно-разыскного противодействия контрабанде в Украине в современных условиях реформирования правоохранительных органов в целом. Сосредоточено внимание на том, что оперативно-разыскное противодействие контрабанде в Украине в современных условиях реформирования правоохранительной системы страны в целом включает в себя следующее: структурное построение модели, планирование мероприятий и стратегию оперативно-разыскного противодействия контрабанде. Стратегия определяется как совокупность положений общенаучного, законодательного и организационно-тактического характера, которая на основе соотношения уголовного процесса и оперативно-разыскной деятельности позволяет стандартизировать современную модель правоохранительной деятельности борьбы с контрабандой.

Ключевые слова: противодействие, контрабанда, оперативно-разыскная деятельность, оперативная техника, права человека, взаимодействие.

DIRECTIONS OF OPERATIONAL-SEARCH COUNTERING SMUGGLING IN UKRAINE: A PUBLIC ASPECT

Inna YEFIMOVA,

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines
of the University of Customs and Finance

SUMMARY

The article conducts a theoretical study of the main public areas of operational search anti-smuggling in Ukraine in the modern conditions of reforming law enforcement agencies in general. The focus is on the fact that the operational-search opposition to smuggling in Ukraine in the modern conditions of reforming the law enforcement system of Ukraine as a whole includes: structural model building, planning activities and strategy of operational-search countering smuggling. The strategy is defined as a set of provisions of general scientific, legislative, organizational and tactical nature, which, based on the correlation of the criminal process and operational-search activity, allows you to standardize the modern model of law enforcement activities against smuggling.

Key words: counteraction, smuggling, operational-search activity, operational equipment, human rights, interaction.

Постановка проблеми. Таможенна служба відповідає за безпеку державства, це не фискальна служба, во всіх цивілізованих країнах це служба політики безпеки на пограничних постах, котра забезпечує безпечне переміщення товарів через границі, безпеку торгівлі, содействіє їй. Сьогодні в Україні произошла «фискалізація» таможенної служби, таможня використовується як налоговый пылесос, который аккумулирует про-

блеми, возникающие внутри страны с уплатой налогов [1].

В современных условиях контрабанда отличается более изощренными и организованными формами, правонарушители используют различные способы и приемы, постоянно совершенствуют механизмы противоправных действий. Преступные организации не признают границ, они успешно используют пробелы в национальных законодательных системах при подготовке преступлений, в том числе кон-

трабанды, и сокрытия следов своей противоправной деятельности, а также материальных ценностей, добытых незаконным путем [2, с. 11].

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что, учитывая уровень угроз безопасности государства вследствие контрабанды, противодействие ей определено руководством Украины как один из приоритетов в деятельности правоохранительных органов. Это обусловлено объективными обстоятельствами, сложившимися в этой сфере. Так, по официальным данным Службы безопасности Украины, в 2011 г. изъято предметов контрабанды на общую сумму 183,6 млн грн, в 2017 г. – уже на 257,2 млн грн, с каждым годом эта сумма растет.

Определяющими чертами контрабанды в современной Украине становятся следующие: организованность, информированность, вооруженность, техническая оснащенность, наличие собственной разведки и контрразведки, тщательная подготовка к совершению преступлений, целенаправленное уничтожение доказательственной информации, в том числе физическое устранение очевидцев преступных проявлений. Криминальная деятельность контрабандистов характеризуется быстрой адаптацией к политике страны в сфере уголовного правосудия и относительно защитных механизмов государства. Это делает контрабанду труднодоступной, а иногда и недоступной для традиционных уголовных процессуальных средств обнаружения и предотвращения, которые не рассчитаны на активное информационное противодействие со стороны криминала [3, с. 57–59].

Состояние исследования. Результаты анализа публикаций, статистических данных указывают на неудовлетворительную деятельность оперативных подразделений правоохранительных органов по оперативно-разыскному обеспечению противодействия контрабанде.

Следует отметить весомые работы таких ученых: К. Антонова, Н. Бажанова, Ю. Баулина, А. Берлача, В. Борисова, А. Воронова, Д. Давитадзе, А. Джужи, А. Долженкова, В. Дремина, А. Закалюка, В. Захарова, В. Зеленецкого, В. Калугина, Н. Карпова,

М. Карпушина, М. Качева, В. Коваленко, Ю. Кондратьева, И. Козаченко, В. Коржа, Н. Коржанского, Г. Кириченко, Я. Кураш, Ю. Ляпунова, О. Максимова, В. Марко, С. Минченко, Д. Никифорчука, Ю. Орлова, В. Ортинского, М. Погорецкого, В. Пчелкина, Е. Скулыша, В. Тарасенко, О. Татарова, В. Тация, Б. Тишкевича, В. Сташиса, Ю. Сучкова, И. Хараберюша, А. Хараберюша, К. Чаплинского, И. Шинкаренко, М. Шелухина и др.

В настоящее время наиболее значимой и современной работой остается диссертация на соискание ученой степени доктора наук, защищенная в 2016 г. Александром Ивановичем Хараберюшем, на тему: «Оперативно-разыскное обеспечение противодействия контрабанде в Украине».

Считаем, что комплексный, концептуальный анализ системы оперативно-разыскного обеспечения противодействия контрабанде, организационно-правовых и тактических основ его формирования и реализации является актуальным научным заданием и требует глубокой научной разработки, что должно найти отражение в Таможенном кодексе и Законе Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», поскольку таможенные органы не наделены правом самостоятельно осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

Целью и задачей статьи является исследование основных гласных направлений оперативно-разыскного противодействия контрабанде в Украине в современных условиях реформирования правоохранительной системы.

Изложение основного материала. Совершенствование уголовного процессуального и оперативно-разыскного законодательства по противодействию контрабанде во многом зависит от четкого разграничения этих видов деятельности и качества разработки общетеоретической проблемы познания и определения предмета контрабанды. Исключительная важность этого обусловлена не только потребностями теории оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), но имеет и практическое значение. Так, выяснения предмета контрабанды дает возможность определить социально-политическую и юридическую сущность преступления, способствует правильной

квалификации деяния, дает возможность эффективно использовать силы и средства ОРД [4, с. 74].

Общезвестно, что сегодня оперативно-разыскная информация стала своеобразным фундаментом деятельности правоохранительных органов Украины, без нее невозможно на высоком уровне обеспечить безопасность общества и государства от негативных проявлений контрабанды. Поэтому своевременное получение информации о явлениях, которые способствуют преступной деятельности, а также сопровождают и характеризуют ее, является первоочередной задачей оперативных подразделений правоохранительных органов, обеспечивающих противодействие контрабанде [5, с. 124–125].

Проблема оперативно-разыскного обеспечения противодействия контрабанде возникла в связи с изменениями социально-политической ориентации общества, усложнением оперативной обстановки в экономической сфере, которые характеризуются повышением профессионализма преступников и существованием организованных преступных группировок. Еще в 1990–2000-х гг. предметом пристального внимания ученых-юристов становится законодательный характер оперативно-разыскной и уголовной процессуальной работы, ведь оба вида деятельности, используя различные методы, идут разными путями к общей цели – раскрытию преступления [4, с. 131].

Несмотря на множество исследований, нет единого мнения относительно сути оперативно-разыскного обеспечения и места этой категории в системе ОРД [4, с. 134].

А. Хараберюш отмечает, что оперативно-разыскное обеспечение противодействия преступности в таможенной сфере включает в себя оперативно-разыскной мониторинг преступной среды с целью установления инфраструктуры контрабанды и нейтрализации ее влияния на уголовное производство на всех стадиях уголовного процесса, а также прогнозирования возможных направлений развития следственной и оперативно-разыскной ситуации для нейтрализации влияния преступной среды и его проникновения в правоохранительные и судебные органы. Не менее важно обеспечение

безопасности участников уголовного процесса. Рассматривая весь спектр главных составляющих, А. Хараберюш определил оперативно-разыскное обеспечение противодействия контрабанде как систему мероприятий, реализуемых субъектами ОРД в интересах создания необходимых и достаточных условий для осуществления полного и объективного процесса доказывания, прекращения и нейтрализации противоправных действий криминальной среды, выполнения правоохранительной функции государства, обеспечения безопасности участников уголовного процесса и достижения цели неотвратимости наказания лиц, виновных в совершении преступного деяния (контрабанды) [4, с. 139–140].

А. Хараберюш, учитывая распределение уголовного судопроизводства на стадии, задачи, решаемые на этих стадиях, объекты и субъекты, предлагает следующую классификацию оперативно-разыскного обеспечения противодействия контрабанде:

1) в зависимости от стадии уголовного производства:

- оперативно-разыскное обеспечение доследственной проверки;
- оперативно-разыскное обеспечение досудебного расследования;
- оперативно-разыскное обеспечение судебного производства;

2) в зависимости от выполняемых заданий:

- оперативно-разыскное обеспечение установления доказательств и их источников, обстоятельств преступной деятельности фигурантов уголовного производства;

– оперативно-разыскное обеспечение контроля за поведением подозреваемых и обвиняемых с целью выявления их скрытого преступного поведения и нейтрализации их противодействия реализации принципа неизбежности ответственности;

– оперативно-разыскное обеспечение безопасности участников уголовного производства;

– оперативно-разыскное обеспечение предупреждающей функции участников уголовного производства;

3) в зависимости от проводимых мероприятий:

- организационные;
- физические;
- технические.

Организационно-тактические основы оперативно-разыскного обеспечения противодействия контрабанде в Украину включают в себя следующие четыре позиции [6, с. 14–16]:

1) особенности проведения контролируемой поставки наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, а также фальсифицированных лекарственных средств;

2) специфику оперативно-разыскного обеспечения противодействия контрабанде культурных ценностей;

3) специфику оперативно-разыскного обеспечения противодействия незаконному перемещению через таможенную границу Украины ядовитых, сильнодействующих, взрывчатых веществ, радиоактивных материалов, оружия и боеприпасов;

4) специфику оперативно-разыскного обеспечения противодействия контрабанде специальных технических средств негласного получения информации.

Следует поддержать мнение К. Антонова и В. Вараввы относительно того, что времена, когда контрабанду можно было обнаружить визуально при осмотре товаров и транспортных средств, ушли в прошлое, потому что сейчас чаще всего применяются методы «интеллектуального» сокрытия, при котором, по замыслу преступников, все должно выглядеть законно. Чтобы вовремя выявлять и раскрывать такие преступления, необходимо использование предупредительной информации, поэтому необходимо проведение комплекса оперативно-разыскных и других мероприятий, без которых невозможно говорить об эффективности противодействия и предотвращения контрабанды [7].

Выводы. Таким образом, можно назвать следующие направления оперативно-разыскного противодействия контрабанде в Украине в современных условиях реформирования правоохранительной системы государства:

– структурное построение, формируемое с учетом особенностей общей характеристики отдельных видов контрабанды, конкретной оперативно-разыскной и следственной ситуации, активности применения форм противодействия правоохранительным органам с обязательным соблюдением принципа преемственности и ком-

плексного применения оперативно-разыскных сил, средств и методов;

– мероприятия, реализуемые субъектами ОРД в интересах создания необходимых и достаточных условий для осуществления полного и объективного процесса доказывания, прекращения и нейтрализации противодействия криминальной среды выполнению правоохранительной функции государства, обеспечения безопасности участников уголовного процесса и достижения цели неотвратимости наказания лиц, виновных в совершении преступного деяния;

– стратегия оперативно-разыскного обеспечения противодействия контрабанде, которая объединяет совокупность положений общенаучного, законотворческого и организационно-тактического характера, позволяющих на основе реального соотношения оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса стандартизировать современную модель правоохранительной деятельности по выявлению, пресечению, доказыванию и нейтрализации противодействия криминальной среды выполнению правоохранительной функции государства, функции обеспечения безопасности участников уголовного процесса, достижения цели неотвратимости наказания лиц, виновных в совершении контрабанды.

Список использованной литературы:

1. Макаренко А. Митна служба насамперед має відповідати за безпеку держави. URL: <https://bloginside.in.ua/>.

2. Скулиш Є. Проблемні питання в організації боротьби з контрабандою. *Особливості взаємодії спеціальних підрозділів «К» Служби безпеки України з іншими правоохоронними органами у сфері протидії контрабанді: матеріали наук.-практ. конф.*, 23 листопада 2007 р., м. Харків. Харків : Оберіг, 2008. 168 с. С. 11–16.

3. Хараберюш О. Основні напрямки протидії контрабанді в сучасних умовах. *Митна справа*. 2013. № 4 (88). С. 57–62.

4. Хараберюш О. Протидія контрабанді в Україні: оперативно-розшуковий аспект : монографія. Київ : ВД «Дакор», 2015. 416 с.

5. Хараберюш О. Суспільство України як об'єкт оперативного-розшукового захисту від контрабандних проявів. *Науковий вісник Ужгородського національного університету*. Серія «Право». 2014. № 24. Т. 4. С. 124–127.

6. Хараберюш О. Оперативно-розшукове забезпечення протидії контрабанді в Україні : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09; ДДУВС. Дніпро, 2016. 38 с.

7. Антонов К., Варава В. Збільшення правоохоронних повноважень митних органів у контексті розвитку митного та оперативного розшукового законодавства. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/vamsup_2010_1(4)_29.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефимова Инна Вениаминовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминально-правовых дисциплин Университета таможенного дела и финансов

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yefimova Inna Veniaminovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the University of Customs and Finance

inka_vitaminka@i.ua

UDC 351

NATIONAL STANDARDIZATION SYSTEM IN UKRAINE: PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Rostislav ZAMKOVYI,

Postgraduate Student

of Legislation Institute of the Verkhovna Rada of Ukraine

SUMMARY

The article analyzes the national standardization system in Ukraine. In accordance with the legislation in force in the sphere of standardization in Ukraine, the goals, principles, objectives, object and subject of the implementation of state policy in the field of standardization are established. Depending on the subjects and objects of standardization, the specifics, the content of the requirements, standardization and standards are divided into types. The prospects for the development of a standardization system in Ukraine are defined.

Key words: standardization, public administration, organizational and legal mechanisms, policy in field of standardization in Ukraine.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА СТАНДАРТИЗАЦИИ УКРАИНЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ростислав ЗАМКОВЫЙ,

аспирант Института законодательства

Верховной Рады Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована национальная система стандартизации в Украине. В соответствии с действующим на территории Украины законодательством в сфере стандартизации установлены цели, принципы, задачи, объект и субъект реализации государственной политики в указанной сфере. В зависимости от субъектов и объектов стандартизации, специфики, содержания требований стандартизация и стандарты разделены на виды. Определены перспективы развития системы стандартизации в Украине.

Ключевые слова: стандартизация, государственное управление, организационно-правовые механизмы, политики в сфере стандартизации в Украине.

Problem setting. Modern standardization has a huge scientific and technical potential, which for many decades has been laid down in the standards: industry, state, regional and international. The role of standardization in modern conditions is constantly increasing due to the emergence of new areas of application of standards. Further development of standardization in Ukraine is impossible without the participation of international standardization organizations, as well as without an integrated scientific and technical approach to the formation of state policy in the field of standardization.

The state of the study. The article analyzes regulatory documents that establish the organizational and legal principles of standardization in Ukraine regarding the implementation of state policy in this area, as well as the publication of specialists in this field.

Purpose of the article. The aim is to analyze the current state of state policy in the field of standardization implementation in Ukraine on the basis the organizational and legal of public administration mechanisms.

Article main body. Standardization is defined in the ISO / IEC Guide 2: 2004 Standard (Standardization and Related Activities, Common Dictionary) as an activity aimed at achieving optimum level of regulation in a particular industry by establishing provisions for general and reusable use of real or potential tasks [7].

National standards of Ukraine are voluntary for use. At the same time, for national entities, national standards are mandatory in the following cases:

- when their binding nature is established by normative-legal acts;
- if in the agreement (contract) between the subjects of the agreement

(contract) concerning the development, manufacture or supply of products there is a reference to certain standards;

– if the entity (manufacturer or supplier of products) has made a declaration of conformity of production to certain standards or has applied the designation of these standards in its marking.

National standards of Ukraine have the designation “DSTU”.

The State Standards of Ukraine (DSTU) are the standards developed in accordance with the current legislation of Ukraine, which establish a general and multiple application of the rule, general principles or characteristics related to the activity or its results, in order to achieve the optimal degree of orderliness, developed on the basis of consensus and approved authorized body. Standards DSTU exist since 1993 [1].

Standardization in Ukraine is carried out with the purpose [3]:

- 1) ensuring compliance of objects of standardization with its purpose;
- 2) management of diversity, applicability, compatibility, interchangeability of standardization objects;
- 3) ensuring rational production through the application of recognized rules, guidelines and procedures;
- 4) protection of life and health;
- 5) ensuring the rights and interests of consumers;
- 6) ensuring safety of work;
- 7) preservation of the environment and saving of all kinds of resources;
- 8) eliminating technical barriers to trade and preventing them from occurring, supporting development and international competitiveness of products.

The legislation of Ukraine in the field of standardization consists of the Law of Ukraine “On Standardization” which establishes legal and organizational principles of standardization in Ukraine and aims at ensuring the formation and implementation of state policy in the relevant sphere [3], current international treaties of Ukraine and other normative legal acts that regulate relations in the relevant field. At the same time, the Law of Ukraine “On Standardization” does not apply to sanitary measures of food safety, veterinary and sanitary and phytosanitary measures, construction norms, medicines, standards of medical care, accounting, property valuation, education and other social standards stipulated by law [3].

State policy in the field of standardization is based on the balanced application of such principles [3]:

- 1) ensuring the participation of individuals and legal entities in the development of national standards and codes of established practice;
- 2) openness and transparency of procedures for the development and adoption of national standards and codes of good practice, taking into account the interests of all interested parties;
- 3) the unbiased adoption of consensus-based national standards and codes of practice;
- 4) voluntary application of national standards and codes of established practice, unless otherwise provided by normative legal acts;
- 5) compliance with national standards and codes of good practice by law;
- 6) adaptation to the modern achievements of science and technology, promotion of innovation and increasing the competitiveness of domestic producers;
- 7) availability of national standards and codes of established practice, as well as information about them for users;
- 8) the priority of adopting international and regional standards and codes of established practice in Ukraine as national ones;
- 9) compliance with international and regional rules and procedures for standardization;
- 10) participation in international and regional standardization;
- 11) adoption and compliance by the entities of standardization of the Code of Good Practice for the development, adoption and application of standards in accordance with the Agreement on Trade Barriers to Trade of the World Trade Organization, annexed to the Marrakech Agreement Establishing the World Trade Organization of 15 April 1994.

Among the methodological principles of standardization should be highlighted: planned character, perspective, optimal, dynamism, consistency, commitment [5]:

- the principle of planning is provided by drawing up perspective and current plans for the development and implementation of standardization work;
- the principle of prospects is ensured by the development and release of advanced standards, which introduce higher standards and requirements for objects of standardization in relation to

the achieved level, that is, those rules that will be optimal in the future;

- the principle of optimality involves the development and adoption of such rules, rules and requirements that provide the national economy with optimal costs of resources: raw materials, energy, social;
- the principle of dynamism involves the periodic review of standards and other normative documents, making changes to them, as well as timely review and abrogation of standards;
- the principle of systemicity is ensured by the development of documents for objects of standardization belonging to a particular industry, which establishes mutually agreed requirements for all objects on the basis of a general purpose;
- the principle of binding determines the legislative nature of standardization.

The principles of standardization are the basis for the formation of a system of standardization methods. Various methods are used to provide specialization and interchangeability at different levels, among them: classification, unification, simplification, aggregation, typing, etc.

In accordance with the current legislation of Ukraine regulating relations related to activities in the field of standardization and the application of its results, [3] objects of standardization are:

- materials, components, equipment, systems, their compatibility;
- rules, procedures, functions, methods, activities or results thereof, including products, personnel, management systems;
- requirements for terminology, designation, packaging, marking, labeling, etc.

The subjects of standardization are also defined by the legislation of Ukraine in the field of standardization [3], which is:

- the central executive body, which ensures the formation of state policy in the field of standardization;
- a central executive body that implements state policy in the field of standardization;
- national standardization body;
- technical standardization committees;
- enterprises, institutions and organizations that carry out standardization.

Regulatory documents, depending on the subject of standardization, they receive are divided into (in accordance with the current legislation) [3]:

1) national standards and codes of the established practice, adopted by the national standardization body;

2) standards, codes of established practice and technical specifications adopted by enterprises, institutions and organizations that carry out standardization.

In accordance with the current legislation, a standard is a normative document based on consensus, adopted by a recognized body, which establishes for the general and repeated use of the rules, guidelines or characteristics of the activity or its results, and aims to achieve the optimal degree of ordering in a particular field. Standardization is the activity consisting in establishing provisions for general and repeated use of existing or potential tasks and aims at achieving optimal degree of order in a particular field [3].

Based on this, in accordance with the subjects of standardization, which are accepted and the objects of standardization, which are subject to standards and in accordance with the current legislation in the field of standardization [3], the specifics, requirements content, standardization and standards can be divided into generally accepted types (see Table 1, Table 2).

Also, in accordance with the specifics of the object of standardization, composition and content of requirements for the various categories of normative standardization documents, there are also the following standards:

– *industry standard* – a standard adopted by a sectoral standardization body at the level of one specific industry;

– *standards of organization (enterprises)* – standards adopted by the standardization service of a particular enterprise, organization, association, institution for these objects;

– *the basic standards set*: organizational and methodological and general technical provisions for a certain industry standardization; terms and definitions; general technical requirements and rules; norms ensuring orderliness, compatibility, interconnection and mutual coordination of various types of technical and industrial activities during the development, manufacture, transportation and utilization of products; norms ensuring the protection of the environment;

– *standards for products, services* set requirements for groups of homogeneous or specific products, services that ensure its compliance with its purpose;

– *the standards in the processes* establish the basic requirements for the sequence and methods (means, modes, norms) of execution of various works (operations) in the processes used in various activities and ensure the compliance of the process of its appointment;

– *standards on methods of control* (tests, measurements, analysis) establish the sequence of works, operations, methods (rules, regimes, norms) and technical means of their execution for different types and objects of control of products, processes and services;

– *standards and specifications* should be used at all stages of the product life cycle.

According to the Law of Ukraine “On Standardization” [3], the priority directions of development for the next 15 years from the date of entry into force of this Law is the transition from the standards, codes of established practice and technical specifications adopted by central executive authorities before the entry into force of this Law, as well as industry standards (OST) and equivalent

to other normative documents of the former Union of Soviet Socialist Republics, the sectoral standards of Ukraine (GSTU) (hereinafter referred to as sectoral normative documents) to their replacement by technical regulations national standards, codes of practice or abolition in Ukraine.

The corresponding task for the central executive authorities in the relevant spheres of activity and within its authority is:

– to check, review and cancel industry normative documents;

– establish procedures for checking, reviewing and repealing sectoral regulatory documents;

– to participate in the work of specialized international and regional organizations that carry out standardization in the relevant fields of activity, of which they are members or cooperate with, on the basis of the rules of such organizations or relevant agreements;

– to issue and distribute sectoral normative documents, catalogs of sectoral normative documents, documents of specialized international and regional organizations that carry out standardization

Table 1

Types of standardization

№	Types of standardization:	Characteristics of standardization types:
1.	international standardization	standardization, participation in which is open to the relevant authorities of all states
2.	regional standardization	standardization, participation in which is open to the respective authorities of the states of only one geographical, political or economic space
3.	national standardization	standardization carried out at the level of one state

Table 2

Types of standards

№	Types of standards:	Characteristics of standards types (depending on the subject of standardization that accepts them):
1.	international standard	a standard adopted by an international standardization organization and available to a wide range of users
2.	regional standard	a standard adopted by a regional standardization organization and available to a wide range of users
3.	European standard	a regional standard adopted by the European standardization organization
4.	interstate standard	the regional standard provided for in the Agreement on the implementation of the agreed policy of standardization, metrology and certification of March 13, 1992 and adopted by the Interstate Council for Standardization, Metrology and Certification
5.	national standard	a standard adopted by a national standardization body and accessible to a wide range of users

in the relevant fields of activity, of which they are members or cooperate with on the basis of the rules of such organizations or relevant agreements, and also delegate the said powers other people.

The central executive authorities have the right to order services for the performance of work on the verification of sectoral regulatory documents and the development of proposals for amendments to them and their abolition by the relevant technical standards of standardization committees with due observance of requirements.

Information on abolished sectoral regulatory documents and amendments thereto are made public in accordance with the procedures established by the relevant central executive authorities.

Sectoral regulatory documents are applied on a voluntary basis, except for cases where the mandatory application of their application is established by regulatory acts. Central bodies of executive power shall ensure the placement on the official web-sites of texts of sectoral regulatory documents, the mandatory application of which is established by regulatory legal acts, with free access to them. Ownership of sectoral normative documents and catalogs issued by central executive bodies belongs to the state. On behalf of the state, the owner's right to such documents is carried out by the relevant central executive authorities.

Conclusions. Thus, the current state of implementation of the state policy in the sphere of standardization of Ukraine on the basis of the organizational and legal mechanism of public administration is analyzed. The goal, principles, object and subject of realization of the state policy in the sphere of standardization are found out. Depending on the subjects and objects of standardization, the specifics, the content of the requirements, standardization and standards are divided into types. According to the results of the analysis, the main tasks for the revision of a set of fundamental standards of national standardization, which will be implemented on the basis of the organizational and legal mechanism of public administration, are indicated.

References:

1. National Standards of Ukraine. 2017. Wikipedia. URL: https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D1%96_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D0%B8 (accessed: 5 January 2019).
2. DSTU 1.7:2015 National Standardization. Rules and methods for the adoption of international and regional normative documents (ISO/IEC Guide 21-1:2005, NEQ; ISO/IEC Guide 21-2:2005, NEQ), DP "UkrNDNC", Kyiv, Ukraine.
3. On standardization: The Law of Ukraine / The Verkhovna Rada of Ukraine. 2012. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/138717> (accessed: 29 December 2017).
4. Kirichenko L., Samoilenko A. Standartyzatsiya i sertyfikatsiyatovariv ta posluh (Standardization and certification of goods and services). Kharkiv : Publishing House "Ranok", 2008.
5. Tarasov V., Malinovsky A., Rybak M. Metrolohiya, standartyzatsiya i sertyfikatsiya : pidruchnyk dlya vyshchych navchal'nykh zakladiv (Metrology, Standardization and Certification: Textbook for Higher Educational Institutions). Kyiv, 2006.
6. ISO/IEC Guide 2:2004 Standardization and related activities. URL: <https://www.iso.org/standard/39976.html> (accessed: 29 December 2018).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Zamkovyy Rostislav Vladimirovich – Postgraduate Student of Legislation Institute of the Verkhovna Rada of Ukraine

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Замковий Ростислав Владимирович – аспирант Інститута законодавства Верховної Ради України

УДК 343.842

ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Алексей КАБАНОВ,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Харьковского национального педагогического университета
имени Г.С. Сковороды

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы правового статуса приговоренных к пожизненному лишению свободы, место пожизненного лишения свободы в системе наказаний, проводится анализ недостатков положений действующего уголовного, уголовно-исполнительного и уголовного процессуального законодательства Украины, логичности и последовательности многих решений, предпринята попытка проанализировать правовые аспекты применения прогрессивной системы отбывания наказания к осужденным пожизненно, отбывающим наказание, как правило, в исправительных колониях максимального уровня безопасности.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, правовой статус осужденного, ученые и практики, социально-воспитательная работа, страны с развитыми системами исполнения наказаний, формы, виды и элементы изменений условий отбывания наказания.

PROGRESSIVE SYSTEM FOR PREVENTING PUNISHMENT CONDEMNED TO THE LIFE DEPRECIATION OF FREEDOM

Aleksey KABANOV,
Postgraduate Student at the Department of Criminal Law Disciplines of the Faculty of Law
of Kharkiv National Pedagogical University

SUMMARY

The article examines the legal status of people sentenced to life imprisonment, the place of life imprisonment in the system of punishments, analyzes the provisions of the current criminal, criminal-executive and criminal procedural legislation of Ukraine, which have shortcomings, lacking consistency and consistency of many decisions, trying to analyze legal aspects application of a progressive sentence system to convicts for life who are serving a sentence, as a rule, avitel the colonies maximum level of security.

Key words: life imprisonment, legal status of convicted person, scientists and practitioners, social and educational work, countries with developed systems of execution of sentences, forms, types and elements of changes in conditions of serving sentence.

Постановка проблемы. Поскольку к данной категории осужденных применение основных средств исправления и ресоциализации, кроме режима, пробации, общественно полезного труда, социально-воспитательной работы, общеобразовательного и профессионально-технического обучения, общественного воздействия, уменьшено или они совсем не применяются, особое внимание уделяется исследованию их социально-психологических особенностей (определение социально-психологического портрета личности; выделение наиболее эффективных форм и методов социально-воспитательной работы; создание типологии осужденных, которых можно включить в прогрессивную систему отбывания наказания при решении вопроса об их возможном условно-досрочном освобождении).

Актуальность темы исследования. Начатое в 2016 г. реформирование уголовно-исполнительной системы

предусматривает фундаментальные изменения в процессе исполнения наказаний на принципах гуманизма, открытости и соблюдения прав и свобод человека. Переход Государственной уголовно-исполнительной службы (далее – ГУИС) в сферу подчинения Министерства юстиции Украины привел не только к введению в ее работу специальных мероприятий, но и к пересмотру всех ее основных составляющих: идей, концептуальных целей, задач, функций, структуры деятельности органов и учреждений исполнения наказаний и пробации, форм и методов работы с осужденными и т. д.

Институт пожизненного лишения свободы требует изучения и устранения всех проблем, существующих в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Необходимы теоретическое обоснование и основательная разработка вопросов оптимальной организации процесса испол-

нения и отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы на общих основаниях уголовно-исполнительного права.

Указанные обстоятельства обусловили актуальность темы и необходимость ее детального изучения.

Состояние исследования. Рассмотрению отдельных проблемных аспектов изменения условий исполнения и отбывания наказания осужденных на пожизненное лишение свободы посвящено незначительное количество работ (Л.А. Мостепанюк, Т.В. Дуюнова, С.В. Царюк и др.), в которых рассматривались общие вопросы назначения и применения указанного наказания. В то же время накопленный опыт применения наказания в виде пожизненного лишения свободы ставит новые задачи перед наукой уголовного и уголовно-исполнительного права: уточнение целей наказания, формирование социально-психологического портрета

личности осужденного, рассмотрение проблемы прогрессивной системы отбывания наказания.

Цель и задачи статьи. Значительным препятствием на пути становления Украины как демократического, социального и правового государства является преступность. Важную роль в борьбе с преступностью играет наказание, в частности самое суровое – пожизненное лишение свободы, которое пришло на смену смертной казни и заключается в принудительной бессрочной изоляции осужденного от общества путем его содержания в специально предназначенных для этого уголовно-исполнительных учреждениях. Однако решение этой задачи в комплексе и по отдельной категории лиц напрямую зависит от приведения отечественной системы исполнения наказаний в соответствие с международными стандартами.

Изложение основного материала.

Пожизненное лишение свободы нашло свое место в системе наказаний. Введение вместо смертной казни достаточно сурового наказания, которым является пожизненное лишение свободы, вполне соответствует демократическим ценностям, провозглашенным в Конституции, Уголовном кодексе (далее – УК) и Уголовно-исполнительном кодексе (далее – УИК) Украины.

Среди стран, в которых широко применяется осуждение на пожизненное лишение свободы, выделяют Соединенные Штаты Америки (далее – США). В соответствии с данными 2006 г., в федеральной тюремной системе США 25,5 тыс. осужденных отбывают наказание без права на освобождение; 80,2 тыс. осужденных отбывают наказание с возможностью досрочного освобождения; около 120 тыс. человек отбывают наказание сроком более 20 лет [1, с. 268–273].

Мы на стороне тех ученых и практиков, которые в своих утверждениях выступают за смягчение процесса исполнения наказания в идее пожизненного лишения свободы, особенно с учетом большого опыта зарубежных стран, но только относительно отдельных категорий лиц. Наглядным примером служит применение «закона Савченко», который по идее был правильным и своевременным, но применение его положений ко всем без

исключения категориям лиц, в частности к тем, кто совершил особо тяжкие преступления, привело к тому, что этот закон был отменен. Анализ решений судов Украины за 2016–2017 гг. по рассмотрению ходатайств о зачислении срока предварительного заключения лицам, отбывающим наказание в виде пожизненного лишения свободы, подтверждает тенденцию к удовлетворению ходатайств. В то же время большинство судов считают, что зачисление судом срока предварительного заключения этой категории лиц невозможно, поскольку ч. 5 ст. 72 УК Украины, действовавшая до 18 мая 2017 г., указывает, что данная норма должна приниматься только в случае осуждения на срочное лишение свободы, а не на пожизненное. Однако непонятно, почему речь идет именно о лишении свободы на определенный срок, так как норма содержит общие ссылки на лишение свободы, но в ней нет какого-либо уточнения о его срочности или бессрочности. Точку в этом вопросе поставил Верховный Суд Украины постановлением от 26 октября 2017 г. № 5-121к(15)17. В частности, положения ч. 5 ст. 72 УК Украины в редакции Закона № 838-VIII следует толковать таким образом, что в ней употреблено родовое понятие «лишение свободы», которое составляет содержание сразу двух видов наказаний: лишения свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы. Поэтому норма о зачислении предварительного заключения в срок наказания из расчета один день предварительного заключения за два дня лишения свободы подлежит применению как к лицам, осужденным на лишение свободы на определенный срок, так и к тем, кто приговорен к пожизненному лишению свободы [2].

По нашему мнению, такое применение этой нормы к лицам, приговоренным к пожизненному лишению свободы, вполне оправдано, является ничем иным, как реализацией принципа равенства осужденных перед законом.

Все это говорит о том, что пожизненное лишение свободы, хотя по сути и является бессрочным, неопределенным и суровым наказанием, но не наделяется абсолютным характером.

Это наглядно свидетельствует о том, что мы еще не научились пра-

вильно и разумно применять новейшие положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства [3].

Непонятна позиция некоторых правозащитников и ученых, которые ратуют за условно-досрочное освобождение приговоренных к пожизненному лишению свободы [4, с. 37]. Это прямо противоречит положениям и принципам уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, которыми предусмотрена зависимость любого досрочного освобождения от срока отбывания наказания и соответствующего поведения.

Удивляет внесение изменений в ч. 2 ст. 151-1 УИК, которыми предусматривается перевод осужденных на пожизненное лишение свободы мужчин из помещений камерного типа, в которых содержатся по два человека, в многоместные помещения камерного типа исправительной колонии максимального уровня безопасности с предоставлением разрешения на участие в групповых мероприятиях образовательного, культурно-массового и физкультурно-оздоровительного характера в порядке, установленном законодательством, после фактического отбывания в таких помещениях не менее пяти лет срока наказания; а также из многоместных помещений камерного типа в обычные жилые помещения исправительной колонии максимального уровня безопасности – после фактического отбывания в таких помещениях не менее пяти лет срока наказания.

Нет никаких оснований, которые бы характеризовали поведение осужденных, только указывается срок перевода. Приходит в голову только одно: стремление ГУИС разгрузить помещения, в которых сегодня находятся осужденные (следственные изоляторы, колонии максимального уровня безопасности, соответствующие изолированные сектора максимального уровня безопасности).

Правозащитники так увлеклись идеей условно-досрочного освобождения осужденных на пожизненное лишение свободы, что даже подсчитали, сколько их может быть освобождено: если исходить из общего числа 2 000 человек, то могут быть освобождены около 10%.

То есть стоит задача выбрать такой инструмент применения смягчения

наказания в виде пожизненного лишения свободы, который удовлетворил бы всех, и практиков, и ученых. Таким инструментом, на наш взгляд, должна быть теоретически разработанная, практически испробованная и одобренная общественностью модель прогрессивной системы наказания, которая в свое время была предложена проф. В.М. Трубниковым [5], М.И. Чучилиным [6] и успешно применяется в нашей стране. Взгляды этих ученых разделяют многие исследователи.

Эта модель имеет следующий вид. Сегодня на законодательном уровне ученые и практики ведут широкую дискуссию по поводу того, следует ли предусматривать изменение условий содержания пожизненно осужденных и каким образом это делать. На первый вопрос в определенной степени отвечает сам законодатель, предпринимаются попытки изменить условия содержания пожизненно осужденных. Так, Законом Украины № 1186-VI от 8 апреля 2014 г. [7] осужденные на пожизненное лишение свободы мужчины могут быть переведены: из помещений камерного типа, в которых содержатся два человека, в многоместные помещения камерного типа исправительной колонии максимального уровня безопасности с предоставлением разрешения на участие в групповых мероприятиях образовательного, культурно-массового и физкультурно-оздоровительного характера в порядке, установленном законодательством, после фактического отбывания в таких помещениях не менее пяти лет срока наказания; из многоместных помещений камерного типа – в обычные жилые помещения исправительной колонии максимального уровня безопасности, после фактического отбывания в таких помещениях не менее пяти лет срока наказания.

В поддержку этой позиции часто ссылаются на опыт стран с развитыми системами исполнения наказаний. Минимальное количество лет, которые необходимо отбыть в тюрьме для получения возможности быть освобожденным от пожизненного заключения, может быть следующим: Австрия (15), Бельгия (15 с увеличением до 19 или 23 лет для рецидивистов), Болгария (20), Кипр (12), Чехия (20), Дания (12), Финляндия (12), Франция (обычно 18),

Германия (15), Греция (20), Венгрия (20, если суд не постановил иное), Италия (26), Латвия (25), Лихтенштейн (15), Люксембург (15), Монако (15), Польша (25), Румыния (20), Словакия (25), Словения (25), Швеция (10), Македония (15) [8]. Правда, речь идет только об условно-досрочном освобождении пожизненно осужденных, а не об изменениях условий содержания в целом. Ошибочна и поддержка специалистами идеи необходимости создания отдельных тюрем [9].

Относительно ответа на второй вопрос, думаю, речь должна идти о так называемой прогрессивной системе отбывания наказания, которая широко применяется в зарубежных странах, а также в нашей стране к срочно осужденным на лишение свободы. В течение последних лет в уголовно-исполнительной политике нашего государства произошли существенные изменения, обусловленные принятием ряда важных нормативных документов, регулирующих отношения в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний, и направленные на улучшение состояния соблюдения прав осужденных и гуманизации наказания.

В контексте достижения цели ресоциализации особое место занимает исследование результатов применения основных средств ресоциализации осужденных. В юридической литературе институту прогрессивной системы отбывания наказания в свое время уделяли много внимания различные ученые, их суждения были разнообразны. Нашей целью является попытка проанализировать правовые аспекты применения прогрессивной системы отбывания наказания к пожизненно осужденным, отбывающим наказание, как правило, в исправительных колониях максимального уровня безопасности.

На наш взгляд, развитие прогрессивной системы отбывания наказания таких осужденных может проходить следующие стадии.

Все новоприбывшие в исправительную колонию максимального уровня безопасности направляются в участок карантина, диагностики и распределения, где и начинается первый этап отбывания наказания.

В дальнейшем, на наш взгляд, прогрессивная система должна иметь

следующий вид. Формы, виды и элементы изменений условий отбывания наказания. Под изменением условий отбывания наказания мы понимаем реализацию прогрессивной системы в процессе осуществления дисциплинарной практики и применения поощрительных мер воздействия к осужденным.

Изменение условий отбывания наказания является одним из наиболее эффективно действующих элементов системы карательно-воспитательного воздействия. Исполнение наказания представляет собой процесс, в течение которого происходит изменение взглядов, представлений, привычек осужденного. Средства, применяемый для достижения успеха в исправлении осужденных, не могут оставаться неизменными. Наоборот, они должны меняться в соответствии с изменением сознания и поведения осужденных. Во многом это является своего рода стимулом для желаемого поведения.

Правила изменения условий содержания предусмотрены ст. ст. 100, 101, 130, 131, 131–1, 131–2, 133, 134, 135 УИК Украины. Изменение условий содержания осужденных пожизненно во время отбывания наказания практически ведет к изменению объема их прав либо в сторону постепенного ослабления ограничений, либо в сторону еще большего ограничения. Во время отбывания наказания можно влиять на поведение осужденного с помощью изменения правил режима. В том случае, когда осужденный исправляется, создается возможность изменения условий его содержания к лучшему. Такое изменение должно поощрять хорошее поведение осужденного и одновременно, путем постепенного приближения условий пребывания в колонии к условиям жизни на свободе, готовить осужденного к освобождению. В случае ухудшения поведения осужденного условия его содержания меняются к худшему, чтобы изменить в дальнейшем его негативное поведение.

Таким образом, можно сказать, что действующее уголовно-исполнительное законодательство предусматривает существование определенного института, целью которого является стимулирование позитивного поведения осужденного и одновременно с этим постепенное приучение его к жизни на

свободе. Суть этого института в изменении условий отбывания наказания в худшую или лучшую сторону в зависимости от поведения осужденного. Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает и определенную форму такого изменения условий.

Изменение условий отбывания наказания можно представить в следующих формах: 1) в зависимости от поведения осужденного и отношения его к труду условия отбывания наказания изменяются в пределах одной колонии; 2) в зависимости от поведения осужденного и отношения его к труду условия отбывания наказания изменяются путем перевода его в колонию другого вида; 3) условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.

Следует отметить, что для всех без исключения осужденных на пожизненное лишение свободы прогрессивная система отбывания наказания водится после пяти лет заключения в помещениях камерного типа, в которых содержатся по два человека, или в многоместных помещениях камерного типа, то есть прогрессивная система отбывания наказания вступает в силу после того как у заключенных появится такой багаж – пять лет пожизненного лишения свободы.

Изменение условий содержания в пределах одной колонии осуществляется по ходатайству начальника отделения социально-психологической службы постановлением начальника колонии. Если такое постановление предусматривает увеличение объема установленных ограничений и более строгие условия содержания, оно подлежит согласованию с наблюдательной комиссией.

Выводы. Институт пожизненного лишения свободы требует изучения и устранения всех проблем, касающихся уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Вопросы оптимальной организации процесса исполнения и отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы на общих основаниях уголовно-исполнительного права требуют теоретического обоснования и последующей основательной разработки. Проведенный теоретический анализ помог определить понятие и признаки, сущность и место пожизненного лишения свободы в современной системе

уголовных наказаний. Пожизненное лишение свободы как альтернатива смертной казни занимает достойное место в системе уголовных наказаний Украины. Оно является наиболее строгим основным наказанием и «возвращает» систему современных наказаний, придя на замену смертной казни. Его место в системе наказаний по действующему УК Украины определяется, в частности, его принадлежностью к подсистеме уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества.

Список использованной литературы:

1. Кириш Б.О. Покарання, що полягає у довічному позбавленні засудженого свободи, у кримінальному законодавстві зарубіжних держав. *Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ* : збірник наукових праць. 2010. № 2. С. 268–273.

2. Постанова Верховного Суду України від 26 жовтня 2017 р. № 5-121кк(15)17. URL: [http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/\(documents\)/D3E045DB08D9A19CC22581DE00405B1B](http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/(documents)/D3E045DB08D9A19CC22581DE00405B1B).

3. Про внесення зміни до Кримінального кодексу України щодо удосконалення порядку зарахування судом строку попереднього ув'язнення у строк покарання : Закон України від 26 листопада 2015 р. № 838-VIII / Верховна Рада України. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/838-19>.

4. Човган В.О. Реформування кримінально-виконавчого законодавства у світлі міжнародних стандартів (пропозиції та зауваження). Харків, 2014. 228 с.

5. Трубников В.М. Понятие прогрессивной системы в уголовно-исполнительных учреждениях Украины. *Нормативная основа правовой системы Республики Беларусь* : материалы Республиканской научной конф., г. Гродно, 28–29 апреля 2006 г. / под ред. Н.В. Сильченко. Гродно, 2006. С. 397–407.

6. Чучилин М.И. Прогрессивная система исполнения наказания в виде лишения свободы: история и перспективы развития. *Проблемы законности*. 2000. № 4. С. 202–207.

7. Про внесення змін до Кримінально-виконавчого кодексу України

щодо адаптації правового статусу засудженого до європейських стандартів : Закон України / Верховна Рада України. *Відомості Верховної Ради України*. 2014. № 23. Ст. 869.

8. Човган В.О. Довічне відбывання життя, або життя після смерті в Україні. URL: <http://khpg.org/index.php?id=1392728858>.

9. Беца О.В. Довічне ув'язнення, яким йому бути. *Пожизненное заключение. Международные стандарты и практика в Украине и за рубежом* / сост. А.П. Букалов. Донецк, 2001. С. 42–51.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабанов Алексей Николаевич – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kabanov Aleksey Nikolayevich – Postgraduate Student at the Department of Criminal Law Disciplines of the Faculty of Law of Kharkiv National Pedagogical University

Alexeykabanov07@gmail.com

UDC 347.736 (477)

ESTABLISHMENT OF THE BANKRUPTCY INSTITUTION IN UKRAINE

Valentina KOZYREVA,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Professor at the Department of Economic, Air and Space Law
of Educational and Research Institute
of Law National Aviation University

Larisa MILIMKO,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Economic Law and Process
of Educational and Scientific Legal Institute
of National University of the State Fiscal Service of Ukraine

SUMMARY

The article analyzes the formation of the institution of bankruptcy in Ukraine as an integral part of the market economy and competition. Considered the situation, according to which, bankruptcy cases are under the jurisdiction of economic courts and are considered by the mat the location of the debtor, which reflects the harmonization of legislation.

The attention is focused on the Code of Ukraine of bankruptcy procedures, which expanded the subjects of bankruptcy, identified short comings and changed the definition of the term "arbitration manager", the procedure for renewing solvency or declaring a private entrepreneur and an individual as bankrupt.

Key words: bankruptcy, insolvency, debtor, creditor.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В УКРАИНЕ

Валентина КОЗЫРЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры хозяйственного, воздушного и космического права Учебно-научного юридического института
Национального авиационного университета

Лариса МИЛИМКО,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры хозяйственного права и процесса
Учебно-научного правового института
Национального университета государственной фискальной службы Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ становления института банкротства в Украине как неотъемлемой части рыночной экономики и конкурентной борьбы. Рассмотрено положение, согласно которому дела о банкротстве подведомственны хозяйственным судам и рассматриваются ими по месту нахождения должника, которое свидетельствует о гармонизации законодательства. Сосредоточено внимание на Кодексе Украины по процедуре банкротства, которым расширены субъекты банкротства, установлены недостатки и изменено определение термина «арбитражный управляющий», определен порядок возобновления платежеспособности или признания банкротом физического лица-предпринимателя и физического лица.

Ключевые слова: банкротство, неплатежеспособность, должник, кредитор.

Formulation of the problem. Macroeconomic instability and the lack of work experience lead to the emergence and deepening of crisis phenomena in many enterprises. That is why, quite actual today, there is the problem of bankruptcy of business entities. Especially, the institution of bankruptcy serving as the main instrument of state regulation of the functioning of unprofitable and financially in solvent enterprises. The bankruptcy mechanism in Ukraine is still not perfect and requires a lot of research, first of all, in assessing the effectiveness of securing the with

draw al of insolvent business entities from the state of the crisis or their liquidation.

On October 18, 2018, the Verkhovna Rada of Ukraine adopted the Code of Bankruptcy Procedures in its second reading. This Code establishes the conditions and procedure for restoring the solvency of a debtor-legal entity or recognizing him as a bankrupter in order to satisfy the claims of creditors, as well as restoring the solvency of an individual. That is why it will be important to investigate what changes at the economic level will bring the Code of Bankruptcy.

The purpose of the article. The article deals with the formation of the bankruptcy institute in Ukraine since the adoption of the Law "On Bankruptcy" in 1992, with the latest changes in connection with the adoption of the Code of Bankruptcy Procedures on October 18, 2018.

Methods of research: methods of analysis, synthesis and synthesis are used.

The formation and development of the bankruptcy institute were researched by B. Grek, V. Mamutov, B. Polyakov, I. Pobirchenko, D. Pritika,

A. Cherper, Z. Shershova and others in the sphere of the development of legal and organizational principles of the bankruptcy institute in Ukraine. We have made the research of the legal basis of this institution, taking into consideration the new Code of Bankruptcy Procedures.

Main material. The most undesirable crisis situation in the big enterprises, and now for individual physical entrepreneurs is bankruptcy. By its nature, bankruptcy is an integral part of a market economy, the natural course of competition, as a result of which the weak enterprises leave this process, and the state receives economically strong, competitive business entities. A fairly common practice in the countries with a market economies is the introduction of bankruptcy as a mechanism for regulation and self-regulation of the economy, or, above all, compliance with obligations. The first normative act regulating the insolvency of economic entities was the Law of Ukraine "On Bankruptcy" of 14.05.1992. In some parts of it, this law was similar to law in the Russian Federation. The practice of reviewing bankruptcy cases by arbitration courts that were considered from 1992 to 1999 showed that the definition of "bankruptcy" had few disadvantages, which instigated an ambiguous understanding of the law. This was especially true for the definition of the legal and economic substance of the concept of "assets in a liquidation form" [3].

Hard with a content law applies only to subjects of entrepreneurial activity with the status of a legal entity. Cases were considered by the arbitral tribunal at the place where the debtor was located and were prompted by the creditor or debtor's application. If the application was filed by the lender, the case was violated in the presence of unconditional monetary claims, regardless of the size, provided that they were not repayable to the debtor's bank more than one month. The debtor, in addition to the mentioned, has the right to initiate bankruptcy proceeding seven in a connection with the threat of insolvency. As a rule, a property manager was assigned to the debtor's bank, and the applicant was obliged to attach a file of the bankruptcy proceedings to the official print agency. Other lenders submitted their applications within a month. Bankruptcy proceedings were stopped by approval of the terms

of the sanction or liquidation balance. Law of 1992 "On Bankruptcy" had many disadvantages, namely:

- it was of noticeable pro-creditor nature, aimed at paying debts of creditors;
- there was no reorganization procedure;
- no moratorium on satisfaction of creditors' claims was applied;
- no legally established initial amount of debt made it possible to launch a bankruptcy court mechanism in the presence of a debt of at least one penny, which did not contribute to stabilizing the economy of the state and ignoring its realities;
- the law did not correspond to the economic relations that were established in Ukraine at that time.

Significant changes were made to the "On Bankruptcy" Law. It was signed June 30, 1999 and got the title "On restoring the debtor's solvency or recognizing them as a bankrupt". This law became a pro-debtor. The conditions for initiating the bankruptcy procedure were established, a moratorium on satisfaction of creditors' claims was introduced, the subject of legal regulation was only a debt obligation (fines excluded) special procedures were introduced: rehabilitation, peace agreement, institute of arbitration manager [4].

Timely were the changes, according to which the bankruptcy proceedings were subordinated to commercial courts and were heard according to the actual location of the debtor, indicating the harmonization of legislation regulating economic activity in Ukraine. Regarding the subjective structure of bankruptcy, according to the 1992 Law the subjects of bankruptcy could only be legal entities registered in Ukraine as the subjects of entrepreneurial activity, including state-owned enterprises, enterprises with a state-owned shares in the authorized capital, consumer cooperatives and agricultural production cooperatives, enterprises with foreign investments, as well as enterprises whose objects were not subject to privatization in accordance with the current legislation [3]. Separate subdivisions of a legal entity – a business entity (branches, branches), agricultural servicing cooperatives, as well as foreign legal entities and international organizations with permanent establishments outside Ukraine [5, p. 97] could not be recognized as subjects of bankruptcy. It was also

significant that individual entrepreneurs could not be the subjects of bankruptcy. State-owned enterprises were excluded from the list of subjects of bankruptcy.

Law of 1999 significantly expanded the range of subjects of bankruptcy, including legal entities operating in the form of a consumer society, a charitable or other fund, especially dangerous enterprises, professional securities market participants, financial and credit institutions, insurers and individual entrepreneurs. However, since January 2013, a new version of the Law of Ukraine "On restoring the debtor's solvency or recognizing them as a bankrupt" became effective. It set the measures to prevent the insolvency of the debtor, expansion of powers of the arbitration manager, specificities of bankruptcy of business entities that have public and other value or special status, bankruptcy of state enterprises and enterprises in whose statutory capital the share of state property exceeds 50% [8]. The separate sections regulate the sale of property in the process of prosecution and proceedings on bankruptcy related to foreign proceedings. The law prohibits the possibility of bankruptcy of state-owned enterprises (Part 5 Article 2 of the Law), does not foresee the bankruptcy of banks and financial and credit institutions regulated by other legislation [15, p. 50].

The specificities of proceedings in bankruptcy cases for banks and financial and credit institutions are regulated by the Laws of Ukraine "On Banks and Banking", "On the System of Guaranteeing Individual Deposits". The new version of the Law with amendments and additions is one of the many conditions for a more effective economic development of Ukraine. Introduced by the Law, which became effective on January 19, 2013, a lot of novelties were introduced in the normative regulation of the of bankruptcy sphere, as indicated in the explanation of the Ministry of Justice of Ukraine from 06.04.2012. "Development of normative movement of regulation of relations in the sphere of bankruptcy in Ukraine".

First of all, it is foreseen to cancel the licensing of economic activities of arbitration managers (property managers, sanitation managers, liquidators), whereas arbitration managers will become subjects of independent professional activity [1].

The powers of the state body on bankruptcy issues have been revoked and, in particular, extracted from the court and can now be regarded as interference with the administration of justice. This applies to the provision of state bankruptcy authorities' proposals to the economic court for the appointment of arbitration managers for state-owned enterprises or enterprises in respect of which the case of bankruptcy was initiated and in which authorized capital share of state property exceeds 25%. In addition, those functions that concern only state-owned enterprises or enterprises in which authorized capital share of state property exceeds 25% in respect of which the bankruptcy case was initiated the Law does not take into account the constitutional principle of the principle of equality of ownership forms [15, p. 49].

In order to avoid corruption risks and to establish a unified approach to the appointment of an arbitrator in bankruptcy cases, regardless of the forms of ownership of the debtors, it was foreseen that the candidate for the exercise of the powers of the property manager is determined by the court independently with the use of an automated system from among the persons included in the Unified Register of Arbitrage Managers of Ukraine.

Another addition in the field of state regulation of bankruptcy relations was the regulation at the legislative level of the status and powers of the self-regulatory organization of arbitration managers, which is defined as an all – Ukrainian public organization uniting arbitration managers who have received their status in accordance with the requirements of the enactment of the Law, and exercise powers on public regulation of the activities of arbitration managers [15, p. 48]. Relying of a lawmaker to the self-regulatory organization of arbitration managers in the field of public regulation of the activities of arbitration managers – its members, as well as participation in the professional training of arbitration managers and improving their professional level, is aimed at raising the level of professional quality and the positive authority of arbitration managers.

What is more, a new, modern way of detecting all creditors and persons who have expressed a desire to participate in the debtor's rehabilitation, by

means of the official announcement of bankruptcy proceeding on the official web-site of the Higher Commercial Court of Ukraine on the Internet, provides for informing a wider circle of people, reduce the costs of conducting a bankruptcy case and, to a certain extent, will make it possible to avoid delaying such proceedings in contrast to the placement of such an announcement in print agencies newspaper "Voice of Ukraine" and "Governmental Courier". In addition to the aforementioned, the legislator reduced the terms of judicial procedures that apply to the debtor, regulated the sale of property in the proceedings on bankruptcy and other painful issues [12].

October 18, 2018 The Verkhovna Rada of Ukraine has adopted the Bankruptcy Code of Ukraine, which will go in effect 6 months after the date of its publication.

The Code eliminates disadvantages and changed the definition of the term "arbitration manager". According to the Code (Part 1, Clause 1), it is an individual who has received the relevant certificate and information that is included in the Unified Register of Arbitrage Managers of Ukraine. Unlike the current wording of the law, where the arbitral manager is an individual, appointed by the economic court in the established procedure in the case of bankruptcy as a property manager, reorganization manager or liquidator from among the persons who received the relevant certificate and entered into the Unified Register of Arbitration Managers (Managers property, sanitation managers, liquidators) of Ukraine [17]. The current definition of the term dissipates the false idea that an individual holding a certificate for the right to exercise the activities of the arbitration manager (property manager, reorganization manager, liquidator) is not an arbitration manager until he is appointed in the bankruptcy case.

In accordance with the Code (part 8, Article 12), the arbitration manager in the exercise of his authority has the right to directly access information about the debtor, his property, income, means, including confidential information contained in state databases and registers [17].

The order of appointment of the arbitration manager has changed. Yes, according to Article 28 of the Code, the court proposes three arbitral managers to

file an application for participation in the decision on acceptance of the application to initiate a bankruptcy proceeding. In the case when the application came from two to three arbitration managers selected by automated program, the court assigns the person who was selected the first to be the property manager/manager of the restructuring. In addition, the Code (Part 1, Article 30) increased the size of the main payment of the arbitration manager, established the concept of additional payments, as well as provides for mandatory advance payments by the creditor and the debtor (Part 2, Part 4, Article 34).

The third book of the Code regulates the procedure for bankruptcy of legal entities, including the procedure for filing a court application for initiating a bankruptcy proceeding, opening bankruptcy proceedings, the procedure for providing claims to creditors, etc., the process of disposition of the debtor's property, the rehabilitation procedure of the debtor and the liquidation procedure.

The new Code changes the timing of certain procedural actions, in particular, the procedure for disposing of the debtor's property is introduced and should last up to 115 days, but no longer than 170 days. The queues of satisfaction of creditors' claims in the liquidation procedure of the debtor, in particular, the 5th stage, in comparison with the previous law, are amended, the requirements of additional monetary payment to the manager of the rehabilitation or the liquidator are excluded. A separate section specifies the specificities of proceedings in bankruptcy cases of certain categories of debtors, in particular, insurers, farms, state enterprises, etc. (Section VII). It also regulates bankruptcy proceedings related to a foreign insolvency procedure (Section VIII) [16].

The fourth book of the Code establishes the procedure for restoring solvency or recognizing the bankruptcy of an entrepreneur and an individual. In accordance with Code 115, proceedings on insolvency of a debtor – an individual or an individual entrepreneur may be opened only after the application of the debtor. That is, the creditor will now be able to apply to the individual or the entrepreneur, as opposed to the legal entity. The new Code sets out the grounds for the debtor's request for bankruptcy:

1. The size of the debtor's overdue obligations towards the creditor (creditors) is not less than thirty non-taxable minimum incomes of citizens (at the same time, the previous law required the requirement of three hundred minimum wages).

2. The debtor has ceased repayment of loans or other plan payments in the amount of at least half the monthly payments for each loan and other obligations within two months.

3. A ruling has been passed in the enforcement proceedings concerning the absence of property from the physical person, which can be recovered.

4. There are other circumstances that confirm that in the near future the debtor will not be able to fulfill the monetary obligations or to carry out ordinary current payments (the threat of insolvency).

Section III of the of the Fourth Code book introduces a new plan for restructuring the debts – it establishes the post of restructuring manager, which is developed to restore the solvency of the debtor. According to Article 130 of the Code, the court decides to declare a debtor bankrupt and introduce a procedure for repayment of their debts in case within 120 days from the date of opening insolvency proceedings at a meeting of creditors no decision has been taken on approval of the debtor restructuring plan or a decision to switch to the procedure for repayment of claims debtor [16].

Conclusions. Consequently, the establishment of the bankruptcy institute in Ukraine takes place in difficult circumstances, which requires a more detailed study and revision of the tasks and functions of the bankruptcy institute. Definitely, the new Code of Ukraine on bankruptcy procedures, the insolvency procedure of the debtor or recognition of its bankruptcy in Ukraine is regulated more fully now than with the previous legislative act as it simplified access of the debtor to the bankruptcy procedure. At the same time, some issues remained unclear or settled in general terms, in particular, the grounds for the debtor's or creditor's appeal with a statement of bankruptcy of legal entities were not clearly defined, the deadline for the debtor's reorganization procedure not set, bankruptcy of banks not regulated, etc. The most important achievements of the Code from bankruptcy procedures is that: firstly, the assets of the debtors will

be sold through an online platform that will ensure transparency and the highest possible price of the alienated property. In addition, the level of responsibility of the management of the debtor-company increases because of unused measures to prevent bankruptcy. Also, the Code provides the opportunity to declare invalid the transactions of the debtor's property with related parties during the last three years preceding the opening of the bankruptcy procedure. In addition, lenders will be able to participate in the selection of the arbitration manager, who will have to report regularly to them on the financial condition of the debtor. Secondly, according to preliminary estimates, the adoption of the Code is expected to help Ukraine significantly improve its position in the World Bank's 'Doing Businesses' rating – in the overall score and on the "Solvency" indicator. At the same time, until the adoption of the Code, Ukraine has sometimes shown the worst results, for example, on the effectiveness of the bankruptcy procedure, its cost and duration. Thirdly, the Code improves the procedure for corporate bankruptcy. Due to its simplification, a bankrupt can be sold as a working business.

References:

1. Господарський процесуальний кодекс України: чинне законодавство зі змінами та доповненням станом на 15 січня 2018 р. Київ, 2018. 148 с.
2. Науково-практичний коментар Господарського-процесуального кодексу України / за ред. О. Харитонові. Київ : Істина, 2006. 272 с.
3. Про відновлення платоспроможності боржника або визнання його банкрутом: Закон України від 14 травня 1992 р. № 2343–XIII. *Відомості Верховної Ради України*. 1992. № 31. Ст. 440.
4. Про внесення змін до Закону України «Про банкрутство»: Закон від 30 червня 1999 р. № 784–XIV. URL: zakon1.rada.gov.ua.
5. Провнесення змін до Закону України «Про банкрутство»: Закон України від 30 червня 1999 р. № 784–XIV. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/784-14 (дата звернення: 05.12.2018).
6. Мельник О. Банкрутство як один зі способів протиправного перерозподілу та відчуження власності в Україні (рейдерство). *Боротьба з організова-*

ною злочинністю і корупцією (теорія і практика). 2013. № 3. С. 97–102.

7. Раковець К. Судово-економічні дослідження стосовно виявлення ознак фіктивного банкрутства підприємств. *Теорія та практика судової експертизи і криміналістики*. 2011. № 11. С. 622–626.

8. Яковлев О. Становлення та історичні етапи розвитку інституту банкрутства в Україні. *Університетські наукові записки*. 2010. № 2. С. 140–148.

9. Заярна Н., Мігальчич Р. Підходи регулювання банкрутства господарюючих суб'єктів з урахуванням вітчизняного та зарубіжного досвіду. *Інноваційна економіка*. 2013. № 1. С. 312–315.

10. Кришевич О., Рощина І. Доведення до банкрутства: кримінально-правовий аспект та розмежування з шахрайством. *Юридичний вісник. Повітряне і космічне право*. 2015. № 1. С. 143–147.

11. Брінь П., Бондаренко А. Аналіз сучасного стану інституту банкрутства України. *Вісник Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут»*. 2013. № 69 (1042). С. 155–161.

12. Шевчук О., Герасименко Л. Колізійні аспекти законодавства при банкрутстві підприємств. *Право України*. 2008. № 1. С. 59–62.

13. Державний комітет статистики України: офіційний сайт. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua>.

14. Doing Business 2018. A corpublication of The World Bank and the International Finance Corporation. URL: <http://www.doingbusiness.org/content/DoingBusinessAnnual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf> (Last Accessed: 05.12.2018).

15. Соболев Д. Еволюція механізмів інституту банкрутства: світовий досвід для України : дис. ... канд. екон. наук: 08.00.02. Київ, 2012. С. 41–44.

16. Козирева В., Сопілко І., Гаврилішин А. Правове регулювання банкрутства. Київ, 2014. 487 с.

17. Новели кодексу України з питань банкрутства. URL: <https://www.unn.com.ua/uk/blog/240-noveli-kodeksu-ukrayini-z-protsedur-bankrutstva> (дата звернення: 05.12.2018).

18. Проект Кодексу з процедур банкрутства. URL: <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2> (дата звернення: 05.12.2018).

INFORMATION ABOUT THE
AUTHORS

Kozyreva Valentina Petrovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Economic, Air and Space Law of Educational and Research Institute of Law National Aviation University;

Milimko Larisa Vasilyevna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economic Law and Process of Educational and Scientific Legal Institute of National University of the State Fiscal Service of Ukraine

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козырева Валентина Петровна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры хозяйственного, воздушного и космического права Учебно-научного юридического института Национального авиационного университета;

Милимко Лариса Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры хозяйственного права и процесса Учебно-научного правового института Национального университета государственной фискальной службы Украины

kozurevav@ukr.net;
larisa_milimko@ukr.net

УДК [342.95:342.7–053] (477)

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА В УКРАИНЕ

Наталья КОЛОМОЕЦ,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права и процесса факультета № 3
Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье детально рассмотрены основные (правовые и неправовые) формы деятельности субъектов административно-правовой защиты прав ребенка на Украине. В процессе исследования установлено, что ключевыми правовыми формами деятельности уполномоченных субъектов являются следующие: 1) издание административных актов; 2) осуществление юридически значимых действий; 3) заключение административных договоров. К неправовым формам отнесены различного рода действия, связанные с материально-техническим обеспечением деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также организационные действия, которые не влекут за собой никаких юридических последствий.

Ключевые слова: права детей, уполномоченные субъекты, правовые и неправовые формы, административный договор, акт государственного управления, юридически значимые действия.

BASIC FORMS OF ACTIVITY OF THE SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE PROTECTION OF CHILDREN RIGHTS IN UKRAINE

Natalia KOLOMOIETS,
Ph. D. in Law,
Associate Professor at the Department of Administrative Law and Procedure
of the Faculty № 3
of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The author of the article has studied in details the main (legal and non-legal) forms of activity of the subjects of administrative protection of children rights in Ukraine. In the course of the research, the author has established that the key legal forms of activity of authorized subjects are: 1) issuance of administrative acts; 2) implementation of legally significant actions; 3) conclusion of administrative contracts. Various types of actions related to the logistic and technical provision of state authorities and local self-government agencies' activities, as well as organizational actions that do not entail any legal consequences, were assigned to non-legal forms.

Key words: children rights, authorized subjects, legal and non-legal forms, administrative contract, public administration act, legally significant actions.

Постановка проблемы. Деятельность субъектов административно-правовой защиты прав ребенка выражается в соответствующих формах. Имеется в виду та ситуация, когда управленческая деятельность уполномоченных субъектов осуществляется и обеспечивается с помощью четко установленных мер воздействия. Однако внешнее выражение управленческой деятельности, которая применяется в отношении несовершеннолетних, может отличаться от общих стандартов.

Состояние исследования. Права ребенка и их защита органами государственной власти, общественными объединениями, международными организациями и т. п. неоднократно становились предметом исследования представителей педагогических, правовых, социологических, психологических наук. Интересными и чрезвычайно актуальными являются исследования В. Абрамова, А. Нечаева, Л. Мыськив, К. Левченко, А. Дакал, И. Цыбулиной, А. Вингловской и ряда

других, основные идеи которых будут использованы нами в статье.

Целью и задачей статьи является изучение основных форм деятельности органов публичной администрации в сфере защиты прав ребенка.

Изложение основного материала.

В «Большом толковом словаре украинского языка» под термином «форма» понимается способ существования содержания, то есть его внутренняя структура, организация и внешнее выражение [8, с. 1543]. В «Словаре иностранных слов» понятие «форма» определено как построение; система организации чего-либо [24, с. 548]. В «Советском энциклопедическом словаре» дано такое определение: «форма – внешний вид, внешнее очертание; устройство, структура чего-то, система организации» [25, с. 536]. В свою очередь, большинство юристов-теоретиков склонны трактовать термин «форма» как: объективное выражение сущности деятельности органов государственной власти и должностных лиц, которые выполняют публичные функции [1, с. 99]; тот или иной способ внешнего выражения управленческой деятельности [3, с. 306]; волеизъявление исполнительно-распорядительного органа, должностного лица, провозглашенное в рамках режима законности и компетенции для достижения административно-правовой цели [4, с. 54; 12, с. 199] и т. д. То есть формой является внешнее выражение или проявление управленческой деятельности субъекта властных полномочий.

Общепринятой, в зависимости от последствий, является классификация форм управленческой деятельности на правовые и неправовые. Правовые формы имеют четкую, последовательную правовую регламентацию и юридические последствия [14, с. 129]. Это дает возможность субъектам властных полномочий обеспечивать надлежащую реализацию своих полномочий и осуществлять контроль, а также выявлять недостатки, которые возникают в сфере правоприменения, и нивелировать их.

На доктринальном уровне Ю. Битяк классифицирует формы государственного управления следующим образом: 1) издание нормативных актов управления; 2) издание индивидуальных (ненормативных,

административных) актов управления; 3) проведение организационных мероприятий; 4) выполнение материально-технических операций [5, с. 135]. В теории государства и права основные придерживаются концепции, согласно которой правовая форма прежде всего включает правотворческую и правоприменительную деятельность [26, с. 153–154; 9, с. 124–124; 7, с. 17–25]. При этом общая регламентация форм управленческой деятельности не создает препятствий для свободного выбора таким органом той формы, которая в данной ситуации представляется наиболее целесообразной и эффективной. К неправовым формам, соответственно, относят организационные и воспитательные меры [27]. Таким образом, следует отметить, что правовые формы управленческой деятельности влекут за собой наступление юридических последствий, а неправовые таких последствий не имеют, они лишь способствуют реализации правовых форм.

Переходя к предметному исследованию, стоит отметить, что основными правовыми формами деятельности субъектов административно-правовой защиты прав ребенка, по нашему мнению, являются следующие: 1) издание административных актов; 2) выполнение юридически значимых действий; 3) заключение административных договоров.

Административным актом является подзаконное, официальное решение компетентного субъекта государственного управления, принятое в односторонне-властном порядке с соблюдением определенной процедуры и формы, влекущее юридические последствия [3, с. 313]. Существует множество подходов к классификации административных актов. Мы же в рамках нашей статьи остановимся на административных актах, классификация которых осуществляется в зависимости от юридической формы выражения. Это указы, постановления, распоряжения, приказы, предписания, протоколы, решения и т. п.

Министерство социальной политики Украины как центральный орган исполнительной власти, обеспечивающий формирование и реализацию государственной политики в сфере социальной защиты семьи и детей,

оздоровления и отдыха детей, усыновления и защиты прав детей, предотвращения насилия в семье, в лице соответствующего министра издает обязательные для выполнения центральными органами исполнительной власти, деятельность которых он направляет и координирует, приказы и поручения по вопросам, относящимся к компетенции таких органов. Примерами могут служить приказы министра социальной политики Украины «Об утверждении Государственного стандарта социального сопровождения семей (лиц), которые находятся в сложных жизненных обстоятельствах» [16], «Об утверждении Государственного стандарта социального сопровождения семей, в которых воспитываются дети-сироты и дети, лишенные родительской опеки» [17], «Об утверждении Порядка взаимодействия семьи и ребенка-сироты, ребенка, лишенного родительской опеки» [19], ряд других актов. Директор Департамента защиты прав детей и усыновления Минсоцполитики Украины в пределах своей компетенции выдает письменные и устные распоряжения, обязательные для выполнения работниками Департамента. Уполномоченный Верховного Совета Украины по правам человека формирует «конституционное представление Уполномоченного» и «представление Уполномоченного в органы государственной власти, органы местного самоуправления, объединения граждан, предприятия, учреждения, организации независимо от формы собственности и их должностным лицам» [23]. Местные государственные администрации и их главы, структурными подразделениями которых являются службы по делам детей, в рамках своих полномочий издают решения и распоряжения, а руководители структурных подразделений, например, начальники служб по делам детей, – приказы. Главы органов местного самоуправления в пределах своей компетенции издают приказы, решения и распоряжения.

Административно-правовой договор по своей сути является специфической формой государственного управления в определенной сфере общественных отношений. Согласно исследованиям К. Афанасьева, административный договор – это добровольное соглашение двух или более

субъектов административного права, один (или более) из которых наделен собственными или делегированными полномочиями в сфере государственного управления по поводу решения вопросов исполнительного или распорядительного характера, и которое заключено в форме правового акта, устанавливающего (прекращающего, изменяющего) их взаимные права, обязанности и ответственность [6, с. 89; 10, с. 278].

В юридической литературе можем встретить и другие трактовки административного договора. Так, в академическом курсе административного права административный договор определяется как соглашение, заключенное субъектами административного права на основании административно-правовых норм в общегосударственных и общественных интересах, правовой режим которого определяется содержанием властных полномочий, носителем которых является обязательно одна из сторон [2, с. 291; 10, с. 279]. Кодекс административного судопроизводства определяет административный договор как общий правовой акт субъектов властных полномочий или правовой акт с участием таких субъектов и других лиц, основанный на их волеизъявлении, который имеет форму договора, соглашения, протокола, меморандума и т. д. Он определяет взаимные права и обязанности его участников в публично-правовой сфере и заключается на основании закона для: а) разграничения компетенции или определения порядка взаимодействия между субъектами властных полномочий; б) делегирования публично-властных управленческих функций; в) перераспределения или объединения бюджетных средств в случаях, определенных законом; г) урегулирования вопросов предоставления административных услуг [11].

Примером того, что государство обеспечивает защиту прав ребенка посредством реализации данной формы государственного управления, является постоянная работа заинтересованных органов публичной администрации по подготовке предложений о присоединении Украины к международным договорам в области прав человека и ребенка, которые по своему содержанию следует считать административными договорами, поскольку

они соответствуют указанным выше признакам. Действующие международные договоры позволяют решать на межгосударственном уровне вопросы, связанные с правоотношениями родителей и детей, родительской ответственностью, опекой и аналогичными институтами, а также вопросы признания и исполнения судебных решений. Например, Министерство социальной политики Украины осуществляет международное сотрудничество, участвует в подготовке международных договоров Украины, готовит предложения по заключению или денонсации таких договоров, в пределах полномочий, предусмотренных законом, заключает международные договоры и обеспечивает выполнение обязательств Украины по международным договорам в вопросах, относящихся к компетенции Минсоцполитики [18].

Местные государственные администрации на международном уровне также уполномочены заключать договоры с иностранными партнерами о сотрудничестве в рамках защиты прав ребенка. На уровне региона они совместно с органами местного самоуправления также могут заключать ряд других административных договоров, создавать совместные органы и организации. Согласно п. 7 ст. 16 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине», органы местного самоуправления с учетом местных условий и особенностей могут перераспределять между собой на основании административных договоров отдельные полномочия в сфере защиты прав ребенка [21]. А территориальные общины сел, поселков, городов, районов в городах непосредственно или через органы местного самоуправления могут объединять на договорных началах на праве общей собственности объекты права коммунальной собственности, а также средства местных бюджетов для выполнения совместных проектов в сфере защиты прав ребенка или для совместного финансирования (содержания) коммунальных предприятий, учреждений и организаций, которые способствуют реализации основных прав, свобод и законных интересов ребёнка, создавать для этого соответствующие органы и службы. Также могут заключаться административные договоры между местными органами

исполнительной власти и органами местного самоуправления, с одной стороны, с субъектами, которые предоставляют социальные услуги, по условиям финансирования и требований к объему, порядку и качеству предоставления социальных услуг в сфере защиты прав ребенка, с другой стороны [22], и ряд других.

Осуществление юридически значимых действий является достаточно спорной и малоисследованной формой выражения управленческой деятельности. А. Бандурка к этой форме государственного управления относит преимущественно регистрационные действия [3, с. 310–311]; А. Мелихова, анализируя доктринальные и нормативно-правовые источники, к юридически значимым действиям отнесла учредительную, регистрационную, аттестационную, экспертную и юридическую деятельность уполномоченных субъектов публичной администрации [15, с. 115]; В. Колпаков, кроме регистрационных, к юридически значимым действиям также отнес принятие присяги, служебную аттестацию, составление протокола об административном правонарушении и т. д. [13]. То есть можем говорить о том, что юридически значимыми действиями являются действия властного или исполнительно-распорядительного характера субъектов публичной администрации, которые влекут юридические последствия и направлены на решение конкретных задач административного характера. Очень часто юридически значимые действия сопровождаются изданием акта государственного управления (преимущественно индивидуального).

Примером юридически значимых действий в рамках функционирования Министерства социальной политики Украины как центрального органа исполнительной власти, который обеспечивает реализацию государственной политики в сфере защиты прав ребенка, является то, что оно создает и ведет Государственный реестр детских заведений оздоровления и отдыха, способствует развитию сети дошкольных учреждений; организовывает в пределах полномочий проведение государственной аттестации детских заведений оздоровления и отдыха, оказывает им соот-

ветствующую методическую помощь; ведет Единый реестр получателей гуманитарной помощи; формирует, ликвидирует, реорганизовывает предприятия, учреждения и организации, которые способствуют защите прав ребенка и относятся к сфере управления Минсоцполитики, утверждает их положения (уставы), осуществляет в пределах полномочий, предусмотренных законом, координацию деятельности по выезду групп детей за границу на оздоровление и отдых, а также дает согласие на выезд групп, в состав которых входят дети из разных регионов Украины [18]. Другими примерами юридически значимых действий могут служить следующие: 1) принятие присяги Уполномоченного Верховного Совета Украины по правам человека; 2) на региональном и местном уровнях – различного рода учредительные действия, связанные с образованием служб по делам детей; 3) создание в регионах специализированных учреждений для жертв насилия в семье; 4) создание специальных учреждений и учреждений социальной защиты для детей; 5) образование целевых фондов, утверждение положений об этих фондах и т. д.

К неправовым формам государственного управления относятся формы, которые непосредственно юридического значения не имеют и не влекут возникновения административно-правовых отношений. Они либо предшествуют правовым формам, либо следуют за ними [3, с. 308]. Это различного рода материально-техническое обеспечение, любые организационные действия, которые не влекут за собой наступление юридических последствий. Примерами могут быть действия Минсоцполитики Украины относительно: 1) осуществления организационно-методического руководства структурными подразделениями местных госадминистраций по вопросам социальной защиты населения, по организации работы по предоставлению социальных услуг семьям (лицам), которые находятся в сложных жизненных обстоятельствах, лицам пожилого возраста, инвалидам, бездомным лицам и беспризорным детям, детям-сиротам и детям, лишенным родительской опеки, лицам из их числа, другим социально уязвимым слоям населения; 2) организации оздоров-

ления и отдыха детей; 3) обеспечения эффективного и целевого использования бюджетных средств; 4) координации и методологического обеспечения деятельности центральных и местных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления по социальной защите детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, лиц из их числа, а также обеспечения соблюдения требований законодательства относительно установления опеки и попечительства над детьми-сиротами и детьми, лишенными родительской опеки, их усыновления, применения других предусмотренных законодательством форм устройства детей; 5) обеспечения функционирования единой информационно-аналитической системы социальной защиты и социального обслуживания детей; 6) организации и координации работы по обеспечению жильем детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, лиц из их числа [18].

Службы по делам детей, в рамках предоставленной им компетенции, уполномочены реализовывать такие неправовые формы государственного управления: 1) вместе с соответствующими структурными подразделениями центральных и местных органов исполнительной власти, научными учреждениями организовывать и проводить социологические исследования, готовить статистические и информационные материалы о причинах и условиях совершения детьми правонарушений, изучать и распространять передовой международный опыт по вопросам социальной защиты детей, их прав и интересов; 2) оказывать организационную и методическую помощь приютам для детей, центрам социально-психологической реабилитации детей, социально-реабилитационным центрам (детским городкам), осуществлять непосредственный контроль за их деятельностью; 3) организовывать и проводить совместно с другими структурными подразделениями госадминистрации, уполномоченными подразделениями органов Национальной полиции мероприятия по социальной защите детей, выявлению причин, обуславливающих детскую безнадзорность и беспризорность, предупреждению совершения детьми правонарушений и др. [20].

Выводы. В ходе исследования мы установили, что субъекты административно-правовой защиты прав ребенка, в ходе реализации предоставленных им полномочий, используют правовые и неправовые формы управленческой деятельности. Основными правовыми формами являются следующие: 1) издание административных актов; 2) выполнение юридически значимых действий; 3) заключение административных договоров. К неправовым формам управленческой деятельности субъектов административно-правовой защиты прав ребенка отнесены различного рода действия, связанные с материально-техническим обеспечением, любые другие организационные действия, которые не влекут за собой юридических последствий.

Список использованной литературы:

1. Административное право: Общая и особенная части / под ред. А. Коренева. Москва, 1986. 487 с.
2. Адміністративне право України. Академічний курс : підручник : у 2 т. Т. 1. Загальна частина / ред. кол.: В. Авер'янов та ін. Київ, 2007. 584 с.
3. Адміністративне право України. Загальна частина. Академічний курс : підручник / за заг. ред. О. Бандурки. Харків, 2011. 584 с.
4. Адміністративне право України : навчальний посібник / за заг. ред. Т. Коломоєць, Г. Гулевської. Київ, 2007. 216 с.
5. Адміністративне право України : підручник / Ю. Битяк та ін. ; за заг. ред. Ю. Битяка, В. Гарашука, В. Зуй. Харків, 2010. 624 с.
6. Афанасьев К. Адміністративні договори: реалії та перспективи : монографія. Луганськ, 2004. 320 с.
7. Боголюбов С. Правотворческая и иные правовые формы деятельности Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов Верховных Советов Союзных Республик. *Правоведение*. 1973. № 4. С. 17–25.
8. Бусел В. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / за ред. В. Бусела. Київ ; Ірпінь, 2005. 1728 с.
9. Горшенев В. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. Москва, 1972. 258 с.

10. Загальне адміністративне право : підручник / І. Гриценко та ін. ; за заг. ред. І. Гриценка. Київ, 2015. 568 с.

11. Кодекс адміністративного судочинства: Закон України від 6 липня 2005 р. № 2747–IV. *База даних «Законодавство України»* / Верховна Рада України. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2747-15>.

12. Колпаков В., Кузьменко О. Адміністративне право України : підручник. Київ, 2003. 544 с.

13. Курс адміністративного права України : підручник / В. Колпаков та ін. ; за ред. В. Коваленка. Київ, 2012. 808 с.

14. Малков Д. Форми та методи міжнародного контролю: питання теорії. *Підприємництво, господарство і право*. 2009. № 4 (160). С. 129–132.

15. Меліхова О. Юридично значимі дії як правова форма публічного адміністрування у сфері юридичної науки в Україні: адміністративно-правова характеристика. *Вісник Запорізького національного університету*. 2011. № 4. С. 113–118.

16. Про затвердження Державного стандарту соціального супроводу сімей (осіб), які перебувають у складних життєвих обставинах: наказ Міністерства соціальної політики України від 31 березня 2016 р. № 318. *База даних «Законодавство України»* / Верховна Рада України. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0621-16>.

17. Про затвердження Державного стандарту соціального супроводу сімей, у яких виховуються діти-сироти і діти, позбавлені батьківського піклування: наказ Міністерства соціальної політики України від 11 серпня 2017 р. № 1307. *База даних «Законодавство України»* / Верховна Рада України. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z1089-17>.

18. Про затвердження Положення про Міністерство соціальної політики України: постанова Кабінету Міністрів України від 17 червня 2015 р. № 423. *База даних «Законодавство України»* / Верховна Рада України. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/423-2015-%D0%BF>.

19. Про затвердження Порядку взаємодобору сім'ї та дитини-сироти, дитини, позбавленої бать-

ківського піклування: наказ Міністерства соціальної політики України від 19 вересня 2017 р. № 1485. *База даних «Законодавство України»* / Верховна Рада України. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z1250-17>.

20. Про затвердження типових положень про службу у справах дітей: постанова Кабінету Міністрів України від 30 серпня 2007 р. № 1068. *База даних «Законодавство України»* / Верховна Рада України. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1068-2007-%D0%BF>.

21. Про місцеве самоврядування в Україні: закон України від 21 травня 1997 р. № 280/97-ВР. *База даних «Законодавство України»* / Верховна Рада України. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80>.

22. Про соціальні послуги: Закон України від 19 червня 2003 р. № 966–IV. *База даних «Законодавство України»* / Верховна Рада України. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/966-15>.

23. Про Уповноваженого Верховної Ради України з прав людини: закон України від 23 грудня 1997 р. № 776/97-ВР. *База даних «Законодавство України»* / Верховна Рада України. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/776/97-%D0%B2%D1%80>.

24. Словарь иностранных слов. 16 изд., испр. Москва, 1998. 624 с.

25. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. Прохоров. 2 изд., доп. Москва, 1983. 1600 с.

26. Тонков Е. Юридические (правовые) формы осуществления государственных функций: эволюция в условиях кризиса общественных отношений. *Научные ведомости*. 2010. № 14 (85). Вып. 13. С. 151–156.

27. Хальота А. Методи діяльності органів внутрішніх справ по забезпеченню реалізації прав людини. URL: <http://pravoznavec.com.ua/period/article/622/%D5#chapter>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коломоєц Наталия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедри адміністративного права и процесса факультета № 3 Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolomoiets Nataliia Vladimirovna – Ph. D. in Law, Associate Professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Faculty № 3 of Kharkiv National University of Internal Affairs

Nataliia1987kolomoiets@gmail.com

УДК 351.741:323.2

«ПОЛИЦИЯ ДИАЛОГА» И ЕЕ РОЛЬ В ПРОВЕДЕНИИ МИРНЫХ СОБРАНИЙ

Наталья ЛЕБЕДЕВА,
адъюнкт кафедры полицейского права
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Охарактеризован специальный отдел превентивной коммуникации МВД – полиция диалога. Данные группы коммуникаций постоянно будут осуществлять вербальную связь с участниками массовых мероприятий. Такой диалог усилит доверие к полиции. Подход «полиции диалога» способствует укреплению доверия между правоохранительными органами и гражданами. Определено, что конечная точка в работе «полиции диалога» – чтобы в обеспечении общественной безопасности во время массовых мероприятий главной была не демонстрация силы, а диалог, то есть общение с гражданами.

Ключевые слова: публичная безопасность, массовые мероприятия, полиция диалога, общения, коммуникация, доверие.

“DIALOGUE POLICE” AND ITS ROLE IN HOLDING PEACEFUL MEETINGS

Natalia LEBEDEVA,
Adjunct at the Department of Police Law
of National Academy Internal Affairs

SUMMARY

The special preventive communication department of the Ministry of Internal Affairs is characterized as a dialogue police. These communication groups will continuously carry out verbal communication with participants in mass events. Such a dialogue will increase trust in the police. The “police dialogue” approach fosters trust between law enforcement and citizens. It was determined that the ultimate point in the work of the “police dialogue” was to ensure that public security during mass events was not a demonstration of force, but a dialogue, that is, communication with citizens.

Key words: public safety, mass events, police dialogue, communication, intercourse, trust.

Постановка проблемы. Полиция играет чрезвычайно важную роль в содействии проведению собраний. Будучи наиболее заметным выражением государственной власти, она своими действиями должна демонстрировать приверженность государству соблюдению принципов верховенства права и защиты основных прав и свобод человека. Общение – это взаимодействие двух или более людей, которая направлена на согласование и объединение усилий с целью налаживания отношений и достижения общего результата. С развитием человечества, усилением интенсивности взаимодействия, ростом разнообразия социальных отношений все более актуальной, неотложной и постоянно необходимой в абсолютно практическом смысле становится потребность в диалоге [3, с. 13].

Состояние исследования. Изучению проблем, связанных с реализацией права на мирные собрания, посвящены труды таких ученых, как Ю.Г. Барабаш, А.Н. Колодий, Ю.Н. Лемишко, М.И. Логвиненко, Л.А. Нудненко, Н.В. Онищук, В.Ф. Погорилко, В.Н. Шаповал, Ю.С. Шемшученко и др.

Целью и задачей статьи является то, что «полиция диалога» должна организовывать эффективную коммуникацию между всеми участниками собраний. Все граждане имеют право собираться мирно, и полиция обязана способствовать реализации права на свободу собраний всех групп в обществе, для того чтобы каждый человек мог принимать участие в различных формах выражения мысли в публичных местах. Однако характер собрания или состав его участников может предусматривать присутствие некоторых людей, которым требуется особое внимание в ходе осуществления ими фундаментального права на мирные собрания.

Изложение основного материала. Законом Украины «О Национальной полиции», который вступил в законную силу в ноябре 2015 г., предусмотрено, что уровень доверия населения к полиции является основным критерием оценки эффективности деятельности органов и подразделений полиции (ч. 3 ст. 11 Закона). Однако для того, чтобы эта норма заработала, правительство должно принять соответству-

ющее постановление о методологии оценки [1].

Органы правопорядка давно критикуют за нежелание вести коммуникацию с организаторами и участниками собраний вследствие распространенности полицейской тактики эскалации насилия. События Революции Достоинства явно продемонстрировали слабость этой тактики и негативные последствия ее применения. Поэтому МВД Украины и Национальная полиция Украина ищут другие методы и тактики. Одной из них является распространенная, в частности в Европе и США, практика активного и неконфликтного взаимодействия между протестующими и отдельными специально обученными правоохранителями. 2017 г. отличился попыткой введения практики деятельности переговорных групп в полиции – в украинских источниках они упоминаются как полиция диалога, группы превентивной коммуникации, антиконфликтные группы. Такие группы были введены в соответствии с поручением Национальной полиции Украины от 31 июля 2017 г. № 8246/01/20-2017 [2, с. 101].

С развитием человечества, усилением интенсивности взаимодействия, ростом разнообразия социальных отношений все более актуальной, неотложной и постоянно необходимой в абсолютном практическом смысле является потребность в диалоге [3, с. 13]. С точки зрения современной науки, диалог – это: 1) разговор, ряд высказываний двух или более лиц на определенную тему; 2) в переносном смысле – свободный обмен мнениями, переговоры; обмен идеями или точками зрения по специфическому предмету с целью достижения понимания [3, с. 14].

Полицейские новосозданного подразделения не носят ни оружия, ни специальных средств. На них возложены полномочия способствовать проведению массовых мероприятий, защищать право граждан на свободу мирных собраний, поддерживать постоянный диалог с участниками, предотвращать возможные конфронтации и способствовать их деэскалации. Проект реализуется при поддержке Консультативной миссии Европейского Союза в подражание «Скандинавской модели». Надлежащая имплементация подхода позволит демилитаризовать охрану публичного порядка: заменить методы на более гибкую модель в обеспечении безопасности мирных собраний [2, с. 148].

Право граждан на свободу мирных собраний в Украине гарантируется и защищено государством. Реализация права на мирные собрания в Украине регулируется актами национального и международного законодательства.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ратифицирована Законом Украины от 17.07.1997 г. № 475/97-ВР) гарантирует каждому лицу, среди других прав и свобод, право на свободу собраний и объединений. В соответствии со ст. 11 Конвенции каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими лицами, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной или общественной безопасности, для предотвращения беспорядков или

преступлений, охраны здоровья/нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Эта статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства [4]. Следует напомнить, что собрание считается мирным, если его организаторы имеют мирные намерения. Понятие «мирные» включает также поведение, которое оскорбляет или раздражает лиц, не согласных с идеями или заявлениями, что поддерживаются собранием, или даже поведение, направленное на сознательное создание препятствий для третьих лиц.

Вообще действующее законодательство, регулирующее само проведение мирных собраний и вообще права граждан и всех лиц выражать свою позицию, регулируется, в первую очередь, Конституцией Украины. Основным законом государства, а именно ст. 39 Конституции Украины, установлен порядок проведения собраний, шествий, митингов и демонстраций: Граждане имеют право собираться мирно, без оружия, проводить походы и демонстрации, о проведении которых заблаговременно уведомляются органы исполнительной власти или органы местного самоуправления.

Ограничение относительно реализации этого права может устанавливаться судом в соответствии с законом и только в интересах национальной безопасности и публичного порядка – с целью предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья населения или защиты прав и свобод других людей. Такое право является одной из конституционных гарантий прав граждан на свободу мировоззрения и вероисповедания, мысли и слова, свободное выражение своих взглядов и убеждений, использование и распространение информации, в целом на свободное развитие своей личности. Таким образом, при реализации права на мирные собрания должны учитываться интересы национальной безопасности и публичного порядка, не должно быть посягательств на права и свободы, честь и достоинство других людей, поскольку согласно ст. 68 Основного Закона Украины каждый обязан неуклонно соблюдать Конституцию и законы Украины. Таким

образом, порядок проведения собраний граждан должен регулироваться соответствующим законом. Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека позволяет устанавливать в национальном законодательстве ограничения на проведение массовых мероприятий иностранцами и лицами без гражданства, а также предусматривать специальный порядок осуществления собраний гражданами государства. Ответственность за нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных походов и демонстраций установлена в ст. 185-1 Кодекса Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП). За создание условий для организации и проведения с нарушением установленного порядка собраний, митингов, уличных походов или демонстраций ответственность определена в ст. 185-2 КУоАП. Незаконное воспрепятствование организации или проведению собраний, митингов, уличных походов и демонстраций наказывается согласно ст. 340 Уголовного Кодекса Украины [5].

Как справедливо отмечается в проекте закона Украины, а именно в ст. 14 «О порядке организации и проведения мирных мероприятий» № 0918 от 12.12.2012 г., получив сообщение органа исполнительной власти или органа местного самоуправления о проведении мирного мероприятия, руководитель органа полиции, на территории которого планируется проведение мирного мероприятия, принимает необходимые меры для обеспечения публичной безопасности и порядка во время его проведения. Уполномоченный представитель органа полиции имеет право требовать от организаторов (организатора) мирного мероприятия соблюдения установленного порядка его организации и проведения, выведения из места проведения мирного мероприятия лиц, не выполняющих законные требования его организаторов (организатора), будучи обязанным содействовать в пределах своей компетенции проведению мирной акции с соблюдением установленных законодательством требований, обеспечивать вместе с организаторами (организатором) мирного мероприятия и уполномоченным представителем органа исполнительной власти

или органа местного самоуправления публичный порядок и безопасность людей, а также соблюдение законности при его проведении [6].

Группы коммуникаций постоянно осуществляют вербальною связь с участниками мероприятий. Они не проводят личный досмотр граждан, а просто общаются и объясняют необходимость соблюдения порядка. Такой диалог усилит доверие к полиции.

«Конечная точка в работе «полиции диалога» – чтобы в обеспечении публичной безопасности во время массовых мероприятий главной была не демонстрация силы, а диалог. Наша задача – сближение граждан, участников массовых мероприятий и ведения диалога. Главный инструмент – слово, а не сила. Например, когда происходит двустороннее мероприятие, полицейские-переговорщики должны организовать эффективную коммуникацию между всеми участниками. Мы должны договариваться о недопущении провокаций и эскалации конфликта еще на подготовительном этапе», – подчеркнул А. Фацевич. Он отметил, что идея таких подразделений была эффективно воплощена в Киеве и Одессе. По его словам, именно здесь происходит наибольшее количество массовых мероприятий с большим количеством участников. В то же время по положительному опыту этих городов подразделения «полиции диалога» зарекомендовали себя в шести регионах. Всего специальную подготовку прошло более тысячи полицейских. «В демократическом государстве работа полиции – не контролировать демонстрацию или массовое мероприятие, а помочь людям выразить свое мнение. То есть воспользоваться их конституционным правом. И полиция должна это обеспечить. Подход «полиции диалога» способствует укреплению доверия между правоохранителями и гражданами» [7].

Также «полиция диалога» тренируется обеспечивать правопорядок и безопасность граждан во время проведения выборов. Именно поэтому на учебной базе Национального университета внутренних дел подразделения полиции и Национальной гвардии отработали условный сценарий – когда группа агрессивных молодых участников пытается захватить избирательный участок. Первоначально с нару-

шителями работает полиция диалога, но когда «митингующие» начинают штурмовать здание, избирательный участок защищают бойцы тактико-оперативного подразделения патрульной полиции. Кроме того, во время учений отработываются различные сценарии чрезвычайных событий избирательной специфики. Кроме захвата и столкновений на участках, еще и повреждение документации, распыление вредного вещества и т. п. [8].

«Группы коммуникации» привлекаются исключительно на массовые мероприятия – митинги, марши, празднование. В остальные дни полицейские диалога работают как обычном режиме. В планах Национальной полиции – распространять приобретенный опыт чехов и среди других украинских полицейских. Ведь уметь толерантно и грамотно говорить – этот навык должен иметь каждый работник полиции [9].

Также начался тренинг Консультативного миссии Европейского Союза в Украине по вопросам обеспечения публичного порядка. Данный тренинг проводят для руководящего состава Национальной полиции Украины, исходя из международного опыта. Курс предусматривает подготовку командиров трех уровней: стратегического (соответствует европейскому «золотому»), операционного («серебряного») и тактического («бронзового»). Тренинг проводится с целью обучения личного состава Национальной полиции Украины по предотвращению кризисных ситуаций и предупреждению конфликтов между участниками мероприятий, а также между ними и правоохранителями. Главным принципом скандинавского подхода является так называемое «содействие», то есть роль полиции заключается в том, чтобы гарантировать защиту прав участников мирного собрания, а не ограничивать их права. Приказом МВД Украины утверждена Концепция внедрения в деятельность органов и подразделений Национальной полиции Украины скандинавской модели обеспечения публичной безопасности и порядка при проведении массовых мероприятий. Новый подход в обеспечении публичного порядка может стать важным шагом на пути к полному обновлению методов полицейской работы в Украине, благодаря которому массовые

мероприятия будут рассматриваться как право людей, которое надо защищать, а не как угроза, которой следует бояться [10].

Также следует отметить, что сейчас в Украине формы обеспечения Национальной полицией публичной безопасности и порядка находятся на стадии развития и усовершенствования. Так, к примеру, во Львове в рамках реализации пилотного проекта Национальной полиции Украины для внедрения европейских стандартов в сфере обеспечения публичного порядка во время массовых акций и собраний была создана группа коммуникации (переговорщиков). Такие полицейские группы работают во многих странах Европы и являются очень эффективными в плане создания успешного диалога между полицией и гражданами по предотвращению столкновений во время массовых мероприятий, что сейчас очень актуально.

В частности, как объясняют в полиции, на переговорщиков возложены обязанности постоянного мониторинга оперативной обстановки на территории области, в частности, сбора информации о запланированных мероприятиях, оценки степени риска (обычный или повышенный), а также взаимодействие с организаторами массовых мероприятий. При этом идея, лежащая в основе работы групп коммуникации, базируется на том, что во время массовых мероприятий сотрудники полиции поддерживают контакт с людьми, объясняя им права и обязанности участников массового мероприятия. Таким образом, полицейские устанавливают диалог с гражданами, что в значительной мере снижает риск эскалации насилия и провокационных действий в толпе. Если противостояние все же случается, то полицейские-переговорщики оперативно реагируют на него, чтобы не допустить нарушений публичного порядка и столкновений [11].

С аналогичной целью – становление и развитие диалога как средства предупреждения насилия – Консультативная Миссия Европейского Союза в Украине совместно с чешской полицией провели тренинг по использованию переговоров в обеспечении публичного порядка в Днестре. В марте 2017 г. полицейские из Днестра и области завершили четырехдневный тре-

нинг по использованию переговоров в обеспечении общественного порядка, организованный экспертами Консультативной миссии и чешской полицией. Тренинги, которые уже были проведены в Харькове, Хмельницком и Львове, были сосредоточены на организации работы антиконфликтной команды внутри полиции, психологии толпы и тематических исследованиях по методам управления толпой [12]. Стоит обратить особое внимание на то, что метод применения переговоров при охране правопорядка было разработано более десяти лет назад в Германии и Швеции, он сейчас широко применяется в странах Европейского Союза как эффективное средство уменьшения потенциального насилия во время большого скопления людей, например, во время демонстраций или футбольных матчей. Идея, которая лежит в основе метода, базируется на том, что в демократическом обществе роль полиции заключается в том, чтобы защищать права граждан на свободное собрание. Сотрудники полиции патрулируют небольшими группами в толпе и для лучшей видимости одеты в желтые жилеты вместо обычной формы. Они поддерживают контакт с людьми, объясняя права и обязанности участников массового мероприятия. Устанавливая диалог с гражданами во время больших собраний, сотрудники полиции значительно уменьшают риск эскалации насилия и предотвращают конфронтацию. То есть это очень полезный инструмент демократизации подхода к обеспечению публичного порядка, который заключается и в том, что использование переговоров в обеспечении публичного порядка начинается с предположения, что цель полиции – обеспечить мирное проведение таких мероприятий, как демонстрации. В то же время метод применения переговоров при охране правопорядка не нивелирует традиционных методов управления толпой. Если насилие все же случается, то сотрудники полиции реагируют на него мгновенно [12].

Выводы. Полиция должна осуществлять активную коммуникацию с целью налаживания отношений с участниками собраний и создания основы для предотвращения будущих конфликтов. Коммуникация должна происходить на всех этапах и это осо-

бенно важно в периоды роста напряженности. В случае необходимости наложения ограничения на проведение собраний следует проинформировать людей о причинах такого решения (во избежание недоразумений). Следовательно, важно, чтобы все сотрудники полиции могли осуществлять коммуникацию с участниками собрания и другими гражданами и информировать их о намерениях полиции по поводу собрания.

Список использованной литературы:

1. Про Національну поліцію : Закон України від 20.08.2015 р. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/580-19> (дата звернення 25.01.2019 р.).
2. Права людини в діяльності української поліції – 2016. Науково-практичне видання / Упоряд. та ред. Крапивін Є.О. Київ : Софія-А, 2017 р. 304 с.
3. Петрос О.М. Соціальний діалог у державному управлінні: європейський досвід та українські реалії: монографія. Київ : НАДУ, 2012. 304 с. URL: <http://academy.gov.ua/NMKD/library/nadu/Monografy/c2531d17-cb68-4643-a38d-6947ca1569d7.pdf> (дата звернення 27.01.2019 р.).
4. Конвенція про захист прав людини та основоположних свобод (Конвенцію ратифіковано Законом № 475/97-ВР від 17.07.1997). URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/ru/995_004 (дата звернення 27.01.2019 р.).
5. Конституція України від 26.06.1996 р. Науково-практичний коментар. URL: <https://coollib.com/b/340418/read> (дата звернення 26.01.2019 р.).
6. Проект Закону України «Про порядок організації і проведення мирних заходів» № 0918 від 12.12.2012р. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=44969 (дата звернення 26.01.2019 р.).
7. Основний концепт роботи «поліції діалогу» – комунікація та зменшення демонстрацій сили під час масових заходів – Олександр Фацевич (фото). URL: http://mvs.gov.ua/news/16552_Osnovniy_koncept_roboti_policii_dialogu_komunikaciya_ta_zmenschennya_demonstracii_sili_pid_chas_masovih_zahodiv

chas_masovih_zahodiv__Oleksandr_Facevich_FOTO.htm (дата звернення 25.01.2019 р.).

8. Яровий С. Підрозділи МВС тренуються забезпечувати публічну безпеку під час виборів (ФОТО). URL: http://mvs.gov.ua/ua/news/17029_Sergiy_Yaroviy_Pidrozdili_MVS_trenuyutsya_zabezpechuvati_publichnu_bezpeku_pid_chas_viboriv_FOTO.htm (дата звернення 26.01.2019 р.).

9. Без зброї та з підвішеним язиком: для чого в Україні формують «поліцію діалогу». URL: <https://www.5.ua/suspilstvo/bez-zbroi-ta-z-pidvishenim-iazikom-dlia-choho-v-ukraini-formuiut-politsiiu-dialohu-145580.html> (дата звернення 26.01.2019 р.).

10. У НАВС проходить тренінг КМСС з питань забезпечення публічного порядку. URL: <https://ukraine-inform.com/news-suspilstvo-events/21256-unavs-prohodit-trenng-km-s-z-pitan-zabezpechennya-publchnogo-poryadku.html> (дата звернення 27.01.2019 р.).

11. 10 поліціантів будуть «перемовниками» під час масових акцій на Львівщині. URL: <https://dailyviv.com/news/sytuatsiyyi-i-pryhody/10-politsiyantiv-budut-peremovnykamypid-chas-masovykh-aktsii-nalvivshchyni-42764> (дата звернення 27.01.2019 р.).

12. Діалог як засіб попередження насильства – КМСС та чеська поліція провела тренінг із використання переговорів у забезпеченні громадського порядку у Дніпрі. URL: <http://www.euam-ukraine.eu/ua/news/latest-news/dialog-yak-zasib-poperedzhennya-nasilstva-kmyesta-cheska-politsiya-provela-trening-z-vikoristannya-peregovoriv-u-zabezpechenni-gromadskogo-poryadku-udnipri/> (дата звернення 27.01.2019 р.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедева Наталья Васильевна – адъютант кафедры полицейского права Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lebedeva Natalia Vasilievna – Adjunct at the Departments of Police Law of National Academy Internal Affairs

lebedeva1992natasha1992@gmail.com

UDC 340.12

INTERACTION OF HUMAN CONSUMPTION, HUMAN RIGHTS AND POSITIVE RIGHTS: THE CURRENT PERIOD

Anna NAKONECHNAYA,
Assistant at the Department of Theory and Philosophy of Law
of Ivan Franko National University of Lviv

SUMMARY

In this article there are displayed the scientific researches of the second half of 20th – beginning of 21-th century of the problem of interinfluence of human rights, their needs and positive law. It is stressed that the latest social and legal philosophy develops under the sign of crisis of classical rationalism, which reflected on the research of given issue. Need, anthroposocial approaches to the understanding of given issues are shown.

According to the required approach, the essence of social phenomenon is in those useful their sides, which can be used by the individual and society to meet their needs.

According to anthroposocial approach, law can be defined as a natural way to distribute by the society the human-made socially useful product into two unequal parts, designed to meet individual's private and public needs.

Key words: human needs, human rights, positive law, need approach, anthroposocial approach.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ, ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЗИТИВНОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Анна НАКОНЕЧНАЯ,
ассистент кафедры теории и философии права
Львовского национального университета имени Ивана Франко

АННОТАЦИЯ

В статье отражены научные исследования второй половины XX – начала XXI века проблемы взаимовлияния прав человека, его потребностей и позитивного права. Отмечено, что новая социальная и правовая философия развивается под знаком кризиса классического рационализма, который отразился и на изучении этой проблемы. Показаны потребностный, антропосоциальный подходы к пониманию такой проблематики.

Согласно потребностному подходу, сущностью социальных явлений являются те полезные их стороны, которые могут быть использованы человеком и обществом для удовлетворения их потребностей.

Согласно антропосоциальному подходу, право можно определить как естественный способ распределения социумом изготовленного человеком общественно-полезного продукта на две неравные части, предназначенные для удовлетворения его частных и публичных потребностей.

Ключевые слова: человеческие потребности, права человека, позитивное право, потребностный подход, антропосоциальный подход.

Problem setting and the topicality of the researched subject is conditioned by the fact that the mutual influence of the human needs, human rights and positive right are an integral part of human life. They determine the rhythm of human life and society in general. Therefore, it is no wonder that this issue has long been of interest for different thinkers.

The research status. Different philosophers and legislators of antiquity (Plato, Aristotle), of Middle Ages (Saint Augustine, Thomas Aquinas) and modern ages (F. Bacon, Diderot, P. Holbach, I. Kant, G.W.F. Hegel, J. Bentham, J.St. Mill, F. Engels, R. Jhering, R. Pound) anyway expressed their opinion with regard to the issue.

As it was mentioned above, the new social legal philosophy develops under the condition of the crisis of classical

rationalism which also impacted the studying of the mutual influence between human rights, needs and positive rights.

Starting from the second half of the XX century and to this day, the problem was actively perceived, in particular, in the Ukrainian and Russian literature (psychological and philosophical). The publications which appeared during the last years demonstrate immense diversity of views as to the above-mentioned problematic. The similar views as to these issues are also considered.

The article objective and task is to analyze the scholarly researches of the second half of the XX – early XXI centuries of the issue of mutual influence of the human rights, needs and positive rights.

Presentation of key material. In the national literature P. Rabinovich

was the first who introduced the term of “the need-oriented approach” into the scientific use, gradually specifying and applying it to the determination of the essence of legal awareness [1, p. 8–13].

The need-oriented approach postulates the idea that the essence of the social phenomena is constituted by their useful features which can be used by the human and society for satisfaction of their needs. Thus, the very legal awareness is not defined by the author as the reflection of such features of the “legal phenomena” in human conscience which are useful for the satisfaction of the need of human or society.

The realization of the need-oriented approach for the understanding of essence of the legal phenomena requires the following actions: 1) it is necessary to perceive

the general understanding of the needs of different subjects of the society, which requires, in particular, the clarification of the correlation of these needs with such allied phenomena as interests, motives, goals of the corresponding subjects; 2) it is necessary to single out the key types of such needs, with regard to their certain classification; 3) the profound knowledge should be gained with regard to the needs: a) generally social; b) group; c) individual in the society where the researched legal phenomenon was formed, operates and develops; 4) the following should be determined: a) the needs of what subjects (i.e. whose needs – either of separate individuals or of their certain communities, associations of society in general) are satisfied by the researched phenomenon; b) what types of such needs are satisfied; 5) it should be clarified whether the researched legal phenomenon is able to be the tool of certain needs satisfaction, and if it is, to what extent. In particular, it should be clarified, whether it is only one of such tools or the one and only.

Using such approach, P. Rabinovych suggested the definition of human rights as certain possibilities of human being necessary for the satisfaction of the needs of the human existence and development under certain historical conditions, are objectively conditioned by the achieved level of the social development and are insured by the obligations of the other subjects [2, p. 18]. It means that these possibilities are necessary to act certain way to refrain from the actions in the society to satisfy the individual needs. In this respect the human rights mediate the satisfaction of the needs of their bearer according to the level of the development, for instance of the society in which these needs have been formed and in which the individual intends to satisfy them.

According to R. Havryliuk, modern right as the anthroposocial phenomenon is based on the freedom of the will expression of the individual, the way of his/her normative existence in the society with regard to the satisfaction of his personal and social needs [3, p. 747].

According to her, the dualistic human nature (combination of the biological and social, individual and public) defined the dual nature of human needs as of the social phenomenon: individual and public needs. Therefore, the right of the individual is distributive by its

nature – with its help the human-generated product is subdivided into two almost unequal parts: one of them is aimed at the satisfaction of personal needs of individual, and the second one – at the satisfaction of his/her public needs, coinciding with the needs of other individuals. Thus, as she stresses, from the point of view of the anthroposocial approach, the right can be defined as the natural way of the socially-useful product distribution by the society into two unequal parts, aimed at the satisfaction of his/her personal and public needs [3, p. 751–752].

Ye. Romaniuk is the representative of the anthroposocial approach to the cognition of the positive right. According to this underlying postulate, the right is human right and is certain segment of the way of human coexistence with others which is aimed at the insurance of public needs and of the needs of all of other members of the society in general [4, p.8].

O. Tseliev, the author of one of the chapters of manuals issued in 2015 “General theory of law” states that like during the ancient times the needs of the regulation of values formed in the society, the regulation of the relations between people conditioned the appearance of corresponding legal norms, during the later periods the necessity of the safe, stable, predicted human existence, insurance of the growing needs facilitated the creation of the new governmental forms, protection of the social relations perceived by the society as useful, desirable, fair and lawful ones [5, p. 104].

The needs-oriented problematic attracted interest of the Russian literature as well. Thus, for instance, the Russian sociologist A. Zdravosmyslov defined the politico-legal nature of the needs and interests of the free individual, which is constituted by the maintenance of the optimal balance in the relations between the personality and public government which conducts the law-forming activity [6, p. 13–14].

M. Taratkevich stated that human needs, in contrast to the animals’ needs are not programmed in the genetic code, but are formed during the life under the influence of the social environment, the relations in which are regulated by the law [7, p. 13].

H. Chernobel assumed that the central functional content of the law as the norma-

tive regulator is in its definition of being the measuring unit of the social welfare [8, p. 84].

The stated problem was sometimes considered in the Russian legal sciences, namely, in civil ones. Thus, N. Barinov arrived at the conclusion that the construction of the material needs allows analyzing the problem of the public needs satisfaction from the broader respect, and not only through the prism of the material relations which are the subject of the civil law; and therefore, the category of needs should be considered at the level of the general theory of law as one of the elements of the mechanism of legal norms [9, p. 98].

This problematic was researched also by the Western specialists. The humanitarian sciences of the non-CIS countries states that in the developed countries the new society has formed, somewhat different from the industrial society of the early XX century: the admiss society. It is based on the democratic forms of the solution of the acute social and political problems, on the mass employment of the society, satisfactory labor payment and reliable system of the social protection of population. Some foreign social scientists stated that such peculiarities of the modern society which were mostly insured through the positive legal regulation, reflected the general needs of its members.

The Canadian and American economist J. Galbraith was an outstanding representative of such views [10, p. 18, 41], and in his works he showed that the social development leads to the depersonalization of the social needs, where the needs of individuals are formed. Moreover, the aspiration to establish the control over the markets leads to the appearance of the forms of impact upon the consumer and formation of his needs according to the production demands. It is impossible to define, according to him, who and for what interests impacts the formation of human needs. The appearance is created that the needs are formed not by the people, but by the social processes, and, therefore, the conditions are possible under which not only the strange human needs will be formed but also the ones which may have harmful impact on human life, health and, eventually, may lead to the destruction of human society. According to his theory, the interaction of the positive right and the needs was about the extended national impact on the social processes to

achieve the crisis-free and stable development of the production, i.e. for the satisfaction of the production needs under the mediation of the norms of positive rights.

The Norwegian sociologist J. Galtung in the chapter Human Rights and Human Needs of his book [11] described the author's views as to the general connection between the human rights and human needs.

He arrived at the conclusion that under the current conditions there are the needs which have the analogues of the rights as well as the needs which do not have such analogues, which leads to the idea of extending the concept of human rights; there are the rights which do not have the analogues of the needs which leads to the idea of certain cultural and class-specific directions on which the creation of human rights is based. He also stated that one identified need may be satisfied (fully or partially) through the implementation of several rights; one right may be the tool for the implementation of several needs [11, p. 70].

In the national literature [12, p. 112–125] the doctrine of the integral human rights is defined; the representatives of it provide the grounding of the human rights on the basis of the paradigm of egalitarianism and fairness; this doctrine is based on the explanation of all human rights as the moral human rights. According to it, the key human needs which ensure its existence as the human being shall be subject to the necessary protection. The basic nature of these human needs conditions the fact that on the basis of this the right appears to at least certain minimum of the human needs satisfaction, in other words, the right to the right [12, p. 117].

According to the anthroposociocultural theory of the legal understanding, from the point of view of the paradigm of the transcendental exchange of benefits between the people, it is conditioned by two attributive conditions of the human works possibilities, mainly: 1) existentially constructed attributive human aspiration at the uninterrupted realization of the personal autonomous nature; 2) communicative solidarity. Perpetuum mobile of such constant human aspiration are their needs for benefits and life necessity of their satisfaction.

O. Goffe, R. Ferber and A. Maslow are the outstanding representatives of this

theory. Thus, O. Goffe states that even with the reference to the transcendental needs the task for the right legitimization may not be fulfilled to the full. According to him, it is necessary to show that there are the subjective requirements, in other words, the subjective needs of acknowledging the corresponding interests of others. Although human being, as he believes, is the potentially social being by nature, the human being should create itself as such, activate the hidden potential social features, because the society emerges only with the mutual acknowledgement of one by the other. In this mission the human rights have their own irreplaceable role: before self-affirmation the human being shall take care of the fundamental conditions of human life. "The anger and characteristic passion, – O. Goffe says, – which accompanies the protest against the human rights violation, is fair because, first of all, the inborn interests are met, the acknowledgement of which, secondly, has the nature of the demand". And here a question appears: "on the basis of what can I demand the acknowledgement of my indisputable interests by the others?" The answer to this question is viewed by O. Goffe in the correlation, i.e. the action which may take place only on condition of action in response to something: the human rights may be legitimized on the basis of reciprocity, i.e. the exchange [12, p. 119–120].

According to R. Ferber's concept, the procedures of grounding the fundamental practical principles (of the fundamental norms) should include one more exclusively important aspect: "direct or indirect consideration of the life needs of the other people" [12, p. 118].

Maslow called these needs the real human needs (without their satisfaction the human being as such is impossible in principle, let alone the human being as a personality). Since personal needs of the individual influence it as a natural necessity, therefore, the human being cannot but take them into account. That was the symbolic exchange between the individual freedoms and his benefits [13, p. 38].

Conclusions. The following conclusions may be drawn from the above:

1. All theories of needs and their correlation with the positive rights and human rights of the second half of the XX century and these days come down to the fact

that the needs connect the people with the world of the social relations, outside which their needs cannot be satisfied and most of such relations are regulated by the positive right which serves as the tool of the human needs satisfaction.

2. The right, in its turn, apart from being the tool of the human needs satisfaction, provides for their formation and development. However, it should not be forgotten that the right does not regulate all the needs, but only the basic (real ones), which, are realized in human rights.

3. At the same time, the human rights are the possibilities necessary to act in certain manner in order to refrain from the actions in the society for the satisfaction of personal needs, i.e. they mediate the satisfaction of the needs of their bearer according to the level of the development, of first of all, the society in which these needs have formed and in which the individual intends to satisfy them.

References:

1. Рабинович П. Социалистическое право как ценность. Львов, 1985. 168 с.
2. Рабинович П. Основи загальної теорії права та держави : навчальний посібник. 10 вид., доп. Львів, 2008. 224 с.
3. Гаврилюк Р. Методологическая традиция доктрины естественного права : монография. Черновцы, 2012. 788 с.
4. Романюк Є. Основні властивості права в контексті природно-правового та позитивістського праворозуміння : автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.01; Ін-т держави і права ім. В.М. Корещького НАН України. Київ, 2013. 20 с.
5. Загальна теорія права : підручник / за заг. ред. М. Козюбри. Київ, 2015. 392 с.
6. Здравомыслов А. Потребности. Интересы. Ценности. Москва, 1986. 224 с.
7. Тараткевич М. Человек и его потребности. Минск, 1989. 207 с.
8. Чернобель Г. Право как мера социального блага. *Журнал российского права*. 2006. № 6 (114). С. 83–95.
9. Раинов Н. Имущественные потребности и гражданское право. Саратов, 1987. 192 с.
10. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. Москва, 1969. 430 с.

11. Galtung J. *Human Rights in Another Key. Printed and bound in Great Britain by Marston Book Services limited.* Oxford, 2004. 450 p.

12. Пацурківський П., Гаврилюк Р. Алгебра верховенства права, або буттєвий устрій людського світу. *Право України.* 2017. № 3. С. 112–125.

13. Маслоу А. Мотивация и личность. Пер. с англ. А. Татлыбаева. Санкт-Петербург, 1999. 479 с.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Nakonechnaya Anna Mikhaylovna – Assistant at the Department of Theory and Philosophy of Law of Ivano-Franko National University of Lviv

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Наконечная Анна Михайловна – ассистент кафедры теории и философии права Львовского национального университета имени Ивана Франко

anna.nakonechna@gmail.com

УДК 347.958

КОДИФИЦИРОВАННЫЕ АКТЫ ВСИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА УКРАИНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Александра НЕСТЕРЦОВА-СОБАКАРЬ,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка углубить знания о содержании и особенностях систематизации гражданского процессуального законодательства Украины в разных исторических периодах становления и развития гражданского судопроизводства. Особое внимание уделено кодификации как основной форме систематизации гражданского процессуального законодательства. Рассмотрена реформа гражданского судопроизводства 1864 года, уточнены место и роль Устава гражданского судопроизводства в развитии отечественного процессуального законодательства как в советский, так и в современный периоды. Отдельное внимание уделено современному этапу кодификации гражданского процессуального законодательства Украины, а также тенденциям его дальнейшего развития.

Ключевые слова: Устав гражданского судопроизводства, судебная реформа, гражданский процесс, Гражданский процессуальный кодекс, кодификация, судопроизводство.

CODIFICATED ACTS IN THE SYSTEM OF SOURCES OF CIVIL PROCEDURE RIGHTS OF UKRAINE: HISTORY AND MODERNITY

Aleksandra NESTERTSOVA-SOBAKAR,
Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Professor of Department of Civil Law Disciplines
of Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article made another attempt to deepen knowledge about the content and features of systematization of civil procedural legislation of Ukraine in different historical periods of the formation and development of civil proceedings. Particular attention is paid to codification as the main form of systematization of civil procedural legislation. Considered the reform of civil proceedings in 1864 and clarified the place and the role of the Charter of civil proceedings in the development of domestic procedural legislation in both the Soviet and modern periods. Special attention is paid to the modern stage of codification of the civil procedural legislation of Ukraine, as well as trends of its further development.

Key words: charter of civil proceedings, judicial reform, civil procedure, Civil Procedure Code, codification, judicial system.

Постановка проблемы. Среди источников гражданского процессуального права кодифицированные акты занимают центральное место. И это неслучайно, ведь кодифицированная форма закона является важным условием эффективности правового регулирования гражданско-процессуальной деятельности. Кодификация обеспечивает целостность, полноту, системность, единство методов правового регулирования гражданско-процессу-

альных отношений, способствует внутренней согласованности гражданско-процессуального закона, исключению повторений и противоречий, компактности законодательства, его стабильности и устойчивости.

Вопрос целесообразности кодификации законодательства является предметом постоянного интереса исследователей как в области теории и истории государства и права, так и гражданского процесса. Однако направленность

последние годы большинства исследований на решение преимущественно прикладных задач, связанных с совершенствованием процессуального законодательства, отражает современные реалии систематизационной и законодательской практики в Украине и не учитывает особенности правовых традиций, в рамках которых формировался институт гражданско-процессуальной кодификации. Исходя из этого, анализ кодификационных процессов с учетом разнообразия философских, политических, юридических идей и концепций, которые влияли на них в различные исторические периоды, является актуальной задачей.

Именно обращение к историческим предпосылкам кодификации гражданского процессуального законодательства, исследование проблем её становления и развития в исторической ретроспективе позволяют выявить её особенности на различных исторических этапах, выделить специфические черты процессуальных отношений и их субъектов, раскрыть содержание процессуальных норм и институтов, которые были положены в основу соответствующего кодифицированного акта.

Без обобщения прошлого опыта невозможно построить совершенное будущее, а это требует новых методологических подходов, основу которых должен составлять объективный и беспристрастный анализ исторической наследственности кодификационных процессов на территории Украины.

Состояние исследования. Вопрос места и роли кодифицированных актов в системе источников гражданского процессуального права Украины рассматривало в своих научных трудах немало отечественных и иностранных исследователей-правоведов, среди которых: К.Н. Анненков, М.М. Агарков, В.И. Борисова, М.И. Брагинский, С.Н. Братусь, В.А. Васильева, Е.В. Васильковский, Н.К. Галантич, К.В. Гусаров, А.В. Дзера, С.С. Днестровский, А.С. Довгерт, Ю.А. Заика, А.С. Иоффе, И.С. Канзафарова, С.А. Короед, В.М. Коссака, О.В. Кохановская, Н.С. Кузнецова, В.В. Луць, Г.А. Майданик, Е.А. Мичурин, Т.Е. Новицкая, К.П. Победоносцев, С.А. Погребной, Ю.Д. Притыка, В.И. Синайский, И.В. Спасибо-Фатеева, Р.А. Стефанчук, Е.А. Харитонов, Я.М. Шев-

ченко, Г.Ф. Шершеневич, Р.Б. Шишко, В.С. Щербина, В.Л. Яроцкий и др.

Не вызывает сомнения основательность и фундаментальность идей, выводов и предложений известных ученых, ставших огромным достоянием юридической науки, в частности, науки гражданского процессуального права. Однако упомянутый вопрос остается недостаточно исследованным.

Цель и задача статьи. Поэтому, обобщая существующие научные исследования, труды зарубежных и украинских ученых, цель статьи – конкретизировать место кодифицированных актов в системе источников гражданского процессуального права Украины, выяснить их сущность и значение в систематизации соответствующего процессуального законодательства в разные исторические периоды.

Изложение основного материала. История гражданского процессуального права берет начало в середине первого тысячелетия. Первыми письменными источниками права, дошедшими до наших дней, являются русско-византийские договоры 911 и 944 гг., в которых упоминается так называемый «Закон Русский». Данным термином обозначалась существующая в то время устная кодификация норм обычного права. Она имела значительное своеобразие по сравнению с византийскими и другими иностранными юридическими актами и отмечалась самостоятельностью, как по содержанию, так и по форме [1, с. 3–9]. Отсутствие письменного права не означает неразвитость правовой культуры. В древних обществах право существовало в основном в устной форме, а немногочисленные письменные нормы представляли собой лишь незначительную часть правил, применяемых на практике [2, с. 29]. Нормы обычного права действовали в форме поговорок, пословиц, песен, сказаний и т.д.

Анализ мифологии древних славян показал, что в тот период уже сформировались основные понятия, относящиеся к суду и судопроизводству [3, с. 17].

Профессор А.Ф. Клейнман отмечал: «Под влиянием народных обычаев начинают складываться процессуальные формы» [4, с. 189–190]. Таким образом, несмотря на отсутствие формальных письменных источников, уст-

ное обычное право древних славян, касаемое судопроизводства, отличалось самостоятельностью и высоким уровнем развития.

С точки зрения процессуализации права важное место среди законодательства Киевской Руси занимает «Русская Правда», которая, по мнению И.В. Петрова, стала весомым кодификационным этапом эволюции древнерусского права [5, с. 170; 6, с. 595–600].

Другая часть украинских земель в то время находилась в составе Галицко-Волынского государства, а судебный процесс имел состязательный характер и состоял из элементов, присущих процессу в Киевской Руси. «Русская Правда» была главным источником княжеского писаного права, которое регулировало осуществление судопроизводства [7, с. 93; 8, с. 23–27].

После того, как Украина вошла в состав Московского царства в 1654 г., на части ее территории, в частности на Слобожанщине, было введено «Соборное уложение» 1649 г. Этот кодифицированный акт определял всю правовую систему Российского государства того времени. Одновременно «Соборное Уложение» закрепляло нормы уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права. Как нормативно-правовой акт, это «Уложение» окончательно закрепило феодальное право, по которому народ судили за нарушение царской воли и закона [9, с. 561].

Следующим шагом систематизации гражданского процессуального законодательства можно считать Свод законов Российской империи. Авторы XIX – XX вв. (Л.А. Кассо, Г.Ф. Шершеневич, С. Пахман, А.Е. Вормс, В.Б. Ельяшевич, А.Н. Иодковский, А.А. Ушаков) формой систематизации Свода законов считали кодификацию и, следовательно, признавали его кодифицированным правовым актом [10, с. 53]. Другие авторы – Т.В. Лях, П.К. Бонташ, А.Н. Колесников, Ю.И. Гусев – формой систематизации Свода законов признавали инкорпорацию.

Первое Полное собрание законов состоялось в хронологическом собрании всех правовых актов от Соборного Уложения 1649 г. до 12 декабря 1825 г. Таким образом, Полное собрание законов является ничем иным, как хронологической инкорпорацией

законов. Однако составители свода законов гражданских не остановились на чисто предметной инкорпорации законов. Ему была свойственна несколько иная форма систематизации. Ф. Шебанов верно выразился: «Инкорпорация была проведена настолько своеобразно, что ничего подобного ни до, ни после этого в других странах не проводилось» [11, с. 96].

Обратим внимание на нормы гражданского процесса в своде законов гражданских. Часть II свода сначала содержала 2 книги (5 и 6). Книга пятая. «О судебном судопроизводстве». Часть I. «О тяжбе вообще». Часть II. «Производство в первых трех инстанциях». Часть III. «Производство, рассмотрение и разрешение иска в высших инстанциях суда». Часть IV. «Исключения в общем судопроизводстве». Часть V. «Об исполнительном судопроизводстве». Часть VI. «Судопроизводство по межевым делам». Книга шестая. «Установление гражданских судебных мест».

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что свод законов гражданских можно считать актом систематизации законодательства в форме сначала тематической инкорпорации, которая потом завершилась отраслевой кодификацией.

После издания свода законов Российской империи 1832 г. новый законодательный материал также требовал систематизации. Сначала новое законодательство концентрировалось в продолжениях к своду законов, которые периодически издавались, а затем вносились в сам свод. В таком порядке на свет появились своды законов гражданских последующих лет. Свод законов гражданских, созданный в рамках общеимперского документа, создал условия для дальнейшего совершенствования регулирования соответствующих отношений в стране, а также возможности для проведения кодификации.

В дореформенный период гражданское судопроизводство страдало от смешения полицейской и судебной власти, существования различных сословных судов, чрезвычайного замедления окончательного решения дел, в результате продолжительности и разнообразия сроков, установленных для осуществления различных судебных

действий, а также вследствие того, что стороны дела были ограничены в праве подать возражение или опровержение.

Недостатками гражданского судопроизводства в середине XIX в. были: слишком медленный ход рассмотрения гражданских дел, установление различных формальностей и существование письменной системы. Помимо прочего, в тот исторический период значительное количество гражданских споров рассматривались не судом, а полицией, которая не только позволяла рассматривать отнесенные к ее ведению гражданские дела, но и осуществляла вмешательство в рассмотрение гражданских дел, находившихся в ведении суда, что позволяло говорить о верховенстве полиции над судом. Только с принятием Устава гражданского судопроизводства 1864 г. были введены демократические основополагающие принципы гражданского судопроизводства.

Устав впервые отделил гражданское судопроизводство от уголовного, приспособил новое судопроизводство к новой системе. Система формального доказывания была заменена свободной оценкой доказательств, когда судебные решения принимались судьями по внутреннему их убеждению. Гражданское процессуальное право получило свое обособление. Оно делилось на исковое, приказное и отдельное (охранное) производство. Рассмотрение гражданских исков начиналось на основании поданного искового заявления как диспозитивного волеизъявления лица направленного на восстановление своих прав. Доказательствами могли быть письменные и вещественные доказательства, показания свидетелей. Судебный процесс, с точки зрения рассмотрения гражданских дел, имел уже четкую регламентацию процессуальных действий суда, истца, ответчика, их представителей, поскольку стороны при рассмотрении гражданских исков имели теперь равные процессуальные права. При этом свидетели, как со стороны истца, так и ответчика, допрашивались в их присутствии. Стороны имели право задавать им вопросы. В то же время суд не мог выходить за пределы заявленных исковых требований. Учитывая тот факт, что развитие как теории, так и практики гражданского процесса осуществлялось на основе

доктрины о стадийности судебного процесса, стороны имели возможность при несогласии с решением суда первой инстанции обжаловать такое решение в апелляционном и кассационном порядке.

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. фактически можно считать первой полноценной кодификацией гражданского процессуального законодательства, ведь этот документ обладал признаками, присущими кодифицированному акту:

1) объединение норм с одним предметом регулирования; 2) правовое регулирование большинства правоотношений, возникающих в сфере гражданского судопроизводства, – устав регулировал как общий порядок гражданского судопроизводства, так и исключения из общего порядка; 3) существенная новизна в части правового регулирования гражданско-процессуальных отношений – устав считается определенной точкой отсчета, с которой начинается новая история гражданского процесса, перечеркнувшая в «революционном» стиле все, что было до того; 4) четкая разветвленная структура, элементы которой расположены в иерархической соподчиненности; 5) высокая степень стабильности нормативного материала – устав действовал 53 года (до 1917 г.).

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. оказал значительное влияние на форму и содержание следующих кодифицированных гражданско-процессуальных актов, как в период господства советской власти, так и в наше время.

В Украине наряду с Уставом гражданского судопроизводства 1864 г. также действовал Австрийский Устав гражданского судопроизводства 1895 г., который распространялся на территории Западной Украины до ее присоединения к СССР во второй половине 40-х гг. XX в.

Фундаментальным явлением в развитии законодательства и гражданского процесса Украины стал Гражданский процессуальный кодекс УССР 1924 г., который состоял из пяти частей и провозглашал принципы диспозитивности, равенства сторон перед судом и законом, равноправия сторон в процессе, активности суда, рассматривавшего дело, состязательности,

гласности, национального языка судопроизводства, устности, непосредственности, непрерывности. Он позаимствовал многое из того, что доказало свою эффективность в гражданском судопроизводстве «имперского» периода, однако наблюдались и резкие различия в гражданском процессе, особенно в части обжалования и пересмотра решений в дореволюционных и советских судах.

В 1929 г. был принят новый ГПК УССР [12, с. 73; 13, с. 107–108]. Этот кодекс не изменил формы существовавшего гражданского судопроизводства, по сути, содержательно и структурно дублируя ГПК 1924 г. По сравнению с ГПК 1924 г., особенностью ГПК 1929 г. было то, что он предусматривал специфический перечень дел особого производства и производство по делам о несостоятельности, а также содержал соответствующие дополнения [14, с. 13–19].

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. советское гражданское процессуальное законодательство претерпело новую кодификацию. В 1961 г. были приняты Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, содержащие основополагающие правила ведения гражданского судопроизводства. Они предусматривали принятие ГПК союзных республик, которые могли иметь определенную специфику [15, с. 1].

В 1963 г. был принят новый ГПК УССР, в котором отдельная глава 42 (ст. ст. 327–342) была посвящена надзорному производству. Содержание ст. 327 и ст. 328 в целом дублировало соответствующие положения ст. 49 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик [16, с. 42, 128; 17, с. 265–274].

С провозглашением независимости Украины сразу встал вопрос обновления гражданско-процессуального законодательства путем принятия нового кодифицированного акта. Однако нынешний кодекс был принят только в 2004 г. В Гражданский процессуальный кодекс Украины неоднократно вносились изменения и дополнения, наиболее существенными среди которых стали процессуальные изменения 2017 г., когда вступил в силу Закон Украины «О внесении изменений в Хозяйственный процессуальный

кодекс Украины, Гражданский процессуальный кодекс Украины, Кодекс административного судопроизводства Украины и другие законодательные акты». Главный акцент законодателей предусмотренными процессуальными изменениями направлен на решение таких проблем:

- устаревшая система документооборота;
- нарушение принципа правовой определенности;
- сроки рассмотрения дел;
- ограниченность средств доказывания и их несоответствие развитию общества и технологий;
- неэффективность мер обеспечения иска и утопичности их получения;
- злоупотребление правами участниками производства и безнаказанность за подобные действия;
- разногласия в правилах рассмотрения гражданских, хозяйственных и административных дел [18].

Безусловно, кодификация гражданского процессуального законодательства Украины является насущной проблемой современности. Даже принятие его новой редакции 3 октября 2017 г., кроме большого количества положительных моментов, содержит, как показывает судебная практика, также целый ряд шероховатостей и противоречий. Поэтому все конструктивные предложения должны быть учтены при внесении дальнейших изменений и дополнений в ГПК Украины, что сделает его более совершенным и юридически качественным, ведь, как и любой нормативно-правовой акт, гражданский процессуальный кодекс должен, прежде всего, быть направлен на улучшение правового регулирования и охраны гражданско-процессуальных отношений.

Выводы. Подытоживая вышеизложенное, следует сказать, что институт кодификации гражданского процессуального права прошел долгий путь своего становления и развития. Существенное влияние на форму систематизации гражданского процессуального законодательства, название и содержание кодифицированных источников в определенный исторический период оказывала ее зависимость от особенностей государственного строя, формы правления и режима, который господствовал в стране. При

этом, начиная с возникновения гражданского процесса и появления первых источников гражданского процессуального права в Украине, усиливая законодателей были направлены на систематизацию имеющегося нормативного материала, унификацию нормативных предписаний, совершенствование по сути законодательства во время правотворческого процесса, результатом чего становился новый сводный (кодификационный) законодательный акт. Предыдущие попытки досудебной реформы 1864 г. трудно назвать полноценными кодифицированными источниками гражданского процессуального права того периода, они стали основой нового этапа судопроизводства, который характеризовался четким законодательным отделением гражданского процесса от уголовного, построением процесса на принципах, актуальных настоящему времени, и формированием целостной системы источников (форм) гражданского процессуального права.

Дальнейшее развитие института кодификации гражданского процессуального права в период господства советской власти и в наше время стало логичным продолжением совершенствования формы и содержания его главного кодифицированного источника. Именно эти исторические периоды доказали значение кодификации в систематизации гражданского процессуального законодательства, ведь ее цель заключается в обеспечении максимальной полноты и удобства регулирования соответствующей сферы отношений, критическом переосмыслении действующих правовых норм, устранении противоречий, пробелов и другой несогласованности между ними, ликвидации устаревших положений, установлении новых норм, отражающих объективные потребности общественной жизни.

Правотворческая практика убедительно доказала, что именно кодификация является наиболее действенным средством увеличения регулятивной эффективности права, она служит для устранения множества бессистемных и разнородных нормативно-правовых актов путем объединения их смысла в едином новом кодифицированном источнике, служит комплексным выражением нормативно-правовых предпи-

саний, находившихся ранее в огромном массиве процессуального законодательства.

Список использованной литературы:

1. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии. *Вестник МГУ. Серия 11. Право.* 2009. № 4. С. 3–26.

2. Томсинов В.А. Значение категории «правовая культура» для историко-правовой науки. *Вестник МГУ. Серия 11. Право.* 2007. № 6. С. 27–30.

3. Кулыгин В.В. От Пути Правы к Русской Правде: этапы правогенеза восточнославянского этноса. *Правоведение.* 1999. С. 11–17.

4. Клейнман А.Ф. Учебник гражданского процесса для студентов заочных юридических вузов (М., 1939–1940 гг.). *Избранные труды.* Т. II. Краснодар, 2009. С. 189–190.

5. Петров И.В. Торговое право Древней Руси (VIII – начало XI вв.). Торговые правоотношения и обращение Восточного монетного серебра на территории Древней Руси. LAMBERT Academic Publishing, 2011. 496 с.

6. Слинко Д.В. Особливості процесуального права давньої Русі. *XIV Міжнародна інтернет-конференція молодих вчених та студентів «Від громадянського суспільства – до правової держави».* Збірник тез доповідей Інтернет-конференції. м. Харків, 27 квітня 2018 р. С. 595–600.

7. Бойко І.Й. Історія правового регулювання цивільних, кримінальних та процесуальних відносин в Україні (IX – XX ст.). Львів, 2014. 904 с.

8. Слинко Д.В. Развитие процессуального права на украинских землях у эпоху Середньовіччя. *“Jurnalul juridic national: teorie si practica” O.O.O. : «National law jurnal: teory and practice» L.L.C. Nr. 2 (30). Republica Moldova,* 2018. P. 23–27.

9. Курило М.П. Историчні передумови та особливості становлення цивільного процесуального права в Україні та світі. *Форум права.* 2013. № 1. С. 557–566.

10. Кассо Л.А. К истории Свода законов гражданских. *Журнал Министерства юстиции.* 1904. № 3. С. 53–54.

11. Шебанов А.Ф. Из опыта создания Полного собрания законов и Свода

законов в дореволюционной России. *Правоведение.* 1967. № 2. С. 96.

12. Клейнман А.Ф. Гражданский процесс : учебник. Москва : Изд-во НКЮ, 1937. 92 с.

13. Тадевосян В.С. Сборник казусов по гражданскому процессу / В.С. Тадевосян, В.П. Чапурский. Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1927. 112 с.

14. Комаров В.В. Цивільне процесуальне законодавство у динаміці розвитку та практиці Верховного Суду України. Харків : Право, 2012. 624 с.

15. Новое в гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве Союза ССР и союзных республик : тр. науч. сес. ВИЮН (16–17 янв. 1962 г.) / С.Н. Братусь, Е.А. Флейшиц и др. Москва : ВИЮН, 1962. 216 с.

16. Кац С.Ю. Судебный надзор в гражданском судопроизводстве : монография. Москва : Юрид. лит., 1980. 208 с.

17. Яковлев С.Ю. Кассация в гражданском судопроизводстве: история и современность. *Проблемы законности* : сб. науч. тр. / Нац. ун-т «Юрид. акад. Украины им. Ярослава Мудрого». Харьков, 2013. Вып. 121. С. 265–274.

18. Зміни до процесуального законодавства. Що потрібно знати? URL: https://jurliga.ligazakon.net/analitics/167310_zmni-doprotseusalnogo-zakonodavstva-shcho-potrбно-znati.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестерцова-Собакарь Александра Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nestertsova-Sobakar Aleksandra Vladimirovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Civil Law Disciplines of Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs

aasobakar77@ukr.net

УДК 346.13.(094)

СУБЪЕКТ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Юлия ОСТАПЕНКО,

кандидат юридических наук, ассистент кафедры хозяйственного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье проанализировано понятие «субъект экономической деятельности», уделено внимание трактованию его на законодательном уровне как субъекта хозяйствования. Рассмотрена юридическая природа видов субъектов хозяйствования и дана их классификация с учетом исторического опыта. Приведена правовая конфигурация организационно-правовых форм хозяйствования.

Ключевые слова: хозяйственное законодательство Украины, организационно-правовые формы, хозяйственные общества, моделирование организационно-правовых форм хозяйственных организаций.

SUBJECT OF BUSINESS AS A BASIC ELEMENT OF ECONOMIC RELATIONS: PROBLEMS OF LEGISLATIVE TECHNOLOGY

Yuliya OSTAPENKO,

Candidate of Law Sciences, Assistant Lecturer
at the Department of Economic Law
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article analyzes the concept of a “subject of economic activity”, paying attention to interpreting it at the legislative level as a “subject of management”. The legal nature of the types of business entities is considered and their classification is given based on historical experience. the legal configuration of the organizational and legal forms of management is given.

Key words: economic legislation of Ukraine, organizational and legal forms, economic societies, modeling of organizational and legal forms of economic organizations.

Постановка проблемы. С момента провозглашения Украины суверенным, независимым, демократическим, социальным и правовым государством начинается новый этап ее развития – построение рыночной экономики. Именно в это время (когда была ликвидирована система тотального планирования и административного управления экономикой, государственного регулирования цен) начали зарождаться многие, в том числе и приватизационные, процессы, а власть и население надеялись на автоматическое функционирование, саморегулирование и правовое обеспечение демократических основ в экономической сфере. Именно это и стало одной из причин значительных просчетов и ошибок в государственной экономической политике. Сегодня ситуация изменилась, но не улучшилась. В Украине сейчас тревожная картина – отсутствие устойчивого правового обеспечения экономических, хозяйственных отношений. Такое положение ведет к необратимым процессам в нацио-

нальной экономике, а именно концентрации капитала, то есть интегрированные бизнес-группы (так называемая «экономическая элита») уже занимают монополистическое положение или лидирующую позицию почти во всех существующих ключевых сферах экономической системы. В связи с этим сегодня для юриспруденции становится актуальным проведение научных исследований проблемы субъекта экономической деятельности, анализа эволюции его организационно-правовых форм, после чего станет возможной разработка стабильного правового обеспечения его функционирования.

Актуальность темы исследования. Отсутствие в праве теоретических исследований института организационно-правовых форм субъектов хозяйственной деятельности, а следовательно, и оптимальных методологических подходов в создании правового механизма их деятельности в современных экономических реалиях является основанием для детального изучения

этих вопросов с целью формирования адекватной законодательной базы.

Состояние исследования. Изучением субъекта экономической деятельности в национальной правовой науке еще в середине XX в. начали заниматься ученые двух конкурирующих правовых сфер – гражданского (чаще всего, с точки зрения ее отдельных разновидностей) и хозяйственного (корпоративного) права. Среди них следует назвать таких цивилистов, как С.С. Алексеев, В.И. Борисова, В.В. Бараненко, И.В. Спасибо-Фатеева и др. [3, с. 8; 5, с. 26–44; 6, с. 53–59; 7, с. 79–80; 8, с. 53–54; 9, с. 10–48], а также представителей школы хозяйственного права, а именно В.К. Мамутов, Д.В. Задыхайло, Г.Л. Знаменский, В.Л. Мусияка, Е.Г. Кубинка, А.Н. Винник, В.С. Щербины, А.В. Брынцев, Д.И. Погребной, А.П. Подцерковный, И.В. Лукач, К.А. Качергина и др. [10, с. 172–178; 11, с. 122–135; 12, с. 100–122; 13, с. 100–156; 14; 15, с. 87–100; 16, с. 29–48; 17, с. 10–11;

18, с. 67; 19, с. 23–67; 20, с. 36–172; 21, с. 84–86; 22, с. 10–15; 21, с. 99–100]. В то же время указанные ученые не уделили должного внимания как самому понятию «субъект экономической деятельности», так и проблеме развития организационно-правовых его форм, что, на наш взгляд, выступает ключевым фактором создания правового механизма функционирования и является залогом стабилизации.

Целью и задачей статьи является разработка концепции определения содержания организационно-правовых форм субъектов экономической деятельности, совершенствования существующего законодательства по данному вопросу, а также конструирование более полезных моделей организационно-правовых форм экономической деятельности.

Изложение основного материала. Экономическая и социальная сферы жизнедеятельности общества тесно связаны с хозяйственной деятельностью людей. Многочисленные социальные группы, которые включены в процессы производства или любые другие экономико-социальные процессы (например, предоставление различных услуг), являются каналами трансформации различных взаимодействий и взаимосвязей между экономической и общественной сферами. Главным признаком каких-либо экономических отношений является их субъектность, ведь основным элементом их выступает именно субъект, так как без него любые отношения не возможны. Исследование правовой категории «правосубъектность», или «субъект экономической деятельности», в правоведении проводится с учетом наработок в социальной и экономической сферах. Однако отсутствие общей теории о субъекте права, а также неопределенность этого понятия как в национальном законодательстве, так и в экономическом праве не позволяют получить окончательную картину. Прежде всего, отметим, что категория «субъект экономических отношений» рассматривается в юридической литературе как «субъект хозяйственных отношений» или «субъект хозяйствования». Эти термины в законодательстве рассматриваются как синонимы. В неправовой литературе (например, технической) «субъект экономических

отношений» рассматривается как «действующее лицо в экономике (как физическое, так и юридическое), которое может принимать решения, самостоятельно разрабатывать хозяйственные планы и действовать согласно последним, получать заказы или задания на производстве или распределении тех или иных продуктов или услуг, или выступать в роли покупателя». В экономическом словаре приведена такая трактовка: «это экономический, хозяйствующий субъект, осуществляющий экономическую, хозяйственную деятельность, будь то человек, семья предпринимателей, предприятие или государство». В современном правовом измерении субъектами экономической деятельности считаются субъекты и участники хозяйственных отношений, которые осуществляют экономическую (чаще всего хозяйственную) деятельность. В подтверждение отметим, что в ч. 4 ст. 13 Конституции Украины закреплено положение о защите прав не только всех субъектов права собственности, но и хозяйствования. Кроме этого, следует отметить, что создание и деятельность субъектов хозяйствования в Украине регулируется нормами Хозяйственного (далее – ХК Украины), Гражданского (далее – ГК Украины) кодексов и отдельных законов.

Например, в ст. 55 ХК Украины установлено, что субъектами хозяйствования признаются участники хозяйственных отношений, которые осуществляют хозяйственную деятельность, реализуя хозяйственную компетенцию (совокупность хозяйственных прав и обязанностей), имеют обособленное имущество и несут ответственность по своим обязательствам в пределах этого имущества, кроме случаев, предусмотренных законодательством.

Конечно, субъекты хозяйствования и субъекты экономического права самостоятельно определяют для себя наиболее приемлемый способ организации и осуществления, отдавая предпочтение индивидуальному или коллективному характеру деятельности на основе объединения имущества, предпринимательских усилий с другими лицами с целью совместного получения прибыли, присвоения прибавочного продукта. Именно это и заложено в основу классификации.

В теории отношений собственности по этому признаку всех участников процесса хозяйствования, который рассматривается как присвоение продуктов природы с помощью производительности труда в процессе общественного производства, разделяют на субъектов индивидуального и группового присвоения. Поэтому речь может идти об индивидуальных и коллективных субъектах хозяйствования: физических лицах – предпринимателях и коллективных объединениях – организациях. Естественно, экономическое многообразие форм деятельности как принцип организации экономической жизни в Украине проявляется через обеспечение государством многообразия.

Для полноты картины следует сказать, что, когда речь идет об индивидуальных субъектах, то законодательство их рассматривает как физических лиц (предпринимателей), а коллективные субъекты хозяйствования – это, по мнению законодателя, юридические лица, правовое положение которых устанавливается несколько иначе. Легальное определение последних приведено в ч. 2 ст. 55 ХК Украины. В этой же статье дан перечень субъектов хозяйствования – юридических лиц, ведь вследствие различных целей юридические лица достаточно разнородные как по организации, так и по характеру деятельности. К ним, в частности, относятся: хозяйственные организации – юридические лица, созданные в соответствии с Гражданским кодексом Украины, государственные, коммунальные и другие предприятия, созданные в соответствии с ХК Украины, а также другие юридические лица, которые осуществляют хозяйственную деятельность и зарегистрированы в установленном законом порядке; граждане Украины, иностранцы и лица без гражданства, которые осуществляют хозяйственную деятельность и зарегистрированы как предприниматели. Однако в этой статье не учтены субъекты хозяйствования, которые трудно отнести к указанным категориям, но они имеют, например, паевые инвестиционные фонды, которые создаются на договорной основе, хотя у них нет статуса юридического лица (Закон Украины «Об институтах совместного инвестирования (паевые и корпоративные инвестиционные фонды)»; личное

крестьянское хозяйство, которое может реализовывать излишки сельскохозяйственной продукции и предоставлять услуги зеленого туризма на платной основе, однако не признается юридическим лицом и субъектом предпринимательства, а значит, не подлежит государственной регистрации, их учет ведется сельскими, поселковыми, городскими советами по месту расположения земельного участка (правовое положение определяется Законом Украины от 15.05.2003 г. «О личном крестьянском хозяйстве»).

Если проследить по законодательству Украины с 1991 г. (особенно это касается законов Украины, которые утратили силу с введением в действие ХК Украины), то законодательные и доктринальные взгляды на субъекта экономических отношений значительно изменились, ведь последние в те времена рассматривались как конгломерация предпринимателя и юридического лица. Универсального (применительно ко всем случаям хозяйственно-правовой практики) определения понятия «субъект хозяйствования», хотя оно и нередко употреблялось, не было. Поэтому субъект экономической деятельности рассматривался через призму смешанного понятия (по двум отдельным субъектам, разнородным по своей природе юридическим воплощением). Например, 07.02.1991 г. был принят Закон Украины «О предпринимательстве» (утратил силу с 01.01.2004 г.), в котором фиксируется взгляд законодателя на субъекта предпринимательской деятельности. С введением ХК Украины оно было преобразовано в «физическое лицо-предпринимателя» и «организационно-правовые формы юридического лица». Поэтому, согласно данному Закону, а именно его ст. 2: «Субъектами предпринимательской деятельности (предпринимателями) могли быть: граждане Украины, других государств, лица без гражданства, не ограниченные законом в правоспособности или дееспособности; юридические лица всех форм собственности, установленных Законом Украины «О собственности»; объединения юридических лиц, осуществляющих деятельность в Украине на условиях соглашения о распределении продукции. В отношении юридических лиц и граждан, для которых предпри-

нимательская деятельность не является основной, этот Закон применяется к той части их деятельности, которая по своему характеру является предпринимательской».

Естественно, такой взгляд кардинально отличается от современного зафиксированного в ХК Украины точки зрения. Также в 1991 г., а именно 27 марта, был принят Закон Украины «О предприятиях в Украине», в котором в ст. 1 было закреплено, что предприятие – «самостоятельный хозяйствующий субъект, который имеет права юридического лица и осуществляет производственную, научно-исследовательскую и коммерческую деятельность с целью получения соответствующей прибыли (дохода)», то есть, исходя из положений Закона, предприятию было названо отдельным субъектом экономической деятельности. В Законе также был приведен перечень предприятий: частное предприятие; коллективное предприятие; хозяйственное общество; предприятие, основанное на объединении собственности граждан; коммунальное предприятие; государственное предприятие.

Во времена разработки Гражданского и Хозяйственного кодексов цивилистический взгляд на предприятие как на объект права был не принят хозяйственниками, ведь в этом случае не были учтены отношения внутри структурных подразделений организаций, предприятий. С точки зрения цивилистической социальной действительности, отношения могут принять форму правовых только в том случае, когда на стороне коллективного образования будут выступать юридические лица. Без этого отношения между любыми субъектами права и коллективными образованиями как другой стороной (это касается имущественных, в том числе хозяйственных, вопросов) правовыми быть не могут, в самом лучшем случае они становятся организационно-техническими. Однако это не отражало реального положения вещей как в национальном, так и в зарубежном измерении. Система правового регулирования хозяйственной деятельности предполагает, например, многообразие субъектов предпринимательства различных юридических форм (это есть в Германии). Поэтому стало ясно, что

существующий механизм отношений субъектов был недостаточным, а понятийный аппарат требует пересмотра. Поскольку законодатель быстро на это отреагировал, стало употребляться понятие «субъект хозяйствования». Впервые этот термин появился в Законе Украины «О хозяйственной деятельности в Вооруженных силах Украины» от 21.09.1999 г., позднее в Законе Украины «О защите экономической конкуренции» от 11.01.2001 г., где отмечалось, что субъект хозяйствования – юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности или физическое лицо, осуществляющее деятельность по производству, реализации, приобретению товаров, иную хозяйственную деятельность, в том числе контроль над другим юридическим или физическим лицом; группа субъектов хозяйствования, если один или несколько из них осуществляют контроль над другими. Субъектами хозяйствования признаются также органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также органы административно-хозяйственного управления и контроля в части их деятельности по производству, реализации, приобретению товаров или другой хозяйственной деятельности. Хозяйственной деятельностью не считается деятельность физического лица по приобретению товаров народного потребления для конечного потребления.

Однако этого не достаточно, поскольку сегодня на фоне отсутствия постоянной теоретической основы порождается неудовлетворение уровнем юридической обоснованности и трактования категории «субъект экономического права», определением его роли в любой отрасли, а также к этому прибавляется превалирование нормоцентристского подхода к правовой картине мира, где нормативный акт «запрещает» или «позволяет», «регулирует» и т.д., как следствие, субъект права становится пассивным исполнителем чужих нормативных предписаний. Таким образом, возникает вполне обоснованный вопрос относительно правового регулирования современной экономической деятельности: «Имеет ли правовое обеспечение организации экономической деятельности частноправовой характер?» Приходится,

к сожалению, констатировать, что сегодня нередко наблюдается законодательная слепота, особенно в восприятии именно категории «юридического лица», оно рассматривается как фикция, вымысел или виртуальная выдумка юридической науки, но в то же время категория «государство» (которое выступает безусловным субъектом или контрольно-ревизионным надзорителем) сводится к статусу юридического лица или теряет свою правовую идентификацию как отдельная категория в составе субъекта экономической деятельности и вообще любой другой деятельности. Такое положение дел еще раз подтверждает, что право (его механизмы, институты) оторвано от реалий, а отсутствие доктринальных общих категорий, правовой точки зрения на субъекта права вообще делают данный пробел сверхмасштабным. Более того, некоторыми экономическими институтами правовая реальность зачастую понимается как состоящая исключительно из норм права. Например, правовое обеспечение парикмахерской деятельности отображено в нескольких нормах Налогового кодекса Украины и нескольких подзаконных актах, а регулирование супердинамичной во всех своих проявлениях телекоммуникационной сферы происходит на основании Закона 2003 г. Конечно, это отражается и на функционировании субъекта права. В то же время иногда в актах регламентация всего процесса деятельности сводится к перечислению функций и действий.

Выводы. Конечно, на современном этапе важны исследования такой категории, как «субъект права». Однако, учитывая традиционные взгляды, определение субъекта экономического права, во-первых, должно начинаться с вопроса о его организационно-правовом обеспечении. Перечень организационно-правовых форм субъекта (речь идет о юридическом лице) экономической деятельности находится в постоянной динамике, и это понятно, ведь каждая из данных категорий, как в законодательном, так и в научном понимании, является не статичной, они активно развиваются в соответствии с рыночными отношениями. Таким образом, отсутствие на уровне существующих законов Украины сводного перечня всех организационно-право-

вых форм как субъектов экономической, так и субъектов хозяйственной деятельности, а также перечней юридических лиц публичного и частного права влечет за собой негативные последствия, например, государственные регистраторы вынуждены пользоваться Статистическим классификатором организационных форм субъектов экономики. Указанный классификатор является не нормативно-правовым, а нормативно-техническим актом и, к сожалению, не совершенен. В частности, из названия этого акта следует, что он касается организационных форм субъектов экономики, но рядом с хозяйствующими субъектами в нем оказались политические партии, общественные организации, профсоюзы, религиозные организации и даже органы государственной власти и органы местного самоуправления, которые непосредственно не могут быть отнесены к субъектам экономики. Кроме этого, в классификаторе в качестве организационно-правовых форм фигурирует значительное количество обобщающих категорий, которые не обозначают конкретных юридических лиц, а используются для обозначения отдельных групп юридических лиц («государственное предприятие», «хозяйственное общество», «религиозные организации» и др.). То есть мы сталкиваемся с отсутствием единого подхода к определению организационно-правовых форм юридических лиц и в упомянутых выше законодательных актах. Это приводит к возникновению проблем на практике. Например, если создается благотворительный фонд, государственные регистраторы часто смешивают основателей и форму, указывая в регистрационной карточке и в уставе наименование вроде «Благотворительная организация «Благотворительный фонд «Господин»». С одной стороны, что упомянутый классификатор не содержит такой организационно-правовой формы, как «благотворительный фонд», там есть только «благотворительная организация». С другой – упомянутый выше приказ Минюста позволяет не указывать вид организации в названии, но тогда возникает проблема индивидуализации юридического лица. Изменения в законодательстве, которые касаются определения организационно-правовых

форм, обуславливают проблемы: речь идет о том, что в уставе юридического лица и в выписке из реестра указываются различные наименования, что, безусловно, вызывает необходимость доказать идентичность наименования. Следовательно, нужно привести в соответствие всю законодательную базу в этой сфере и разработать универсальный перечень организационно-правовых форм.

Список использованной литературы:

1. Козловец М.А. Феномен національної ідентичності: виклики глобалізації : Монографія. Житомир : Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2009. 558 с.
2. Тарасов О.В. Суб'єкт міжнародного права: проблеми сучасної теорії : монографія. Харків : Право, 2014. 512 с.
3. Кочергіна К.О. Зміст організаційно-правових форм підприємницьких товариств: інтереси, функції, правові засоби : Монографія. Харків : «Основа», 2005. 236 с.
4. Остапенко Ю.І. Основні законодавчі етапи становлення радянського господарського права. *Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого»*. Серія: Економічна теорія та право : зб. наук. пр. Харків : Право, 2015. № 2 (21). С. 142–153.
5. Лакач І.В. Теоритичні проблеми правового регулювання корпоративних відносин в Україні [Текст] : монографія. Київ : Видавництво Ліра-К, 2015. 454 с.
6. Алексеев С.С. Азбука – теорія – філософія: Опыт комплексного исследования. Москва : «Статут», 1999. 320 с.
7. Борисова В.І. Проблеми створення юридичних осіб: історія в сучасність. *Вісник Академії правових наук України*. 2002. № 2. С. 79–88.
8. Бараненков В.В. Понятие юридического лица в современном гражданском праве России. *Государство и право*. 2003. № 11. С. 53–59.
9. Спасибо-Фатеева И.В. Акционерные общества: корпоративные правоотношения. Харьков : Право, 1998. 256 с.
10. Остапенко Ю.І. Становлення господарського права та законодавства України на початковому етапі її незалежності. *Вісник Національного університету «Юридична академія Укра-*

їни імені Ярослава Мудрого». Серія : Економічна теорія та право : зб. наук. пр. Харків : Право, 2015. № 3 (22). С. 172–183.

11. Остапенко Ю.І. Розвиток господарського законодавства України на другому етапі вітчизняних економічних реформ. *Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого»*. Серія : Економічна теорія та право : зб. наук. пр. Харків : Право, 2015. № 4 (23). С. 122–135.

12. Остапенко Ю.І. Третій етап розвитку господарського законодавства України: його систематизація *Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого»*. Серія : Економічна теорія та право : зб. наук. пр. Харків : Право, 2016. № 1 (24). С. 100–112.

13. Хозяйственное право : Учебник / В.К. Макутов, Г.Л. Знаменский, К.С. Хахулин и др.; под ред. Макутова В.К. Київ : Юринком Интер, 2002. 912 с.

14. Макутов В.К. Кодифікація господарського законодавства України. *Кодифікація господарського законодавства України: стан, проблеми, перспективи* : мат. круг. столу, м. Київ, 2 листопада 2010 р. URL: <https://instzak.rada.gov.ua/instzak/doccatalog/document?id=48418>.

15. Задихайло Д.В. Господарсько-правове забезпечення економічної політики держави [Текст] : монографія. Харків : Юрайт, 2012. 454 с.

16. Знаменський Г.Л. Новое хозяйственное право. Избранные труды. Київ : Юринком Интер, 2012. 488 с.

17. Кибенко О. Європейське корпоративне право на етапі фундаментальної реформи: перспективи використання європейського законодавчого досвіду у правовому полі України. Серія: Юридичний радник. Харків : Страйд, 2005. 432 с.

18. Вінник О.М. Господарське право: Курс лекцій. Київ : Атіка, 2004. 624 с.

19. Вінник О.М. Теоритичні аспекти правового забезпечення реалізації публічних і приватних інтересів в господарських товариствах: проблеми правового забезпечення. Київ : Атіка, 2003. 352 с.

20. Щербина В.С. Суб'єкти господарського права. Київ : Юринком Интер, 2003. 263 с.

21. Бринцев О.В. Організаційно-правова форма юридичної особи.

Визначення поняття. *Вісник університету внутрішніх справ*. 2000. № 12–1. С. 84–86.

22. Подцерковний О.П. Про розбіжність економічного змісту та юридичної форми суспільних відносин. *Наукові праці Одеської національної юридичної академії*. 2010. Т. 9. С. 99–114.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Остапенко Юлия Игоревна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры хозяйственного права Национального юридического университета Украины имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ostapenko Yuliya Igorevna – Candidate of Law Sciences, Assistant Lecturer at the Department of Economic Law of Yaroslav Mudryi National Law University

julost@rambler.ru

УДК 342.9

ПУТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО УПРОЩЕННЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Евгения ПАЛИЙ,

соискатель кафедры административного и таможенного права
Университета таможенного дела и финансов

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена упрощенным исковым производствам в административном судопроизводстве. На основании анализа законодательства и практики его применения выделены особенности упрощенных производств в административном судопроизводстве, выяснено их значение для быстрого решения публично-правовых споров в разумные сроки. Предлагаются пути усовершенствования законодательства, которое регулирует упрощенное производство в административном процессе.

Ключевые слова: суд, судопроизводство, административное судопроизводство, исковое производство, общее производство, упрощенное производство.

WAYS TO IMPROVE THE LEGISLATION REGULATING SIMPLIFIED PROCEEDINGS IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS OF UKRAINE

Evgeniya PALIY,

Applicant at the Department of Administrative and Customs Law
of University of Customs and Finance

SUMMARY

The article is devoted to a simplified action in administrative proceedings. Based on the analysis of the legislation and the practice of its application, the peculiarities of simplified proceedings in administrative court proceedings are highlighted, their importance for the prompt and reasonable resolution of public law disputes has been clarified. It suggests ways to improve legislation that regulates simplified proceedings in the administrative process.

Key words: court, legal proceedings, administrative proceedings, lawsuit proceedings, general proceedings, simplified proceedings.

Постановка проблемы. С целью разгрузки судебной системы Украины и обеспечения «разумности» сроков рассмотрения дел в рамках судебной реформы введен институт упрощенного производства, в частности в административном судопроизводстве.

Ст. 12 КАС Украины устанавливает, что административное судопроизводство осуществляется в порядке искового производства (общего или упрощенного) [1]. Общее исковое производство предназначается исключительно для рассмотрения сложных дел или дел, которые в силу других обстоятельств нецелесообразно рассматривать в упрощенном исковом производстве.

Кроме того, новым для отечественного законодательства стал институт рассмотрения и решения типовых и примерных дел. Одной из категорий административных дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, являются незначительные дела. Такие новации требуют надлежа-

щего научного изучения, как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

Актуальность темы исследования. В связи с появлением новых общественных отношений и принятием нового материального законодательства в производстве административных судов оказалось большое количество самых разнообразных по сложности и значимости дел. Это, в свою очередь, объективно стало требовать дифференциации процессуальных форм рассмотрения дел в суде, разумного упрощения процесса с целью его ускорения, облегчения заинтересованным лицам реализации права на судебную защиту, уменьшения их расходов, связанных с процессом, и повышения тем самым эффективности правосудия. То есть процесс должен быть гибким, предусматривать наиболее оптимальные пути достижения задачи административного судопроизводства, в частности за счет установки специальных (упрощенных) порядков рассмотрения и решения определенных категорий

дел, для которых применение общего искового порядка нецелесообразно.

Упрощение судебной формы рассмотрения административных дел призвано упростить правосудие, доступ граждан к нему. Поэтому не случайно, что упрощенное исковое производство предназначено для рассмотрения дел незначительной сложности и других дел, для которых приоритетом является быстрое решение дела, в связи с чем заслуживает внимания процессуальный порядок рассмотрения таких дел, который по своему содержанию имеет определенные особенности.

Состояние исследования. Общие вопросы по совершенствованию административного судопроизводства рассматривали в своих работах В.Б. Аверьянов, Ю.П. Битяк, И.П. Голосниченко, Е.Ф. Демский, С.В. Кивалов, А.Т. Комзюк, А.В. Кузьменко, И.Б. Колиушко, В.В. Комаров, Р.А. Куйбида, А.И. Миколенко, А.Н. Пасенюк, В.С. Стефанюк, М.М. Тищенко и другие. Наряду

с этим особенности рассмотрения дел в порядке упрощенного производства в науке достаточно не изучалось.

Целью и задачей статьи является освещение проблем применения упрощенного производства при рассмотрении публично-правовых споров.

Изложение основного материала. Понятие административного дела незначительной сложности (незначительное дело) раскрывается в п. 20 ч. 1 ст. 4 Кодекса административного судопроизводства Украины, согласно которой дело незначительной сложности – это административное дело, в котором характер спорных правоотношений, предмет доказывания и состав участников не требуют проведения подготовительного заседания и/или судебного заседания. В КАСУ к категориям малозначительных дел отнесено одиннадцать видов публично-правовых споров (ч. 6 ст. 12), а именно споры [1]: о публичной службе; о доступе к информации; по пенсионным и социальным выплатам; о принудительном прекращении юридических лиц и физических лиц-предпринимателей; о выезде на временно оккупированную территорию; по обжалованию решений субъекта властных полномочий, на основании которых возможно взыскание денежных средств в сто размеров прожиточного минимума для трудоспособных лиц; о взыскании денежных сумм по решениям субъекта властных полномочий, по которым завершился срок обжалования; типичные дела; по обжалованию нормативно-правового акта, принятых во исполнение акта, признанного судом противоправным и недействительным полностью или в части; которые малозначительными признает суд; о пребывании иностранцев или лиц без гражданства на территории Украины.

При этом если сторона дела представляет обоснованное ходатайство об упрощенном его рассмотрении, такое дело может быть рассмотрено в этом порядке, за исключением тех административных дел, рассмотрение которых должно проводиться исключительно в порядке общего искового производства (ч. 4 ст. 257 КАС Украины).

В соответствии с положениями КАСУ исключительно в порядке общего искового производства рассма-

триваются такие виды административных дел:

- по обжалованию нормативно-правовых актов, за исключением случаев, определенных настоящим Кодексом;
- по обжалованию решений, действий и бездействия субъекта властных полномочий, если истец заявил требование о возмещении вреда, причиненного такими решениями, действиями или бездействием, в сумме, превышающей 500 размеров прожиточного минимума для трудоспособных лиц;
- о принудительном отчуждении земельного участка, других объектов недвижимого имущества, размещенных на нем, по мотивам общественной необходимости;
- об обжаловании решения субъекта властных полномочий, на основании которого им может быть заявлено требование о взыскании денежных средств в сумме, превышающей 500 размеров прожиточного минимума для трудоспособных лиц.

Особенности в упрощенном производстве имеют процессуальные строки подачи письменных заявлений. Если спор не подпадает ни под одну из категорий, предусмотренных ч. 6 ст. 12 КАС Украины, ходатайство истца о рассмотрении дела по правилам упрощенного искового производства должно подаваться в письменной форме одновременно с подачей искового заявления. Подача заявлений по сути дела также имеет свои особенности. Так, отзыв ответчик должен представить суду в течение 15 дней со дня вручения постановления об открытии производства по делу. Тогда как в общем порядке отзыв подается в срок, который не может быть меньше 15 дней. Ответ на отзыв истцом и отрицание ответчиком подаются в течение сроков, установленных судом в постановлении об открытии производства по делу, которые будут меньше, чем для общего производства. Третьим лицам предоставлено право подать объяснения по иску в установленный судом срок, а по отзыву – в течение 10 дней со дня его получения.

Кроме того, в упрощенном производстве процессуальные права сторон являются в какой-то мере ограниченными. Например, это может проявляться в том, что стороны не могут принимать участие в судеб-

ном заседании и в исследовании доказательств, задавать вопросы другим участникам дела, предоставлять свои доводы, рассуждения по вопросам, дела и возражения против заявлений, ходатайств, доводов и соображений и тому подобное других его участников; ограниченным является право истца изменить предмет или основание иска; сокращен срок вступления в дело третьих лиц; сокращен срок подачи заявления о вызове свидетелей; сокращен срок направления истцом третьим лицам копии искового заявления; отсутствуют судебные прения и подготовительное судебное заседание и др.

Сужение процессуальных прав сторон может влиять на законность и объективность судебного решения. Как отмечает С.О. Магда, непонятно, каким образом будет реализовано право истца на подачу письменного заявления об изменении основания или предмета иска или увеличение или уменьшение размера исковых требований при закреплении в норме КАС Украины, что эти действия должны быть совершены не позднее чем за пять дней к первому судебному заседанию (ч. 1 ст. 47 КАС Украины), а также правомочия сторон о праве на заключение мирового соглашения (ч. 5 ст. 47 КАС Украины) и права участия в судебных прениях (ст. 225 КАС Украины). На наш взгляд, отсутствие таких необходимых правомочий не может заменить составления отзыва исковым заявлением, ответами на отзыв, возражениями и объяснениями третьих лиц по иску или отзыву, поскольку последние, к тому же, должны быть убедительными, четкими и понятными для состава суда, который рассматривает административное дело [2, с. 91].

Поэтому более подходящими являются предложения внести изменения в ст. 262 КАС Украины и удалить ч. 6 ст. 262 КАС, которая дает право судье отказать в удовлетворении ходатайства стороны о рассмотрении дела в судебном заседании с извещением сторон, чем предоставить право сторонам, при наличии у них соответствующего желаниа, участвовать в судебном рассмотрении административного дела.

В соответствии со ст. 22 и ст. 266 КАС Украины рассмотрение административных дел Верховным Судом как судом первой инстанции также должно осу-

ществляется в порядке упрощенного искового производства в составе коллегии Кассационного административного суда не менее чем из пяти судей. В частности, эти правила распространяются на рассмотрение административных дел относительно: 1) законности (кроме конституционности) постановлений Верховной Рады Украины, указов и распоряжений Президента Украины; 2) законности действий или бездействия Верховной Рады Украины, Президента Украины, Высшего совета правосудия, Высшей квалификационной комиссии судей Украины, квалификационно-дисциплинарной комиссии прокуроров; 3) законности актов Высшего совета правосудия, Высшей квалификационной комиссии судей Украины, квалификационно-дисциплинарной комиссии прокуроров.

Однако такая позиция законодателя представляется недостаточно обоснованной, учитывая, что указанные категории административных дел нельзя однозначно отнести к малозначительным делам или делам незначительной сложности, а также к другим делам, рассмотрение и решение которых с соблюдением основных принципов судопроизводства, закрепленных в ст. 129 Конституции Украины, возможно без проведения судебного заседания и без вызова сторон (важно, что письменное производство предполагает рассмотрение и разрешение административного дела или отдельного процессуального вопроса в суде первой, апелляционной или кассационной инстанции на основании материалов дела без уведомления и/или вызова участников дела и проведения судебного заседания) [3].

Поэтому целесообразно внести законодательные изменения относительно пересмотра правомочности рассмотрения Верховным Судом малозначительных дел в порядке упрощенного производства.

В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос о целесообразности в будущем внесении соответствующих изменений в ч. 2 ст. 266 КАС Украины и изложении ее в следующей редакции: «Административные дела, указанные в пунктах 1–3 части первой настоящей статьи, рассматриваются в порядке упрощенного искового производства Верховным Судом в составе колле-

гии Кассационного административного суда не менее чем из пяти судей в порядке упрощенного искового производства с вызовом сторон» [3].

Выводы. В связи с вышеизложенным следует отметить, что упрощенное исковое производство в административном судопроизводстве играет важное значение с учетом необходимости быстрого решения публично-правовых споров в разумные сроки. Весьма важной составляющей в функционировании института упрощенных производств в суде первой инстанции является неукоснительное соблюдение прав и свобод человека.

Однако именно по причине неукоснительного соблюдения верховенства права при рассмотрении публично-правовых споров в порядке упрощенного производства, прав и свобод человека сегодня возникла необходимость внесения отдельных законодательных изменений по улучшению рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, в частности это касается права граждан по их ходатайству участвовать в судебном рассмотрении дела. Кроме того, дела, которые рассматриваются Верховным Судом, судом первой инстанции также должны рассматриваться по вызову сторон.

Список использованной литературы:

1. Кодекс адміністративного судочинства України від 06.07.2005 р. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2747-15>.

2. Магда С.О. До питання про форми адміністративного судочинства. *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Карахіна*. Серія «Право». 2018. Випуск 25. С. 89–91.

3. Берназюк Я. Просто про складне: особливості розгляду Верховним Судом справ у порядку спрощеного провадження. URL: <http://kdkako.com.ua/prosto-pro-skladne-osoblivosti-rozglyadu-verhovnim-sudom-sprav-u-poryadku-sproshchenogo>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Палий Евгения Анатольевна – соискатель кафедры административного и таможенного права Университета таможенного дела и финансов

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Paliy Evgeniya Anatolyevna – Applicant at the Department of Administrative and Customs Law of University of Customs and Finance

mtp2705@i.ua

УДК 342.728

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В УКРАИНЕ И ПОЛЬШЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Александр ПИФКО,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права
и сравнительного правоведения юридического факультета
ГВУЗ «Ужгородский национальный университет»

В статье исследуются проблемы конституционно-правового регулирования создания профессиональных союзов в Украине и Польше. Предлагается выделять два основных этапа создания профсоюзов: инициативно-организационный и легализационный. Анализируются особенности этих этапов создания профсоюзов по законодательству Украины и Польши. Определяется круг лиц, имеющих право на создание профессиональных союзов, и определяются предусмотренные законодательством предпосылки создания профессиональных союзов. На основании проведенного сравнительного исследования указывается на необходимость совершенствования отдельных положений украинского законодательства, регулирующего порядок создания профсоюзов.

Ключевые слова: профессиональные союзы, конституционно-правовой статус профессиональных союзов, создание профессиональных союзов, легализация профессиональных союзов, регистрация профессиональных союзов, право на объединение в профессиональные союзы.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF TRADE UNIONS IN UKRAINE AND IN POLAND: A COMPARATIVE STUDY

Aleksandr PIFKO,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Constitutional Law and Comparative Jurisprudence
of State Higher Institution "Uzhhorod National University"

The article explores the issues connected with the constitutional and legal regulation of the formation of trade unions in Ukraine and in Poland. It is suggested that two major phases of the formation of trade unions be distinguished: the initiation and establishment phase and the legalization phase. The article examines the peculiar features of these phases of the formation of trade unions under the law in Ukraine and in Poland. It identifies the scope of persons who have the right to form trade unions and specifies the conditions of the formation of trade unions provided for by law. The present comparative study shows that it is necessary to improve some provisions of Ukrainian law which regulates the formation of trade unions.

Key words: trade unions, constitutional and legal status of trade unions, formation of trade unions, legalization of trade unions, registration of trade unions, right to form and join trade unions.

Постановка проблемы. Профессиональные союзы (далее – профсоюзы) играют важную роль в любой современной демократической стране, поскольку они не только защищают трудовые права и осуществляют представительство интересов работающих лиц, но и участвуют в разработке и осуществлении государственной политики в области трудовых отношений, оплаты труда, охраны труда, социальной защиты, разработке государственной политики занятости населения, разработке государственной жилищной политики и тому подобное. Вместе с тем законодательство Украины и большинства стран Европейского Союза содержит ряд условий для создания профсоюза. Эти условия касаются как соответствующих требований в отношении лиц, которые создают профсоюз, так и непосредственно про-

цедуры создания профессиональных союзов. Действующий конституционно-правовой порядок создания профсоюзов непосредственно влияет на возможности защиты прав человека и гражданина, о чем свидетельствует рассмотрение этого вопроса Конституционным Судом Украины [1].

Целью и задачей статьи является сравнительное исследование проблем конституционно-правового регулирования создания профсоюзов в Украине и Польше.

Состояние исследования. В Украине отдельные аспекты создания профессиональных союзов исследовали такие ученые, как Ю. Гришина, Ю. Кириченко, В.Ю. Никифоров, М.В. Менджул, Я.В. Симутина, Ф.А. Цесарский, А.Ю. Шакирова, И.И. Шамшина и другие. Вместе с тем эта проблематика изучалась преимущественно в разрезе

трудового, гражданского и административного права [2–4]. В то же время отдельные сравнительно-правовые исследования, посвященные конституционно-правовым аспектам создания профессиональных союзов, практически не проводились.

Изложение основного материала. Ст. 36 Конституции Украины [5] предусматривает, что граждане имеют право на участие в профсоюзах с целью защиты своих трудовых и социально-экономических прав и интересов. Профсоюзы являются общественными организациями, объединяющими граждан, связанных общими интересами по роду их профессиональной деятельности. Профсоюзы создаются без предварительного разрешения на основе свободного выбора их членов. В соответствии со ст. 59 Конституции Польши [6] гарантируется свобода

объединения в профсоюзы, социально-профессиональные организации фермеров и в организации работодателей, которая может подлежать только таким законодательным ограничениям, которые предусмотрены международными актами, ратифицированными в Польше, а ст. 58 Конституции Польши предусматривает, что решение об отказе в регистрации объединений (в том числе и профсоюзов) принимает исключительно суд. Как видим, Конституция Польши, гарантируя право на объединение в профсоюзы, вместе с тем предусматривает возможность отказа в регистрации профсоюза, то есть при нарушении предусмотренной законодательством процедуры создания профсоюза он не получит легального статуса.

В юридической литературе предлагается выделять два этапа создания общественной организации как юридического лица: инициативно-организационный, включающий волеизъявление (инициативу) учредителей, которое выражается в принятии решения о создании общественной организации на общем собрании (конференции, съезде), разработку и утверждение устава и формирования органов управления; регистрационный, предусматривающий легализацию общественной организации и проведения государственной регистрации, в результате которого она приобретает статус юридического лица [4, с. 32]. По нашему мнению, эти два этапа вполне можно применять и при исследовании создания профсоюзов, хотя относительно профсоюзов второй этап создания целесообразнее и точнее будет называть не «регистрационный», а «легализационный», поскольку легализация профсоюзов имеет ряд особенностей по сравнению с другими общественными организациями и, согласно законодательству Украины, регистрация профсоюзов не является обязательной предпосылкой для их легализации.

Проанализируем особенности этих этапов создания профсоюзов по законодательству Украины и Польши. Прежде всего, очертим круг лиц, которые по законодательству указанных стран могут создавать профсоюз. Так, в соответствии со ст. 6 Закона Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [7] граждане Украины имеют право на основе свободного волеизъявления без какого-

либо разрешения создавать профсоюзы, вступать в них и выходить из них на условиях и в порядке, определенных их уставами, участвовать в работе профсоюзов, а иностранцы и лица без гражданства не могут создавать профсоюзы, но могут вступать в профсоюзы, если это предусмотрено их уставами. То есть создавать профсоюзы имеют право исключительно граждане Украины.

В то же время этот Закон Украины разделяет в отдельных статьях требования к лицам, которые имеют право на создание профсоюзов, и требования для лиц, которые могут быть членами профсоюзов. Так, в соответствии со ст. 7 Закона Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» членами профсоюзов могут быть лица, которые работают на предприятии, в учреждении или организации независимо от форм собственности и видов хозяйственной деятельности, у физического лица, которое использует наемный труд, лица, обеспечивающие себя работой самостоятельно, и лица, обучающиеся в учебном заведении. Если положение данных статей трактовать буквально, то следует, что право на создание профсоюзов имеют все граждане Украины, в то же время членами профсоюзов могут быть только лица, которые «работают на предприятии, в учреждении или организации независимо от форм собственности и видов хозяйственной деятельности, у физического лица, которое использует наемный труд, лица, которые обеспечивают себя работой самостоятельно, и лица, обучающиеся в учебном заведении».

Более удачно, по нашему мнению, положения о лицах, имеющих право на создание профсоюзов, сформулированы в Законе Польши «О профессиональных союзах» [8]. В соответствии со ст. 2 этого Закона право создавать и вступать в профсоюзы принадлежит лицам, занимающимся оплачиваемой работой, а волонтеры и лица, которые работают без получения вознаграждения, имеют право вступать в профсоюзы в случаях и на условиях, определенных уставами этих профсоюзов. Выход на пенсию или получение пенсии по инвалидности не лишает указанных лиц права быть членами профсоюзов. Лица, которые приняли решение о создании профсоюза, принимают его устав и выбирают учредительный

комитет в количестве от трех до семи человек. Отметим также, что данная редакция Закона Польши «О профессиональных союзах» вступила в силу с 1 января 2019 г. [9].

Следует отметить, что согласно ст. 12 Закона Польши «О профессиональных союзах» профсоюз создается на основании решения о его создании, принятого не менее 10 лицами, имеющими право на создание профсоюзов. То есть законодательно устанавливается минимально необходимое количество лиц для создания профсоюза. Такое минимальное количество учредителей профсоюза закрепляется в законодательстве многих стран Европейского Союза, например, в соответствии со ст. 7 Закона Латвийской Республики «О профессиональных союзах» [10] количество учредителей профсоюза не может быть меньше 15 человек. В Украине же законодательство не содержит положения, что для создания профсоюза необходимо определенное количество лиц, которые, согласно законодательству, имеют право на такое создание. Хотя отдельные ученые обращают внимание, что отсутствие в украинском законодательстве такого предписания вносит неопределенность в процедуру создания профсоюза, предлагается законодательно предусмотреть минимальную численность лиц, необходимых для создания профсоюза, поскольку это приведет к реальному наличию профсоюзного плюрализма [11, с. 332]. В этом вопросе ряд международных органов и организаций не считает ограничением права на объединение в профсоюзы установления требований относительно минимального членства, если эти требования установлены в разумных пределах, например, 5 человек в Эстонии, 10 человек в Польше или 15 человек в Румынии; вместе с тем минимальное количество членов профсоюза в количестве 30 человек уже считается избыточным и таким, которое ограничивает реализацию права на объединение в профсоюзы [12].

Важным элементом инициативно-организационного этапа создания профсоюза является принятие его устава. Специальные законы о профсоюзах содержат перечень положений, которые обязательно должны быть отражены в уставе профсоюза. Эти положения закреплены в ст. 14 Закона Украины

«О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» и в ст. 13 Закона Польши «О профессиональных союзах» и являются практически идентичными.

На втором этапе создания профсоюзов происходит их легализация. В соответствии со ст. 16 Закона Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» профсоюзы и их объединения легализуются путем уведомления на соответствие заявленному статусу. Легализация всеукраинских профсоюзов и их объединений, других профсоюзов и их объединений осуществляется центральным органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере государственной регистрации (легализации) объединений граждан, других общественных формирований. Профсоюз, объединения профсоюзов приобретают права юридического лица с момента утверждения устава (положения). Как видно из приведенных положений законодательства, регистрация профсоюза, по сути, не выступает необходимой предпосылкой для легализации профсоюзов в Украине.

Такое положение дел с легализацией профсоюзов обусловлено решением Конституционного Суда Украины, который признал неконституционными положения Закона Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в части установления таких условий легализации профсоюзов, которые фактически связывают начало деятельности созданного с целью обеспечения и защиты интересов работников профсоюза с моментом его регистрации в соответствующих органах, что равнозначно требованию о предварительном разрешении на образование профсоюза [1]. По мнению Конституционного Суда Украины, такая регистрация, если формально и не является стадией образования профсоюза, то фактически сводится к предыдущему разрешению на его деятельность [1].

Несколько иные подходы к легализации профсоюзов наблюдаются в законодательстве Польши. В соответствии со ст. 14 Закона Польши «О профессиональных союзах» [8], профсоюзы подлежат обязательной регистрации в Национальном Судебном Реестре Польши. Если учредительный комитет профсоюза в течение тридцати

дней с момента принятия решения о создании профсоюза не подает заявки на регистрацию, то такое решение о создании профсоюза теряет силу. Процедура государственной регистрации профсоюзов в Польше регулируется Законом Польши «О Национальном Судебном Реестре» [13]. Профсоюз в Польше, в отличие от Украины, приобретает статус юридического лица со дня его государственной регистрации. То есть профсоюз приобретает правосубъектность только после его регистрации в Национальном Судебном Реестре, а полномочия учредительного комитета профсоюза сводятся только к праву подавать соответствующее заявление о регистрации профсоюза.

С одной стороны, положение Закона Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» о том, что профсоюзы приобретают статус юридического лица с момента утверждения устава, упрощает процедуру легализации для профсоюзов и повышает уровень защиты трудовых прав. В то же время вполне оправданным и заслуживающим на полную поддержку кажется вывод М.В. Менджул [4, с. 34], что это положение Закона Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» не соответствует ч. 4 ст. 87 Гражданского Кодекса Украины [14] и положениям Закона Украины «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей» [15]. Также неоднозначным и противоречивым представляется положение Закона Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», по которому легализующий орган не может отказать в легализации профсоюза, объединения профсоюзов.

Выводы. Следует выделять два основных этапа создания профсоюзов – инициативно-организационный и легализационный. Хотя эти этапы достаточно подробно урегулированы в законодательстве, такое их регулирование в Украине и в Польше довольно существенно отличается и имеет ряд особенностей. Проведенный сравнительный анализ позволяет выделить ряд недостатков, противоречивых и неоднозначных положений законодательства Украины, которые касаются регулирования процедуры создания

профсоюзов. На инициативно-организационном этапе к таким недостаткам следует отнести запрет на создание профсоюзов иностранцами и лицами без гражданства, что определенным образом ограничивает возможности защиты трудовых прав этих лиц. Также в Законе Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» не совсем четко сформулированы требования к лицам, которые имеют право на создание профсоюзов. К недостаткам Закона Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в регулировании легализационного этапа создания профсоюзов, прежде всего, следует отнести то, что закрепленная им процедура легализации профсоюзов противоречит положениям ряда других законодательных актов Украины.

Список использованной литературы:

1. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційними поданнями народних депутатів України та Уповноваженого Верховної Ради України з прав людини щодо відповідності Конституції України (конституційності) статей 8, 11, 16 Закону України «Про професійні спілки, їх права та гарантії діяльності» (справа про свободу утворення профспілок) від 18 жовтня 2000 р. *Офіційний вісник України*. 2000. № 43. Ст. 1857.
2. Шакірова А.Ю. Адміністративно-правовий статус профспілок в Україні : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07. Ірпінь, 2015. 213 с.
3. Цесарський Ф.А. Захисна функція профспілок, форми її реалізації : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.05 «Трудове право; право соціального забезпечення». Харків, 2004. 21 с.
4. Менджул М.В. Створення окремих непідприємницьких товариств в Україні. *Бюлетень Міністерства юстиції України*. 2012. № 3. С. 30–35.
5. Конституція України від 28 червня 1996 р. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.
6. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19970780483>.
7. Про професійні спілки, їх права та гарантії діяльності : Закон

України від 15 вересня 1999 р. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1045-14>.

8. Ustawa z dnia 23 maja 1991 r. o związkach zawodowych. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19910550234>.

9. Ustawa z dnia 5 lipca 2018 r. o zmianie ustawy o związkach zawodowych oraz niektórych innych ustaw. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20180001608>.

10. Arodhiedrību likums URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=265207>.

11. Мамедова Р. Міжнародно-правові основи регулювання профспілкової діяльності. *Публічне право*. 2013. № 3. С. 330–335.

12. Thematic monitoring report presented by the Secretary General and decisions on follow-up action taken by the Committee of Ministers. PART II – Examples of legislation and practice on freedom of association in member states in application of Council of Europe's principles and standards. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805adf29.

13. Ustawa z dnia 20 sierpnia 1997 r. o Krajowym Rejestrze Sądowym. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19971210769>.

14. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 р. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15#n466>.

15. Про державну реєстрацію юридичних осіб, фізичних осіб – підприємців та громадських формувань : Закон України від 15 травня 2003 р. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/755-15>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пифко Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и сравнительного правоведения юридического факультета ГВУЗ «Ужгородский национальный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pifko Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Constitutional Law and Comparative Jurisprudence of State Higher Institution "Uzhhorod National University"

aleksandrpijko@gmail.com

УДК 342.9

ДЕЛИКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ, УРЕГУЛИРОВАННЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОМ

Владимир ПРИГЛАДЬ,

аспирант кафедры конституционного, административного и международного права Киевского института интеллектуальной собственности и права Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются административно-деликтные отношения и их трансформация под влиянием реформирования предмета административного права. В систему правоотношений, которые регулируются этой областью права, входят в качестве самостоятельного института административно-деликтные отношения или, как их называют в некоторых источниках, отношения административной ответственности. Административно-деликтные отношения – это симбиоз материальных и процессуальных правоотношений, которые возникают при совершении административного правонарушения. Сделан вывод, что в связи с закреплением в законе ответственности за уголовный проступок, в теории права необходимо рядом с административно-деликтным и криминальным правоотношением выделить уголовно-деликтное правоотношение.

Ключевые слова: деликт, административно-деликтные отношения, административное право, уголовно-деликтное правоотношение, административный проступок.

DELICATE RELATIONS IN THE SYSTEM OF LEGAL RELATIONS SETTLED BY ADMINISTRATIVE LAW

Vladimir PRIGLAD,

Postgraduate Student at the Department of Constitutional, Administrative and International Law of Kiev Institute of Intellectual Property and Law of National University "Odessa Law Academy"

SUMMARY

The article explores the administrative-tort relations and their transformation under the influence of the reform of the subject of administrative law. The system of legal relations, which are regulated by this area of law, includes administrative-tort relations or, as they are called in some sources, relations of administrative responsibility, as an independent institution. Administrative-tort relations are a symbiosis of material and procedural legal relations that arise when committing an administrative offense. It was concluded that in connection with securing responsibility for criminal misconduct in the law, in theory of law it is necessary to allocate a criminal and tort legal relationship alongside with administrative-tort and criminal legal relationship.

Key words: tort, administrative and tort relations, administrative law, criminal and tort legal relations, administrative offense.

Постановка проблемы. В период развития рыночных отношений и демократизации административного права общество и государство должны иметь арсенал правовых средств для борьбы с правонарушениями. В этих условиях важное место отводится административно-деликтному праву, призванному регулировать отношения, связанные с правонарушениями. В этой связи в современных условиях изменения

предмета регулирования административного права возникает проблема определения места и роли административно-деликтных отношений в системе правоотношений, урегулированных нормами этой отрасли права.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы, в то время как предмет административного права переосмысливается и возникают вопросы, свя-

занные с реформированием института административной ответственности.

Состояние исследования. Научный анализ проблем административно-деликтных отношений осуществлялся многими учеными, которые издали ряд учебных пособий и монографий, подготовили и защитили докторские диссертации: Л.В. Коваль «Административно-деликтное отношение» (1979 г.); И.П. Голосниченко «Предупреждение корыстных правонарушений средствами административного права» (1991 г.); А.И. Остапенко «Административная деликтология» (1995 г.); В.К. Колпаков «Административно-деликтный правовой феномен (2004 г.). Кроме того, защищен ряд кандидатских диссертаций по исследуемой проблематике. Однако изменение предмета административно-правового регулирования побуждает еще раз обратиться к проблеме административно-деликтных отношений.

Целью и задачей статьи является исследование административно-деликтных отношений в условиях изменений предмета административно-правового регулирования.

Изложение основного материала. В любом обществе существуют различные отношения между отдельными лицами, между лицами и разными органами и организациями. Все они до определенной меры упорядочены, организованы с помощью этических, религиозных, других социальных норм. Значительная часть из них регулируются нормами права. Такие отношения существуют во всех сферах жизни общества и в целом создают в нем правопорядок стабильного и целенаправленного характера [1, с. 432].

Правовые отношения возникают в процессе реализации правовых норм, которые содержат общеобязательные государственные предписания. Общественные отношения в сфере исполнительной власти, урегулированные административно-правовыми нормами, называются административно-правовыми отношениями. Стороны, которые принимают в них участие, являются носителями взаимных прав и обязанностей, установленных и обеспеченных административно-правовыми нормами [2, с. 25–30].

Итак, административно-правовые отношения – это урегулированные

нормами административного права общественные отношения, которые формировались в сфере деятельности исполнительной власти. Административно-правовые отношения являются разновидностью правоотношения вообще, а потому имеют все присущие им общие признаки [3, с. 20–21].

Поднимая вопрос понятия административно-правовых отношений, нужно отметить, что до недавнего времени административное право связывало их лишь с управленческими отношениями. Следует подчеркнуть ту ситуацию в советских учебниках по административному праву с предметом этой отрасли права (общественные отношения, которые регулировались административным правом), когда даже он не выделялся, не было даже раздела или параграфа, посвященного ему. Но каждый из учебников по данной учебной дисциплине начинался из главы или подраздела «Понятие советского государственного управления». Тем самым авторы хотели показать, что сердцевиной предмета административного права являются отношения государственного управления [4, с. 3–18].

В некоторых других учебниках, в том числе подготовленных в Украине, предмет административного права определялся, но также в них подчеркивалось, что этим предметом является государственное управление. Например, в учебнике под редакцией Р.С. Павловского записано: «Советское административное право является самостоятельной отраслью советского социалистического права, с помощью которого советское общенародное государство регулирует однородное общественные отношения в сфере государственного управления, развивает и укрепляет его демократические начала. Административному праву принадлежит особая роль в механизме правового воздействия. Оно выступает необходимым и важным инструментом управления разными социальными процессами в социалистическом обществе. Другими словами, это – управленческое право, которое отличается от других областей советского права спецификой предмета регулирования, юридической своеобразностью (особым методом регулирования) и структурными особенностями (системой расположения нормативного материала)» [5, с. 3].

До 1998 г. предметом административного права в Украине считалось государственное управление. Еще в 1999 г. в первом учебнике по административному праву было акцентировано внимание на государственном управлении. С 6 по 48 страницу рассматривалась сущность государственного управления, его понятие, особенности, соотношение с исполнительной властью. Дальше в главе 2 этого учебника, где описывался предмет административного права, его автор отмечает «предмет правового регулирования (далее предмет права) любой правовой отрасли представляет общественные отношения, которые ею регулируются. Итак, предмет административного права – это совокупность управленческих отношений, которые складываются в сфере государственного управления» [6, с. 53].

В это время ученые-административисты проводят анализ предмета административного права. Изучаются административно-правовые отношения, которые регулируются этой отраслью права. В подготовленном 1 разделе Концепции реформы административного права Украины (проект), который был назван «Общие принципы реформирования административного права: новые взгляды на его роль, содержание и систему в демократическом, правовом государстве», подраздел 2 «Обогащение содержания предмета административного права» посвящается пересмотру отношений, которые регулируются административным правом [7, с. 5–7].

Научное представление о предмете административного права, то есть об административно-правовых отношениях, обновилось с появлением указанного выше документа. Расширилась сфера общественных отношений, которые подлежали регулированию данной отрасли права. Административное право должно регулировать государственное управление, которое осуществляется не только органами исполнительной власти, но и органами местного самоуправления. Сделан вывод о необходимости дерегулирования управленческих процессов в сфере экономики. В Концепции было указано: «Переход экономики Украины к рыночным условиям хозяйствования соответствующим образом повлиял

и на содержание управления в этой сфере. Если в деле защиты прав и свобод граждан, охраны общественного порядка и в некоторых направлениях административно-политической деятельности государственно-управленческое воздействие усиливается, то сфера экономики больше нуждается в дерегулировании экономических процессов со стороны государства и использования соответствующих рычагов рыночной саморегуляции» [7, с. 6].

В Концепции было предусмотрено приблизить органы исполнительной власти и местного самоуправления к человеку, ввести в Украине предоставление административных услуг и административную юстицию [7, с. 6]. Особое внимание уделено административно-процедурным отношениям.

Административно-правовые отношения имеют и другие особенности:

- обязанности и права сторон данных отношений асимметричны, они связаны с деятельностью исполнительных органов государства и других субъектов исполнительной власти;

- одной из сторон в этих отношениях всегда выступает субъект административной власти (орган, должностное лицо, негосударственная организация, наделенные государственно-властными полномочиями);

- данные отношения чаще всего возникают из инициативы одной из сторон;

- в случае нарушения административно-правовой нормы нарушитель несет ответственность перед государством;

- разрешение споров между сторонами, как правило, осуществляется в административном порядке.

Е.И. Харитонova выделяет еще одну особенность, характерную для административно-правовых отношений: «Административно-правовые отношения всегда (органически) являются волевыми, поскольку даже при наличии правовой нормы они в дальнейшем не могут быть реализованными без волеизъявления того из его участников, который имеет право (уполномочен) выдать властный акт» [8, с. 153]. Существует значительное разнообразие административных правоотношений. В зависимости от целей властной деятельности отношения могут быть регулятивными или охранительными; наиболее известная раз-

новидность последних – деликтные, на которых мы остановимся ниже.

Правоотношение возникает при совершении отдельными лицами деликтов. Согласно существующей теории права (особенно в прошлом), под деликтом понималось причинение вреда отдельному лицу, его семье или имуществу вследствие прямого или косвенного нарушения прав этого лица с возникновением обязанности возместить вред [9]. В некоторых источниках и в наше время термин «деликт» относят к гражданскому праву. Так, А.Б. Венгерov, перечисляя разнообразие правонарушений, пишет: «Противоправное поведение в своих крайних уголовно-правовых формах – преступление – именуется деянием (преступное деяние) и изучается наукой уголовного права. В науке гражданского права правонарушение обозначается как деликт. В науке административного права выделяется административное правонарушение – проступок» [10, с. 473]. В Украине понятие деликта трактуется более широко. Так, в юридической энциклопедии оно дано в следующей формулировке: «Деликт (лат. *Delictum* – «вина, проступок») – правонарушение, то есть незаконное действие, проступок, преступление. В зависимости от норм, которые нарушены, различают деликты: гражданско-правовые (причинение вреда имуществу гражданина или учреждению, причинение вреда лицу и др.), административно-правовые (нарушение правил дорожного движения, мелкое хулиганство и др.), трудовые (нарушение трудового законодательства), дисциплинарные (прогул, опоздание на работу и др.), криминально-правовые (хулиганство, убийство и другие преступления). Деликт является основанием для привлечения юридических и физических лиц, его совершивших, к юридической ответственности» [11, с. 55].

Ведь деликт представляет собой юридический факт, на основе которого при нарушении норм административного законодательства возникают административно-правовые отношения.

На монографическом уровне еще в 1979 г. проблеме административно-деликтных отношений исследовал профессор Киевского университета им. Тараса Шевченко Л.В. Коваль. Он представлял эти отношения как систему групп определенных деяний, которые

возникают в связи с совершением административного проступка. «Возможность системы административно-деликтного отношения задана в его свойствах, которые условно можно назвать системными. С одной стороны, деликтное правоотношение допускало дифференциацию на составные его компонента, и это расчленение приводит к понятию элемента – отдельного правоотношения, свойства и функции которого определяются его местом в рамках целого. С другой стороны, возможен обратный, но на другом качественном уровне, процесс воссоединения элементов, то есть раньше расчлененные правоотношения могут быть синтезированы. В результате административно-деликтное отношение, которое представляет собой конгломерат элементов и связей, превращается в систему как целое, где четко различаются элементный состав, внутренние связи, становится понятной динамика их функционирования и развития. А через систему возможно объяснить и составные ее компонента. Но системная сущность деликтного отношения показывается не столько через анализ структуры каждое единичного правоотношения, сколько через показ целеустремленности его функций. Интегративные системные качества отдельного правоотношения как членов более широкой системы четко проявляются при функционально-целевом подходе к исследованию административно-деликтного отношения. Под запланированным результатом правоотношения в связи с содеянной виной понимается мера успешности в этой правовой связи, иначе говоря, степень достижения поставленной перед ней цели. Этим результатом может быть желательное действие или сумма действий. Мы различаем конечную цель административно-деликтных отношений. Ею является защита правопорядка, искоренение административных правонарушений и ближайшая цель – наказание конкретного правонарушителя» [12, с. 46–47].

Глубоким исследованием административно-деликтных отношений в Украине считается исследование на уровне докторской диссертации В.К. Колпакова [13]. В этой работе на основании онтологических и гносеологических свойств администра-

тивный деликт рассматривается как социальное явление. Исследуется его социально-правовая природа, трансформация в административное правонарушение в советском праве, освещается состояние раскрытия проблемы в современный период, акцентируется внимание на административно-деликтных отношениях. Значительное внимание уделено административно-деликтному процессу [13, с. 528].

Оценивая значение административно-деликтных отношений для общества, нужно заметить, что данный институт административного права (институт административной ответственности) выполняет определенные функции государства. Он вместе с криминальным правом охраняет установленные материальные отношения в Украине от противоправных посягательств. Назначением административной ответственности, прежде всего, является защита прав и свобод человека. Ст. 1 Кодекса Украины об административных правонарушениях, которая определяет его задачи, на первое место среди других задач ставит охрану прав и свобод граждан, которая не вызывает никаких сомнений [14, ст. 1]. Ведь Конституция гласит: «Человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью» [15]. Под защитой административно-деликтных норм находятся также собственность, конституционный порядок Украины, права и законные интересы предприятий, учреждений и организаций, установленный правопорядок.

Еще одним важным назначением административно-деликтных отношений является их превентивная (предупредительная) функция, ведь наличие административной ответственности побуждает юридических и физических лиц к соблюдению законодательства. В основе этого лежит моральное воздействие на субъекта правоотношения, упреждающее противоправные действия.

Предупреждение противоправного бездействия также необходимо рассматривать в качестве моральной акции, цель которой – создать необходимые этические предпосылки, способные предупредить нарушение административно-правовой нормы. Учитывая рас-

пространность административных правонарушений в отличие от преступлений, нужно признать, что применение превентивных методов воздействия более эффективно.

Альтернативная функция административной ответственности проявляется также и в общегосударственных интересах. Любое государство объективно заинтересовано в правовой регламентации особых принудительных методов, не связанных с применением к гражданам и юридическим лицам специальных мер физического или психического принуждения, присутствующих криминальному преследованию.

Административно-деликтные отношения – это отношения административной ответственности. Административная ответственность в узком понимании означает применение, реализацию административного взыскания. Такой подход является объективным в определении административной ответственности. Это обязанность лица отвечать перед государством, ее органом за содеянное противоправное действие в пределах установленного законом взыскания. Административная ответственность характеризуется негативной реакцией государства на противоправные проявления отдельных физических лиц путем установления соответствующих правил, запретов и адекватных их нарушениям санкций относительно нарушителей [16, с. 6].

Считается, что административно-деликтные отношения в данное время возникают при совершении административных проступков, в основном предусмотренных в Кодексе Украины об административных правонарушениях [14]. Объективно это не совсем так. Много норм, содержащих составы административных правонарушений, правильно отнесены к этому кодексу. Но есть целый ряд правонарушений, которые к административным проступкам в действительности не имеют отношения, как это еще в 2000 г. подчеркивали И.П. Голосниченко и И.Б. Колиушко. Они писали: «Эти проступки не являются административными, поскольку отношения, которые охраняются названными выше нормами, не имеют никакого отношения к государственному управлению или местному самоуправлению. Но это и не преступления, так как они не несут

большой общественной опасности. Возникает вопрос, с которым же видом правонарушений в этом случае мы имеем дело. Обратимся за опытом к законодательству зарубежных стран. Большинство из них в системе криминального законодательства имеют статьи, нормы которых предусматривают составы преступлений, и статьи, в которых предполагаются составы криминального проступка (например, Франция, Нидерланды, Великобритания, США и т. п.). За совершение криминального проступка в основном предусмотрены невысокие взыскания, которые не тянут за собой судимости». В то время вводить на законодательном уровне понятие «криминальный проступок» не было своевременным. И потому авторы статьи, в которой исследовались вопросы классификации правонарушений, не настаивали на выделении такого вида правонарушений. Они предложили в качестве альтернативы на переходной период выделить «подсудный проступок» и обосновали необходимость предусмотреть ответственность за его совершение на законодательном уровне [17]. Ныне можно уже на законодательном уровне закрепить нормы, предусматривающие составы криминальных проступков, ведь в Криминальном процессуальном кодексе Украины уже предусмотрены особенности их досудебного расследования [18, ст. ст. 298–302]. Украина подписала Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом. Еще раньше Законом Украины была утверждена Общегосударственная программа адаптации законодательства Украины к законодательству Европейского Союза, где было записано: «Адаптация законодательства Украины является планомерным процессом, который включает несколько последовательных этапов, на каждом из которых должна достигаться определенная степень соответствия законодательства Украины с *acquis* Европейского Союза» [19]. Думается, уже настало время реформировать и административно-деликтное, и криминальное законодательство.

В теории права необходимо рядом с административно-деликтным и криминальным правоотношением выделить уголовно-деликтное правоотношение.

Таким образом, административно-деликтные отношения – это симбиоз

материальных и процессуальных правоотношений, которые возникают при совершении административного правонарушения.

Выводы. Концепция реформы административного права (проект) кардинально изменила научное представление о предмете административного права, в этой связи административно-правовые отношения обновилась с появлением указанного выше документа. Административное право должно регулировать управление, которое осуществляется не только органами исполнительной власти, но и органами местного самоуправления. Сделан вывод о необходимости дерегулирования управленческих процессов в сфере экономики. Концепция отнесла к административно-правовым отношениям предоставление административных услуг и административную юстицию. В систему правоотношений, которые регулируются этой областью права, входят в качестве самостоятельного института административно-деликтные отношения или, как их называют в некоторых источниках, отношения административной ответственности. Административная ответственность в узком понимании означает применение, реализацию административного взыскания. Это обязанность лица отвечать перед государством, ее органом за содеянное противоправное действие в пределах установленного законом взыскания. Административно-деликтные отношения – это симбиоз материальных и процессуальных правоотношений, которые возникают при совершении административного правонарушения.

Список использованной литературы:

1. Теорія держави і права. Академічний курс. Підручник. Київ : Юрінком Інтер, 2006. 686 с.
2. Овсянко Д.М. Административное право : Учебное пособие. Изд. 3-е, перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2002. 468 с.
3. Бахрах Д.Н. Административное право : Учебник для вузов. М.: Издательство ВЕК, 1999. 368 с.
4. Советское административное право. Учебник / Под ред. П.Т. Василенкова. Москва : Юрид.лит, 1990. 576 с.
5. Советское административное право. Учебник / Под ред. Р.С. Павловского. Київ : «Вища школа», 1986. 416 с.
6. Колпаков В.К. Адміністративне право України. Підручник. Київ : Юрінком Інтер. 1999. 736 с.
7. Концепція реформи адміністративного права України (проект). Київ : Мінюст України. 1998.
8. Харитонов О.І. Адміністративно-правові відносини (Проблеми теорії). Одеса : Юридична література, 2004. 324 с.
9. Теория и история права и государства. История права. URL: <https://jurisprudence.club/istoriya-prava-uchebnik/deliktvi-ponyatie-publichnyih-chastnyih.html>.
10. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов. Москва : Омега-Л, 2004. 608 с.
11. Підпригора О.А., Чурпіга В.В. Юридична енциклопедія : в 6 т. / [голова редкол. Ю.С. Шемшученко]. Київ : Вид-во «Українська енциклопедія» імені М.П. Бажана, 1998–2004. Т. 2: Д–Й. 1999. 742 с.
12. Коваль Л.В. Административно-деликтное отношение. Монография. Киев : «Вища Школа», 1979. 231 с.
13. Колпаков В.К. Адміністративно-деліктний феномен. Монографія. Київ : Юрінком Інтер. 2004. 526 с.
14. Кодекс України про адміністративні правопорушення. *Відомості Верховної Ради України*. 1984. Додаток до № 51. Ст. 1122.
15. Конституція України. *Відомості Верховної Ради України*. 1996. № 30. Ст. 141.
16. Адміністративна відповідальність (загальні положення та правопорушення у сфері обігу наркотиків) : Навчальний посібник / За заг. ред. доктора юридичних наук, професора І.П. Голосніченка. Київ : КІВС, 2003. 112 с.
17. Коліушко І.Б., Голосніченко І.П. До проблеми розмежування адміністративних проступків від проступків, що підпадають під юрисдикцію суду. *Право України*. 2000. № 3. С. 46–51.
18. Кримінальний процесуальний кодекс України. *Відомості Верховної Ради України*. 2013. № 9-10, № 11-12, № 13. Ст. 88.
19. Про Загальнодержавну програму адаптації законодавства України до законодавства Європейського

Союзу: Закон України. *Відомості Верховної Ради України*. 2004. № 29. Ст. 387.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пригладь Владимир Викторович – аспирант кафедры конституционного, административного и международного права Киевского института интеллектуальной собственности и права Национального университета «Одесская юридическая академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Priglad Vladimir Viktorovich – Postgraduate Student of the Department of Constitutional, Administrative and International Law of Kiev Institute of Intellectual Property and Law of National University “Odessa Law Academy”

golosnichenko@ukr.net

УДК 342.95

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ МАЛОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ

Александр РОЗГОН,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Высшего учебного частного заведения
«Днепропетровский гуманитарный университет»

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы научные концепции понятий правовой статус субъекта административного права и правовой статус субъекта административных отношений, рассмотрены положения отечественного законодательства, определяющего основные положения административно-правового статуса субъектов малой приватизации, предложена авторская концепция правового статуса субъектов малой приватизации как участников административно-правовых отношений в этой сфере.

Ключевые слова: субъекты приватизации, органы приватизации, малая приватизация, административно-правовые отношения, административно-правовой статус, субъект административного права, субъект административных правоотношений.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS SUBJECTS OF SMALL PRIVATIZATION

Aleksandr ROZGON,
Teacher at the Department of Civil Law Disciplines
of Private Institution of Higher Education
“Dniprovsk University of the Humanities”

SUMMARY

The article analyzes the scientific concepts of the legal status of a subject of administrative law and the legal status of a subject of administrative relations, discusses the provisions of domestic legislation defining the main provisions of the administrative and legal status of subjects of small privatization, proposes the author's concept of the legal status of subjects of small privatization as participants of administrative law sphere.

Key words: subjects of privatization, privatization bodies, small privatization, administrative and legal relations, administrative and legal status, subject of administrative law, subject of administrative legal relations.

Постановка проблемы. Государственные и коммунальные предприятия являются основой экономики государства, обеспечивают наполнение государственного бюджета; их инфраструктура, являясь частью механизма реализации социальной функции государства, предназначена удовлетворять жизненные потребности работников, укреплять средний класс. По убеждению И.В. Розпутенко, цель украинского государства заключается в том, чтобы украинцы становились богаче, культурнее и здоровее и их было больше [14, с. 65]. В то же время история публичного управления государственным и коммунальным имуществом за время независимости Украины содержит много примеров бесхозяйственного использования мощностей предприятий страны, которые не способствовали обогащению и укреплению нации.

Приватизация государственных предприятий, отмечает Н.И. Берзона, – сложная социальная, экономическая и организационно правовая проблема.

С одной стороны, нужно передать бывшую общественную собственность в руки настоящих хозяев, людей трудолюбивых и предприимчивых, а с другой – невозможно допустить обогащения так называемой номенклатуры, государственных чиновников. Необходимо создать справедливый доступ для получения собственности для каждого человека [5, с. 27–28]. Однако только малая приватизация в Украине частично отвечает ожиданиям общества.

Одной из главных причин неэффективности отечественной приватизации и искажения ее первичной социально направленной цели, на наш взгляд, стала недооценка роли административно-правовых отношений в этой сфере, нехватка профессиональных, некоррумпированных государственных и муниципальных служащих. Невершенный механизм административно-правового регулирования отношений приватизации, который не соответствовал уровню развития экономики и общества, только усилил негативные тенденции. Современный Закон Укра-

ины «О приватизации государственного и коммунального имущества» содержит ряд новых механизмов, способных вернуть доверие украинцев к приватизации.

Целью и задачей статьи. Целью этой статьи является выяснение понятия, признаков и содержания административно-правового статуса субъектов малой приватизации. В соответствии с обозначенной целью задачами исследования в рамках этой статьи были определены осуществление анализа научных концепций административно-правового статуса субъекта административного права и субъекта административно-правовых отношений, их сравнительная характеристика, рассмотрение особенностей правового регулирования участия субъектов малой приватизации в административных правоотношениях.

Состояние исследования. Научным сообществом основательно исследованы понятие, содержание, признаки, структура и элементы административно-правовых отношений,

а также вопросы правового статуса субъектов административного права и участников административных правоотношений. Свой вклад в развитие указанных концепций сделали такие ученые, как В.Б. Аверьянов, С.С. Алексеев, С.Н. Алферов, Д.Н. Бахрах, В.В. Галунько, И.П. Голосниченко, З.Р. Кисиль, Т.А. Коломоец, В.К. Колпаков, Е.В. Куренной, Ю.Д. Кучинский, А.В. Литовченко, А.В. Макаренко, С.Г. Стеценко, А.И. Харитонов, Ю.Н. Фролов, Э.А. Шевченко и другие. Однако процесс изучения административно-правового статуса субъектов малой приватизации осложняется тем, что в Украине отсутствуют фундаментальные научные исследования по этому вопросу. Несмотря на достаточную актуальность этой проблемы, монографические исследования административно-правовых отношений и их содержания в сфере малой приватизации в Украине не проводилось.

Изложение основного материала.

С учетом определения понятия приватизация и критериев малой приватизации, обозначенных Законом Украины «О приватизации государственного и коммунального имущества» от 18 января 2018, мы считаем, что малая приватизация – это совокупность общественных отношений, существующих в процессе взаимодействия субъектов приватизации при применении мер организационного, технического, информационного, правового характера, связанных с подготовкой, проведением и оформлением результатов продажи на электронных аукционах единых имущественных комплексов государственных и коммунальных предприятий, их структурных подразделений, отдельного имущества, объектов незавершенного строительства, объектов социально-культурного назначения, пакетов акций, других объектов, стоимость которых, по данным финансовой отчетности за последний отчетный год, не превышает 250 000 000 гривен, в результате которого право собственности переходит от государства или территориальной общины к гражданам и юридическим лицам. То есть субъекты малой приватизации являются участниками общественных отношений, возникающих в связи с подготовкой, проведением и оформлением результатов привати-

зации объектов, стоимость которых по данным финансовой отчетности за последний отчетный год не превышает 250 000 000 гривен. Часть этих отношений составляют административно-правовые отношения.

Мы считаем, что административно-правовые отношения в сфере малой приватизации имеют такие признаки: 1) одной из сторон в сфере малой приватизации являются органы приватизации – Фонд государственного имущества Украины (ФГИУ), его региональные отделения и представительства в районах и городах, органы приватизации в Автономной Республике Крым, органы приватизации территориальных общин, которые являются субъектами государственно-властной деятельности, а их деятельность связана с реализацией властных полномочий; 2) отношения в сфере малой приватизации имеют управленческий характер, поскольку органы приватизации осуществляют управление объектами государственной собственности, в отношении которых принято решение о приватизации и утвержден план приватизации; создают комиссии по приватизации и аукционные комиссии; 3) отношения в сфере малой приватизации урегулированы административно-правовыми нормами, содержащимися в законах Украины «О приватизации государственного и коммунального имущества», «О Фонде государственного имущества Украины» и подзаконных актах; 4) имеют государственно-общественный характер, поскольку приватизация осуществляется в соответствии с ч. 2 ст. 2 Закона Украины «О приватизации государственного и коммунального имущества» на основе принципов государственного регулирования и контроля, полного, своевременного и достоверного информирования об объектах приватизации и порядке их приватизации, открытости и прозрачности; 5) являются отношениями власти-подчинения и определяются юридическим неравенством сторон, поскольку органы приватизации утверждают планы приватизации имущества, находящегося в государственной собственности; подтверждают факт передачи государственного имущества в уставный капитал хозяйственных обществ, образованных в процессе приватизации; обеспечивают контроль

в области организации и проведения приватизации государственного имущества и контроль своевременного и полного поступления средств от продажи объектов приватизации; 6) возникают по инициативе органов приватизации, без согласия покупателей, поскольку именно ФГИУ и органы приватизации территориальных общин принимают решение о приватизации, утверждают перечни объектов малой приватизации; принимают решение о прекращении юридического лица в процессе приватизации; осуществляют возврат в государственную или коммунальную собственность государственного имущества, которое было приватизировано с нарушением законодательства; 7) за нарушение законодательства о приватизации должностные лица органов приватизации, других органов исполнительной власти несут уголовную, административную, материальную и дисциплинарную ответственность; должностные лица предприятий, на балансе которых находятся объекты приватизации, несут административную ответственность в виде штрафа; в случае неуплаты средств за объект приватизации согласно договору купли-продажи в течение 30 дней со дня заключения договора и его нотариального удостоверения покупатель платит в пользу органа приватизации неустойку в размере 5 процентов цены продажи объекта, а в случае неуплаты средств согласно договору купли-продажи в течение следующих 30 дней договор подлежит расторжению и т. д. (ст. 29 Закона Украины «О приватизации государственного и коммунального имущества»); 8) в статье 30 «Особенности рассмотрения споров о приватизации государственного или коммунального имущества» Закона Украины «О приватизации государственного и коммунального имущества» отмечается, что споры по приватизации государственного или коммунального имущества, кроме споров, возникающих из публично-правовых отношений и отнесенных к компетенции административных судов, решаются хозяйственным судом. Таким образом, мы определяем административно-правовые отношения в сфере малой приватизации как отношения государственного управления и государственного регулирования, одним из участников которых

является орган приватизации, который реализует свои властные полномочия в процессе подготовки, проведения и оформления результатов приватизации объектов, стоимость которых, согласно данным финансовой отчетности за последний отчетный год, не превышает 250 000 000 гривен.

Характеризуя административно-правовой статус субъектов малой приватизации как субъектов административно-правовых отношений, необходимо его отличать от правового статуса как субъекта административного права. Оба термина используют понятие «административно-правовой статус», который В.Б. Аверьянов определяет как комплекс конкретно определенных субъективных прав и обязанностей, которые закреплены за соответствующим субъектом нормами административного права и реализуются этим лицом как в административных правоотношениях, так и вне их [1, с. 194].

Анализ исследований содержания правового статуса субъекта административного права, отраженных в работах таких ученых, как В.Б. Аверьянов, В.К. Колпаков, Д.Н. Бахрах, Т.А. Мацелик и других, позволил определить его признаки: установленный административно-правовыми нормами; свидетельствует о потенциальной способности субъекта иметь права и обязанности в сфере государственного управления – административная правоспособность и возможность реализовывать предоставленные права и обязанности в сфере государственного управления – административная дееспособность, которые в совокупности образуют административную правосубъектность; свидетельствует о способности вступать в административные правоотношения, закрепляет внешнюю обособленность, что предполагает самостоятельность в реализации своих прав и обязанностей в сфере государственного управления при удовлетворении собственных интересов, целей и воли [2, с. 183–184; 7, с. 74; 15, с. 420; 4, с. 124–125; 9, с. 160; 3, с. 138–139; 6, с. 573; 17, с. 260]. В то же время в работах этих ученых правовой статус субъекта административных правоотношений характеризуется следующими признаками: свидетельствует о фактической реализации административной правосубъектности и фактическом ношении правовых связей, то есть их обязательной реальной реализации; реальное участие субъекта в организации публичного управления (государственного и муниципального), в самой управленческой деятельности, а также в процессе управления (административных процедурах) [2, с. 183–184; 15, с. 419]. При обнаружении связи понятий «субъект административного права» и «субъект административных правоотношений» необходимо согласиться с мнением таких ученых, как В.Б. Аверьянов и В.К. Колпаков, которые утверждают, что субъект административного права определяется именно потенциальной способностью вступать в административные правоотношения [1, с. 189; 7, с. 74], а также с позицией Ю. Фролова, который определяет субъекта административного права как самостоятельное лицо, которое обладает административной правосубъектностью, то есть является самостоятельным носителем субъективных прав и юридических обязанностей, предусмотренных нормами административного права, который имеет потенциальную способность реализовывать собственную волю в административно-правовых отношениях [16, с. 551]. С учетом указанного можно сделать вывод, что понятие «субъект правоотношений» ученые считают более узким, чем понятие «субъект права». В подтверждение этого приведем мнение Д.Н. Бахраха, который считает, что правоотношения является главным каналом реализации правовых норм, а носитель прав и обязанностей, как правило, становится субъектом правоотношений [4].

С другой точки зрения, субъекты административно-правовых отношений активно реализуют свою правосубъектность, в отличие от субъектов административного права. Так, Ю.Н. Стариков определяет субъектов административного права как реальных участников административно-правовых отношений [15, с. 419]; М.В. Костев считает, что в тех или иных конкретных случаях носитель прав и обязанностей может и не быть участником реальных правоотношений [8, с. 26–27], тогда как субъект административных правоотношений, напротив, всегда является фактическим

участником правоотношений, принимая в них реальное участие.

В связи с принятием нового Закона Украины «О приватизации государственного и коммунального имущества» научным сообществом еще основательно не исследованы административно-правовые отношения в сфере малой приватизации с учетом его новелл. Мы считаем, что именно Закон Украины «О приватизации государственного и коммунального имущества» является основным нормативно-правовым актом, регулирующим административно-правовые отношения в сфере малой приватизации, и определяет административно-правовой статус субъектов малой приватизации.

В соответствии со ст. 6 Закона «О приватизации государственного и коммунального имущества» субъектами приватизации являются государственные органы приватизации, местные советы, органы приватизации территориальных общин, покупатели.

Единую систему государственных органов приватизации составляют ФГИУ, его региональные отделения и представительства в районах и городах, органы приватизации в Автономной Республике Крым.

Для продажи объектов малой приватизации государственными органами приватизации органом местного самоуправления в течение 10 рабочих дней со дня принятия решения о приватизации объекта образуется аукционная комиссия, деятельность которой регулируется положением, утверждаемым ФГИУ, органом местного самоуправления (ст. 15). Аукционные комиссии разрабатывают условия продажи объектов приватизации, которые утверждаются органами приватизации. К проведению первого аукциона по продаже объекта малой приватизации аукционная комиссия одновременно устанавливает стартовые цены и условия продажи объекта малой приватизации на аукционах. Стартовая цена объекта малой приватизации определяется аукционной комиссией на уровне балансовой стоимости объекта (активов объекта) малой приватизации. В случае отсутствия балансовой стоимости объекта (активов объекта) малой приватизации такая стоимость устанавливается аукционной комиссией на основании стоимости, определенной в соответ-

ствии с Методикой оценки, утверждается Кабинетом Министров Украины. Если объектом малой приватизации являются акции, доли, стартовая цена объекта малой приватизации устанавливается на уровне номинальной стоимости пакета акций (долей) (ч. 4 ст. 22). ФГИУ по представлению аукционной комиссии определяет срок выполнения обязательств, определенных в договоре купли-продажи, который, как правило, не должен превышать пяти лет [10].

Также субъектом, наделенным властными полномочиями в сфере малой приватизации, является Специальная контрольная комиссия Верховной Рады Украины по вопросам приватизации, которая образуется из числа депутатов с целью обеспечения контроля осуществления приватизации, соблюдения законодательства Украины о приватизации и анализа ее последствий. В соответствии с Постановлением Верховной Рады Украины «О Контрольной комиссии Верховной Рады Украины по вопросам приватизации» контрольная комиссия Верховной Рады Украины по вопросам приватизации по результатам проверок в случае выявления фактов нарушения законодательства по вопросам приватизации ставит перед уполномоченными органами приватизации вопрос о приостановлении явно незаконных распоряжений и действий этих органов, указывает на недостатки, допущенные должностными лицами государственных органов приватизации, обязывает их устранить выявленные нарушения, входит с предложениями в вышестоящие по подчиненности органов об устранении должностных лиц от занимаемых должностей. Решения Контрольной комиссии, принятые в пределах ее компетенции, являются обязательными для рассмотрения государственными органами и должностными лицами. О результатах рассмотрения государственные органы или должностные лица должны сообщить комиссии в сроки, установленные действующим законодательством [12].

Покупателями объектов приватизации могут быть граждане Украины, иностранные граждане, юридические лица, зарегистрированные на территории Украины, юридические лица других государств, кроме: 1) органов

государственной власти; 2) государственных предприятий, собственником которых является государство Украина; 3) государственных хозяйственных объединений, государственных холдинговых компаний, государственных акционерных общества (компаний), их дочерних компаний и предприятий; 4) работников государственных органов приватизации; 5) покупателей, зарегистрированных в офшорах с непрозрачной структурой собственности, а также покупателей, которые происходят из государства-агрессора; 6) государства, признанного Верховной Радой Украины государством-агрессором, а также юридических лиц, в которых такое государство имеет участие, и лица, находящиеся под контролем таких юридических лиц; 7) юридических лиц, бенефициарным владельцем 10 и более процентов акций (долей) которых является резидентом государства, признанного Верховной Радой Украины государством-агрессором; 8) физических лиц – граждан и/или резидентов государства, признанного Верховной Радой Украины государством-агрессором; 9) юридических лиц, зарегистрированных в соответствии с законодательством государств, включенных FATF в список государств, не сотрудничающих в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, а также юридические лица, 50 и более процентов уставного капитала которых принадлежат прямо или косвенно таким лицам; 10) юридических лиц, информация о бенефициарных владельцев которых не раскрыта в нарушение требований Закона Украины «О государственной регистрации юридических лиц, физических лиц – предпринимателей и общественных формирований»; 11) физических и юридических лиц, в отношении которых применены специальные экономические и другие ограничительные меры (санкции) в соответствии с Законом Украины «О санкциях», а также связанных с ними лиц; 12) лиц, которые были стороной продажи объекта приватизации в Украине и с которыми был расторгнут договор купли-продажи объекта приватизации в связи с нарушением со стороны таких лиц, а также связанных с ними лиц; 13) советников, привлеченных для подготовки объекта к приватизации. Перечень прав и обязанностей покупателей как участников

административно-правовых отношений в сфере малой приватизации в Законе Украины «О приватизации государственного и коммунального имущества» не конкретизирован.

Посредниками между органами приватизации и покупателями в сфере малой приватизации являются администратор электронной торговой системы – государственное предприятие «Прозорро. Продажи», что относится к сфере управления Министерства экономического развития и торговли и отвечает за обеспечение функционирования электронной торговой системы, а также оператор электронной площадки, то есть юридическое лицо, имеющее право использовать электронную площадку и действовать в соответствии с договором, заключенным с администрацией электронной торговой системы [11].

Выводы. Таким образом, административно-правовой статус субъектов малой приватизации – это комплекс субъективных прав и обязанностей, которые закреплены за государственными органами приватизации, местными советами, органами приватизации территориальных общин, Специальной контрольной комиссией Верховной Рады Украины по вопросам приватизации, администратором электронной торговой системы, операторами электронной площадки и покупателями, нормами административного права, содержащимися в приватизационном законодательстве. С учетом того, что детальное правовое регулирование получил только административно-правовой статус ФГИУ как основного органа приватизации, на наш взгляд, требуется разработка и внедрение в законодательство перечня прав и обязанностей в сфере малой приватизации местных советов, органов приватизации территориальных общин; администратора электронной торговой системы, оператора электронной площадки и покупателей. Разработка таких перечней и дополнения ими соответствующих статей Закона Украины «О приватизации государственного и коммунального имущества» позволит систематизировать, структурировать, упорядочить административно-правовые отношения в сфере малой приватизации и повысить ее эффективность.

Список использованной литературы:

1. Адміністративне право України. Академічний курс : підручник : у 2 т. / за ред. В.Б. Авер'янова. Київ : Юридична думка, 2004. Т. 1: Загальна частина. 2004. 584 с.

2. Адміністративне право України. Академічний курс : підручник : у 2 т. / ред. колегія: В.Б. Авер'янов (голова). Київ : Вид-во «Юридична думка», 2007. Т. 1. Загальна частина. 592 с.

3. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. Москва : Юридическая литература, 1982. Т. 2. 360 с.

4. Бахрах Д.Н. Административное право : Учебник для вузов. 3-е изд., пересмотр и доп. / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. Москва : Норма, 2007. 816 с.

5. Берзон Н.И. Акционерное общество: капитал, правовая база, управление : практическое пособие для экономистов и менеджеров / Н.И. Берзон, А.П. Ковалев. Москва : Финстатинформ, 1995. 155 [2] с. ISBN 5716601030.

6. Большая юридическая энциклопедия / В.В. Аванесян, С.В. Андреева, Е.В. Белякова [и др.]; оформл. А. Мусина. Москва: Изд-во Эксмо, 2007. 688 с.

7. Колпаков В.К. Адміністративне право України: підручник / В.К. Колпаков, О.В. Кузьменко. Київ : Юрінком Інтер, 2003. 544 с.

8. Костів М.В. Адміністративна правосуб'єктність юридичних осіб: теоретичні та практичні аспекти : монографія. Львів : ПП Лукашук В.С., 2006. 152 с.

9. Мацелик Т.О. Суб'єкти адміністративного права: поняття та види. *Науковий вісник НУ ДПС України*. 2009. № 3 (46). С. 159–164.

10. Про затвердження Положення про діяльність аукціонної комісії для продажу об'єктів малої приватизації та Положення про діяльність аукціонної комісії для продажу об'єктів великої приватизації: Наказ Фонду державного майна України від 06.04.2018 р. № 486. *Офіційний вісник України*. 2018. № 37. С. 677. Ст. 1339, код акта 90042/2018.

11. Про затвердження Порядку відбору операторів електронних майданчиків для організації проведення електронних аукціонів з продажу об'єктів малої приватизації, авторизації елек-

тронних майданчиків та визначення адміністратора електронної торгової системи: Постанова Кабінету Міністрів України від 10 травня 2018 р. № 433. Урядовий кур'єр. 2018. № 105.

12. Про Контрольну комісію Верховної Ради України з питань приватизації: Постанова Верховної Ради України від 24 червня 1993 р. № 3317–XII. *Відомості Верховної Ради України*. 1993. № 30. Ст. 333.

13. Про приватизацію державного та комунального майна : Закон України від 18 січня 2018 р. № 2269–VIII. *Відомості Верховної Ради України*. 2018. № 12. С. 5. Ст. 68.

14. Розпутенко І.В. Дефіцит державного управління: ідеали і приватизація. *Статистика України*. 2013. № 3. С. 65–69. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/su_2013_3_14.

15. Стариков Ю.Н. Курс общего административного права: в 3 т. Т. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. Москва : Норма, 2002. 728 с.

16. Фролов Ю.М. Суб'єкти адміністративного права: сутність та підстави класифікації. *Актуальні проблеми права: теорія і практика*. 2012. № 25. С. 549–557. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/app_2012_25_70.

17. Юридичні терміни. Тлумачний словник / В.Г. Гончаренко, П.П. Андрушко, Т.П. Базова та ін.; за ред. В.Г. Гончаренка. Київ : Либідь, 2003. 320 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Розгон Александр Григорьевич – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Высшего учебного частного заведения «Днепропетровский гуманитарный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rozgon Aleksandr Grigoryevich – Teacher at the Department of Civil Law Disciplines of Private Institution of Higher Education “Dniprovsk University of the Humanities”

uk_dgu@ua.fm

УДК 347.238.3 (477)

К ВОПРОСУ ГЕНЕЗИСА СТАНОВЛЕНИЯ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ЖИЛЫМИ ДОМАМИ

Андрей САВИЦКИЙ,

аспирант кафедры права интеллектуальной собственности и корпоративного права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

В данной статье предоставлен анализ нормативно-правовой базы Украины, касающейся вопроса регулирования общественных отношений в сфере управления и обслуживания многоквартирных жилых домов. Автор статьи определяет существующие на сегодняшний день в Украине формы управления и обслуживания многоквартирных жилых домов и представляет их существенные различия. На основе проведенного анализа нормативной базы автором делается вывод о целесообразности для совладельцев многоквартирных жилых домов выбора той или иной формы управления и обслуживания многоквартирных жилых домов.

Ключевые слова: управление, обслуживание, многоквартирные жилые дома, объединения совладельцев, управитель, управляющая компания.

TO THE QUESTION OF THE GENESIS OF MANAGEMENT FORMS FORMATION OF MULTI-APARTMENT RESIDENTIAL HOUSES

Andrey SAVITSKIY,

Postgraduate Student at the Department
of Intellectual Property Law and Corporate Law
of National University "Odessa Law Academy"

SUMMARY

This article provides an analysis of the regulatory framework of Ukraine on the issue of regulation of the public relations in the management and maintenance of apartment buildings. The author of the article identifies the forms of management and maintenance of apartment buildings that exist in Ukraine today and presents their significant differences. Based on the analysis of the regulatory framework, the author concludes about the feasibility for co-owners of multi-family residential buildings to choose one or another form of management and maintenance of multi-family residential buildings.

Key words: management, maintenance, apartment buildings, associations of co-owners, manager, management company.

Актуальность темы. Следует отметить, что относительно недавно законодательная база, регулирующая вопросы управления и обслуживания многоквартирных жилых домов, претерпела значительные изменения. Но, несмотря на это, проблемы в сфере управления и обслуживания многоквартирных жилых домов возникают почти ежемесячно. Данное утверждение могут подтвердить постоянные обсуждения этих вопросов в средствах массовой информации, создание общественных движений и инициатив.

Такие трудности при осуществлении управления и обслуживания многоквартирных жилых домов возникают вследствие сложной экономической ситуации, недостатков законодательства, наличия ряда норм, которые не работают или работают ненадлежащим образом.

Целью и задачей статьи является анализ нормативно-правовой базы Украины на предмет определения

полноты регулирования общественных отношений в сфере управления и обслуживания многоквартирных жилых домов, выявления существующих на сегодняшний день в Украине форм управления и обслуживания многоквартирных жилых домов и их краткая характеристика.

Материалом исследования послужили общественные отношения, возникающие в сфере управления и обслуживания многоквартирных жилых домов в Украине. В процессе исследования были использованы общенаучные и специальные методы. Между тем, методологической основой исследования выступил диалектический метод, который позволил рассмотреть вопрос управления и обслуживания многоквартирных жилых домов в его развитии и взаимосвязи.

Состояние исследования. Проблемы, касающиеся регулирования общественных отношений в сфере управления и обслуживания много-

квартирных жилых домов в своих трудах освещало немало выдающихся ученых, в частности Н.О. Гура, Н. Марценко, В.О. Мартиненко, Н.В. Мороз, К.В. Процак, О.П. Просович, О.О. Старицкая, О.М. Щодра, Б.М. Андрушків, Н.Б. Кирич, О.Б. Погайдак и др.

Изложение основного материала. Итак, проведем анализ нормативных положений по регулированию данных отношений.

А между тем, рассматривая данный вопрос, следует напомнить, что началом процесса реформирования ЖКХ Украины следует считать принятие Концепции развития жилищно-коммунального хозяйства, которая была одобрена постановлением Кабинета Министров Украины от 27 февраля 1995 г. № 150 [1], и Концепции государственной жилищной политики, одобренной Постановлением Верховной Рады Украины от 30 июня 1995 г. № 254/95-ВР [2], целью которой было создание условий для реализации

права граждан на жилье, расширение жилищного строительства, улучшение содержания и сохранности жилищного фонда [3].

Отношения по управлению и обслуживанию многоквартирных жилых домов регулируются рядом нормативно-правовых актов, среди которых: Гражданский кодекс Украины [4], Земельный кодекс Украины [5], законы Украины «Об объединении совладельцев многоквартирного дома» [6] и «Об особенностях осуществления права собственности в многоквартирном доме» [7], соответствующие приказы и постановления Кабинета Министров Украины и Министерства регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины. Например, приказ Министерства по вопросам жилищно-коммунального хозяйства Украины от 02.02.2009 г. № 13 «Об утверждении Правил управления домом, сооружением, жилищным комплексом или комплексом домов и сооружений» [8].

Так, Земельный кодекс Украины предусматривает специальный режим использования земельных участков многоквартирных жилых домов. В состав этих земель входят земельные участки, на которых расположены многоквартирные жилые дома, относящиеся к ним здания и сооружения, а также придомовые территории [5].

Кроме этого, ст. 89 Земельного кодекса Украины отмечает, что земельные участки совладельцев жилого дома находятся в общей совместной собственности. В то же время земельный участок может принадлежать на праве общей совместной собственности только гражданам. Таким образом, собственники помещений в приватизированном жилом доме – юридические лица имеют возможность реализовать свое право собственности на земельный участок придомовой территории исключительно на условиях права общей долевой собственности (в соответствии со ст. 87 Земельного кодекса Украины) [5].

А согласно ст. 385 Гражданского кодекса Украины для обеспечения эксплуатации многоквартирного жилого дома, пользования квартирами и общим имуществом жилого дома владельцы квартир могут создавать объединения собственников квартир (жилья) [4].

Ч. 2 ст. 382 Гражданского кодекса Украины устанавливает, что владельцам квартиры в двух- или многоквартирном жилом доме принадлежат на праве общей совместной собственности помещения общего пользования, опорные конструкции дома, механическое, электрическое, сантехническое и иное оборудование за пределами или внутри квартиры, обслуживающее более одной квартиры, а также сооружения, здания, предназначенные для обеспечения потребностей всех владельцев квартир, а также собственников нежилых помещений, расположенных в жилом доме.

В соответствии со ст. 369 Гражданского кодекса Украины владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в общей совместной собственности, осуществляется по согласию всех совладельцев, бремя содержания многоквартирного дома лежит на всех его совладельцах.

Прежде всего, необходимо отметить, что все же положительным сдвигом являются новшества, которые были внесены в настоящее время действующий Закон Украины «Об объединении совладельцев многоквартирного дома» от 29.11.2001 г. № 2866-III [6].

Во-вторых, следует сказать, что был принят Закон Украины «Об особенностях осуществления права собственности в многоквартирном доме» от 14.05.2015 г. № 417-VIII [7]. Этот закон содержит ряд положений по вопросу предоставления совладельцам многоквартирных жилых домов определенного правового механизма, который обеспечивает возможность влиять и осуществлять управление и обслуживание такого многоквартирного жилого дома по своему усмотрению путем коллективно принятых решений такими совладельцами.

В данном законе наибольшую ценность представляет именно четкий перечень альтернативных методов управления общим имуществом в многоквартирном жилом доме. Напомним, что такое управление может быть осуществимо:

- самостоятельно;
- путем передачи всех функций объединению совладельцев многоквартирного дома (ассоциации объединений совладельцев многоквартирного дома);
- с помощью передачи всех или части функций на основании договора физи-

ческому лицу – предпринимателю или юридическому лицу (управляющему).

Вместе с тем отметим, что именно в ст. 9 Закона Украины «Об особенностях осуществления права собственности в многоквартирном доме» [7], а именно в ч. 1 настоящей статьи значится, что совладельцы дома имеют перво-степенное право на управление многоквартирным домом. Далее в упомянутой выше статье отмечается: согласно решению совладельцев, все или часть функций по управлению многоквартирным домом могут передаваться управляющему или все функции – объединению совладельцев многоквартирного дома (ассоциации объединений совладельцев многоквартирного дома).

Таким образом, проанализировав действующее законодательство, можно сделать вывод, что сейчас в Украине совладельцы многоквартирного дома имеют для выбора такие альтернативные варианты действий:

- решать все вопросы по управлению домом самостоятельно на собрании (порядок принятия соответствующих решений предусмотрено ст. 10 Закона Украины «Об особенностях осуществления права собственности в многоквартирном доме»);
- создавать объединения совладельцев многоквартирного дома и передавать ему все функции по управлению домом;
- передавать все функции по управлению домом управляющему – физическому лицу – предпринимателю или юридическому лицу;
- передавать часть функций по управлению домом управляющему, а часть оставлять в своей компетенции, принимая решения на общем собрании в упомянутом выше порядке.

Проанализируем каждую форму управления отдельно.

Первое, о чем следует говорить, – это управление многоквартирным домом самостоятельно совладельцами.

Управление многоквартирным домом самостоятельно совладельцами предусматривает объединение усилий всех совладельцев.

Все решения по управлению многоквартирным домом принимают на собрании совладельцев. Для созыва собрания достаточно решения инициативной группы (не менее 3 совладельцев) или управляющего.

Следует добавить, что решение собрания совладельцев оформляется протоколом, который подписывается всеми совладельцами (их представителями), принявшими участие в собрании. В данном протоколе каждый совладелец (его представитель) ставит подпись под соответствующим вариантом голосования («за», «против», «воздержался»).

Согласно положениям Закона Украины «Об особенностях осуществления права собственности в многоквартирном доме» [7] форму протокола разрабатывает и утверждает центральный орган исполнительной власти, обеспечивающий формирование государственной жилищной политики, то есть Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины. Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины своим приказом от 25.08.2015 г. № 203 [9] утвердило форму Протокола собрания совладельцев многоквартирного дома, с которым можно ознакомиться на сайте министерства (<http://www.minregion.gov.ua/>).

Также в п 2-3 ч. 2 ст. 10 Закона Украины «Об особенностях осуществления права собственности в многоквартирном доме» [7] указано, что протокол собрания совладельцев составляется не менее чем в двух экземплярах в случае, когда решается вопрос определения управляющего или избрания уполномоченного лица совладельцев при заключении, внесении изменений и расторжении договора с управляющим. Порядок хранения исполнительными комитетами сельских, поселковых, городских советов протоколов собрания совладельцев и размещения ими на официальном сайте информации о решениях, принятых такими собраниями, определяется Кабинетом Министров Украины. Сейчас порядок утвержден Постановлением «Об утверждении Порядка хранения протоколов собрания совладельцев многоквартирного дома и размещения информации о решениях, принятых такими собраниями» от 24 февраля 2016 г. № 109 [10].

Важно, что такое решение собрания совладельцев является обязательным для всех совладельцев, включая тех, которые приобрели право собственности на квартиру или нежилое

помещение после принятия решения. Но на практике не всегда удается достичь согласия в вопросах управления многоквартирным домом с стороны всех совладельцев.

Учитывая вышеизложенное, представляется возможным сделать вывод, что осуществление непосредственного управления домом только его совладельцами может иметь место в домах с относительно небольшим количеством квартир.

Законодательством предусмотрены еще две формы управления многоквартирным домом – ОСМД или же управляющая компания или управляющий, ведь согласно действующему законодательству в качестве управляющих могут выступать и физические лица.

Так, напомним, что высшим органом управления ОСМД является общее собрание совладельцев дома, решение которого является обязательным для всех совладельцев.

Главным органом, контролирующим деятельность ОСМД, является общее собрание, определенный контроль могут осуществлять специальные органы, которые образованы в соответствии с уставом, а также непосредственно совладельцы.

Третьей формой управления многоквартирными домами является управляющая компания или управляющий. Так, согласно ч. 1 ст. 1 Закона Украины «Об особенностях осуществления права собственности в многоквартирном доме» [7] управляющий – это физическое лицо – предприниматель или юридическое лицо – субъект предпринимательской деятельности, который, согласно договору с совладельцами, обеспечивает надлежащее содержание и ремонт общего имущества многоквартирного дома и придомовой территории и надлежащие условия проживания и удовлетворения хозяйственно-бытовых нужд.

А согласно Закону Украины «О жилищно-коммунальных услугах» от 24.06.2004 г. № 1875-IV [11] определено, что управляющий – лицо, которое по договору с собственником или балансодержателем осуществляет управление домом, сооружением, жилищным комплексом или комплексом домов и сооружений (далее – управление домом) и обеспечивает его надлежащую эксплу-

атацию в соответствии с законом и условиями договора. Между тем, следует упомянуть, что с 01.05.2019 г. вступит в силу новый Закон Украины «О жилищно-коммунальных услугах» от 09.11.2017 г. № 2189-VIII [12], где определение управляющего многоквартирного дома идентично ч. 1 ст. 1 Закона Украины «Об особенностях осуществления права собственности в многоквартирном доме».

В тексте ст. 12 Закона Украины «Об особенностях осуществления права собственности в многоквартирном доме» указано, что функции по управлению многоквартирным домом могут быть переданы (все или частично) управляющему. Если функции по управлению многоквартирным домом по решению общего собрания совладельцев переданы управляющему, отношения по управлению регулируются договором, заключенным между совладельцами и управляющим, условия которого должны соответствовать условиям типового договора (ст. 13 Закона Украины «Об объединении совладельцев многоквартирного дома»). Сейчас такой типовой договор утвержден Постановлением Кабинета Министров Украины «Об утверждении Правил предоставления услуги по управлению многоквартирным домом и Типового договора о предоставлении услуги по управлению многоквартирным домом» от 05.09.2018 г. № 712 [13].

По поводу разъяснения некоторых вопросов типового договора о предоставлении услуг по управлению многоквартирным домом можно обратиться к соответствующему письму Министерства регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины от 21.08.2015 г. № 7/9-10109 [14].

Как и в ОСМД, определенные основополагающие права и обязанности сторон изложены в соответствующих законах Украины, но также могут быть дополнены и расширены в соответствующем договоре по соглашению сторон.

Выводы. Как видим, по своей сути и первичным целям ОСМД и управляющая компания являются абсолютно противоположными категориями. В основе ОСМД – некоммерческая цель, а именно: осуществление самими собственниками в особой форме функций по управлению домом

оптимальными для совладельцев способами, с наименьшими возможными затратами. А в свою очередь, управляющий – это субъект именно предпринимательской деятельности, то есть для него первоочередной целью является получение прибыли, а обеспечение потребностей совладельцев дома – способ достижения этой прибыли. Конечно, приведенное не является бесспорным доказательством того, что во всех случаях услуги управляющего будут менее качественными и более дорогими, однако в целом такое с высокой вероятностью может быть, поскольку очевидно, что привлечение дополнительного посредника увеличивает стоимость услуги и требует дополнительного контроля деятельности последнего.

Между тем, заметим, что в случае создания ОСМД основным документом, который будет регулировать все вопросы его функционирования, является устав, при условии заключения договора с управляющим – договор управления.

Тем не менее, нет законодательных оснований говорить, что с точки зрения права в одном из случаев права совладельцев защищены более или менее надежно. Ведь все будет зависеть от содержания конкретных документов.

Однако стоит обратить внимание на тот факт, что при заключении договоров управления, которые, в отличие от устава ОСМД, не подаются государственному регистратору для проверки на соответствие законодательству, а также учитывая значительный опыт отдельных управляющих, есть больше возможностей для внесения положений, которые не соответствуют интересам совладельцев. Следовательно, для заключения таких договоров не помешает привлекать юристов, чтобы они могли оказать надлежащую оценку.

Список использованной литературы:

1. Про Концепцію розвитку житлово-комунального господарства в Україні : Постанова Кабінету Міністрів України від 27.02.1995 р. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/150-95-%D0%BF>.

2. Концепція державної житлової політики від 30.06.1995 р. № 254к/95-ВР. *Верховна Рада України*.

1995. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/95-%D0%B2%D1%80>.

3. Чеберяк Ю.П. Нормативно-правове регулювання системи управління житловим фондом України. *Державне управління: удосконалення та розвиток*. 2015. URL: <http://www.dy.nayka.com.ua/?op=1&z=857>.

4. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 р. № 435-IV (із змін та доп.). *Відомості Верховної Ради України*. 2003. № № 40-44. 356 с.

5. Земельний кодекс України : Закон України від 25 жовтня 2001 р. № 2768-III. *Офіційний вісник України*. 2001. № 46.

6. Про об'єднання співвласників багатоквартирного будинку : Закон України від 29.11.2001 р. № 2866-III. *Офіційний вісник України*. 2002. № 51.

7. Про особливості здійснення права власності у багатоквартирному будинку : Закон України від 14.05.2015 р. № 417-VIII (ред. від 23.07.2017). URL: <http://zakon5.rada.gov.ua>.

8. Наказ «Про затвердження Правил управління будинком, спорудою, житловим комплексом або комплексом будинків і споруд». *Мінжитлокомунгосп*. 2009. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0377-09>.

9. Про затвердження форми протоколу зборів співвласників багатоквартирного будинку : Наказ від 25.08.2015 р. № 203. *Мінрегіон України*. 2015. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1083-15>.

10. Про затвердження Порядку зберігання протоколів зборів співвласників багатоквартирного будинку та розміщення інформації про рішення, прийняті такими зборами: Постанова Кабінету Міністрів України від 24.02.2016 р. № 109. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/109-2016-%D0%BF>.

11. Про житлово-комунальні послуги : Закон України від 24.06.2004 р. № 1875-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1875-15>.

12. Про житлово-комунальні послуги : Закон України від 09.11.2017 р. № 2189-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2189-19>.

13. Про затвердження Правил надання послуги з управління бага-

токвартирним будинком та Типового договору про надання послуги з управління багатоквартирним будинком : Постанова Кабінету Міністрів України від 05.09.2018 р. № 712. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/712-2018-%D0%BF>.

14. Лист Мінрегіону №7/9-10109 від 21.08.2015 р. щодо Закону України «Про особливості здійснення права власності у багатоквартирному будинку». *Мінрегіону*. 2015. URL: <http://uniservice.kiev.ua/list-minregionu/>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савицкий Андрей Якович – аспирант кафедры права интеллектуальной собственности и корпоративного права Национального университета «Одесская юридическая академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savitskiy Andrey Yakovich – Postgraduate Student at the Department of Intellectual Property Law and Corporate Law of National University “Odessa Law Academy”

asavitsk83@gmail.com

УДК 342.9

КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Юрий ТИТОВ,

член Высшей квалификационной комиссии судей Украины

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется категориально-понятийный аппарат определения предмета административного права Украины, в результате которого выявлены некоторые неточности в формулировании таких понятий, как государственное управление и административные услуги. При определении понятия государственного управления учеными не учтены такие его особенности, как публичный характер и его реализация не только государственными органами, но и негосударственными структурами на основе делегирования им полномочий осуществлять государственно-управленческие функции. Как законодатель, так и украинские ученые в основном определяют понятие «административной услуги», тогда как сегментом предмета административного права является «предоставление административных услуг». Рассмотрены особенности такого предоставления и сформулировано его понятие. Осуществлена попытка также рассмотреть в качестве сегмента предмета регулирования административного права установление полномочий органов исполнительной власти. Отмечается, что понятийный аппарат этим не ограничивается, выделяется ряд категорий, которые будут исследованы при дальнейшем их изучении.

Ключевые слова: государственное управление, делегирование полномочий, управленческие функции, административные услуги, предмет административного права, полномочия.

THE CATEGORICAL AND CONCEPTUAL APPARATUS FOR DETERMINING THE SUBJECT OF ADMINISTRATIVE LAW

Yuriy TITOV,

Member of the High Qualifications Commission of Judges of Ukraine

SUMMARY

The article examines the categorical and conceptual apparatus, the definition of the subject of administrative law of Ukraine, as a result of which revealed some inaccuracies in the formulation of such concepts as public administration and administrative services. When defining the concept of state management, scientists did not take into account its peculiarities, such as public nature and its implementation, not only by state bodies, but also by non-state structures on the basis of delegation of authority to exercise state and administrative functions. Both the legislator and the Ukrainian scientists basically define the concept of “administrative service”, whereas the segment of the subject of administrative law is “the provision of administrative services”. The features of such a provision are considered and its concept is formulated. An attempt has also been made to consider, as a segment of the subject of regulation of administrative law, the establishment of powers of executive bodies. It is noted that the conceptual apparatus is not limited to this; a number of categories are highlighted, which will be examined in their further study.

Key words: public administration, delegation of authority, managerial functions, administrative services, subject of administrative law, powers.

Постановка проблемы. В настоящее время переосмысливается предмет такой отрасли права, как административное право Украины. Ныне это ответственный шаг в правовой науке в целом и в науке административного права в частности, потому что административное право регулирует отношения, напрямую связанные с исполнительной властью. Поэтому ошибки в формулировании предмета этой отрасли права через правосознание и правовую культуру субъектов правоотношений оказывают негативное воздействие на обеспечение прав граждан.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью открытости темы. Новая терминология должным образом еще не изучена, а

понятийный аппарат до конца не сформулирован.

Состояние исследования. Научный анализ проблем категориально-понятийного аппарата предмета административного права Украины осуществляется многими отечественными учеными. Среди них следует назвать В.Б. Аверьянова, О.Ф. Андрийко, Ю.П. Бытяка, И.П. Голосниченко, С.В. Кивалова, В.К. Колпакова, Н.И. Золотареву, Р.С. Мельника и др. Однако появление новых понятий в административном праве, вызванное адаптацией административного права с правом ЕС, требует дополнительных исследований.

Целью и задачей статьи является исследование категориально-понятийного аппарата предмета администра-

тивного права, его основных составляющих – отношений государственного управления и административных услуг.

Изложение основного материала. Административное право является базовой отраслью права, которая включает в себя определенно широчайший спектр общественных отношений. Оно регулирует отношения в основном в сфере исполнительной власти [1, с. 61–63, 70–73]. Наиболее глубоко предмет административного права был исследован профессором И.П. Голосниченко. Учитывая выводы, что административное право регулирует отношения государственного управления, он доказал в своих работах, что вместе с государственным управлением административное право регулирует выполнение делегированных законодатель-

ством полномочий исполнительной власти органами местного самоуправления, общественными организациями и другим негосударственными учреждениями, отношения, возникающие в связи с обеспечением органами исполнительной власти и местного самоуправления реализации и защиты прав и свобод граждан, а также предоставления им различных административных услуг. Также этот ученый отнес к предмету регулирования указанной отрасли права отношения, возникающие в связи с организацией и деятельностью административных судов (то есть в сфере административной юстиции), процессуальные отношения относительно возобновления административным судом прав и свобод граждан и других субъектов административного права и отношения, которые возникают в связи с применением мер административной ответственности относительно физических и юридических лиц [1, с. 70–73; 2, с. 7–10].

Понятие указанной выше отрасли права и ее предмета, безусловно, имеют важное значение для теории административного права. Однако формулировать их возможно лишь после изучения определенных правовых категорий и понятий, которые характеризуют правовые институты – составные этой базовой отрасли.

Административное право, прежде всего, регулирует отношения государственного управления. Еще А.И. Елистратов подчеркивал: «Административное право задается целью упорядочить отношения между людьми в области государственного управления» [25, с. 15]. Итак, предварительно надо выяснить понятие государственного управления. Это понятие давалось еще в учебниках и монографиях советского периода нашего государства. Так, в учебнике по советскому административному праву под редакцией харьковского ученого, профессора Р.С. Павловского, сформулировано следующее определение понятия советского государственного управления: «это юридически властная, подзаконная, планомерно организованная на научной основе деятельность органов государственного управления, осуществляемая под руководством КПСС, в целях реализации ее политики, решения главных задач социалистического

общенародного государства, состоящая в практическом выполнении законодательства в процессе непрерывного и непосредственного управления хозяйственным, социально-культурным и административно-политическим строительством» [3, с. 64].

После того как Украина стала независимым государством, первый учебник по административному праву был подготовлен В.К. Колпаковым. Автор этого учебника также рассматривал государственное управление в качестве предмета административного права: «Под государственным управлением надо понимать специфическую деятельность государства, получающую проявление в функционировании ее органов, которые непрерывно, планомерно, властно и в рамках правовых установлений влияют на общественную систему с целью ее совершенствования согласно государственным интересам» [4, с. 16]. Предмет административного права исследовался на уровне докторской диссертации Е.В. Куринным. Он также включает в предмет этой области права государственное управление, когда пишет, что «основной сферой применения административного права является властно-управленческая деятельность, которая характеризуется значительными масштабами и видовым разнообразием» [5, с. 19]. В академическом курсе административного права, подготовленном ведущими специалистами в данной области права, подчеркивается, что государственное управление можно рассматривать как в широком понимании (управление всего государственного аппарата), так и в узком (управление, которое осуществляется в пределах распределения власти специально уполномоченными органами исполнительной власти). Последнее присуще предмету административного права. «Понятие государственного управления в административном праве, – как отмечается в данном учебнике, – нужно определить как нормотворческую и распорядительную деятельность органов исполнительной власти с целью властно-организующего влияния на соответствующие общественные отношения и процессы в экономической, социально-культурной и административно-политической сферах, а также внутренне-органи-

зационную деятельность аппарата всех государственных органов, относительно обеспечения надлежащего выполнения возложенных на них задач, функций и полномочий» [1, с. 58–61].

В позднее выданных учебниках также в понятии государственного управления акцентируется внимание на таких его чертах: исполнительно-распорядительный, организующий, целенаправленный его характер, направленность на экономическую, социально-культурную и административно-политическую сферы, внутренне-организационное воздействие, выполнение управленческой деятельности специально-уполномоченными государственными органами [6; 7].

В последнее время появились публикации по административному праву, где предметом определено публичное управление [8–10]. Публичное управление, как правило, определяется как государственное управление и местное самоуправление. В то же время нужно заметить, что местное самоуправление является предметом правового института муниципального права – составной части такой базовой отрасли права, как конституционное право. В целом, как отмечается в учебниках по конституционному праву Украины, «система отрасли конституционного права Украины состоит из самых важных конституционно-правовых институтов, к которым, прежде всего, принадлежат такие институты: основы конституционного порядка; основы правового статуса человека и гражданина; территориального устройства; органов государственной власти и местного самоуправления» и т.п. [11, с. 18]. Как правильно отмечает М.И. Корниенко, естественно, что «институт местного самоуправления должен быть урегулирован с учетом Европейской Хартии местного самоуправления, согласно ст. 3 которой местное самоуправление может осуществляться «советами или собранием. Почему именно советы и подобные им выборные коллегиальные органы определены Европейской Хартией как органы местного самоуправления? Потому что первичным субъектом местного самоуправления, как об этом уже отмечалось, является само местное население – общины и другие подобные им сообщества

граждан, объединенные постоянным обитанием в пределах соответствующих административно-территориальных единиц. И только демократически избранный ими коллегиальный орган, если в нем представлены все политические силы, которые действуют на местном уровне, все слои населения, может претендовать на роль первого после самой территориальной общины носителя функций и полномочий местного самоуправления, выразителя ее воли и интересов» [11, с. 359]. Причем органы местного самоуправления действуют не от лица государства, а от территориальных громад, осуществляя от их имени и в их интересах функции и полномочия местного самоуправления. Как правило, для урегулирования порядка выполнения задач местного значения соответствующие советы принимают нормативно-правовые акты локального характера. Эти акты могут включать и нормы права, позволяя устанавливать принудительное выполнение членами территориальной громады соответствующих обязанностей. Но это принуждение не носит государственно-правового характера, это принуждение выходит от громады. Итак, как мы выяснили, муниципальное право (местное самоуправление) не является институтом административного права, это институт Конституционного права.

Но осуществляют ли органы местного самоуправления функции государственного управления? На этот вопрос дает ответ ч. 3 ст. 143 Конституции Украины, где записано: «Органам местного самоуправления могут предоставляться законом отдельные полномочия органов исполнительной власти. Государство финансирует осуществление этих полномочий в полном объеме за счет средств Государственного бюджета Украины или путем отнесения в местный бюджет в установленном законом порядке отдельных общегосударственных налогов, передает органам местного самоуправления соответствующие объекты государственной собственности. Органы местного самоуправления по вопросам осуществления ими полномочий органов исполнительной власти подконтрольны соответствующим органам исполнительной власти» [12]. Например, ст. 27 Закона Украины

«О местном самоуправлении» относит к делегированным полномочиям в сфере социально-экономического и культурного развития, планирования и учета следующие функции: «1) участие в осуществлении государственной регуляторной политики в пределах и способом, установленных Законом Украины «О принципах государственной регуляторной политики в сфере хозяйственной деятельности»; 2) рассмотрение и согласование планов предприятий, учреждений и организаций, которые не принадлежат к коммунальной собственности соответствующих территориальных громад, осуществление которых может вызвать негативные социальные, демографические, экологические и другие последствия, подготовка по ним заключений и внесение предложений соответствующим органам; 3) статистический учет граждан, которые постоянно или временно проживают на соответствующей территории; 4) организационное обеспечение предоставления административных услуг органов исполнительной власти через центры предоставления административных услуг» [13]. Делегированные полномочия органов местного самоуправления осуществляют и в других сферах жизнедеятельности. Итак, выполнение функций органов исполнительной власти, которые делегированы органам местного самоуправления, регулируется нормами административного права. В некоторых случаях отдельные функции органов исполнительной власти делегируются и общественным организациям. Так, согласно ст. 13 Закона Украины «Об участии граждан в охране общественного порядка и государственной границы» члены общественных формирований во время выполнения своих обязанностей по охране общественного порядка и государственной границы имеют право применять меры административного принуждения, даже при совершении административного правонарушения составлять протоколы об этом, задерживать лиц, которые его осуществили [14].

Являются ли отношения реализации публичного управления предметом административного права? На этот вопрос можно ответить утвердительно, но только частично. Публичное – это такое, которое происходит в при-

сутствии публики, людей, прилюдно [15, с. 383]. Государственное управление является частью публичного управления, ведь, кроме этого вида управления, к публичному управлению относится и местное самоуправление, или муниципальное управление, и управленческая деятельность общественных организаций и политических партий, союзов и т.п. Ведь поскольку государственное управление носит публичный характер, постольку оно является частью публичного управления в целом к предмету административного права является ошибочным. Не совсем точно также утверждение В.К. Колпакова, что под государственным управлением нужно понимать «специфическую деятельность государства, которая получает проявление в функционировании ее органов» [4], ведь, кроме органов государства, государственное управление осуществляется органами местного самоуправления и другими организационными образованиями публичного характера, которые выполняют делегированные законом полномочия органов исполнительной власти. Та же неточность допущена в учебнике с административного права (академический курс) [4, с. 16; 1, с. 61]. Неточность также допускают и авторы новых публикаций, изданных в 2015–2018 гг. Ведь административное право регулирует отношения не всего публичного управления, а лишь ту его часть, которая относится к государственному управлению, какими бы органами оно не осуществлялось.

Итак, базируясь на взглядах тех авторов, которые давали определение государственного управления как предмета административного права, и, учитывая изложенное выше, можно сформулировать понятие государственного управления. *Государственное управление – это публичная исполнительно-распорядительная, организующая, в том числе нормотворческая, деятельность органов исполнительной власти и других уполномоченных законом органов и организаций, осуществляемая с целью воздействия на соответствующие общественные отношения и процессы в экономической, социально-культурной и административно-политической сферах,*

а также внутренне-организационную деятельность аппарата всех государственных органов и других юридических лиц публичного права относительно обеспечения надлежащего выполнения возложенных на них задач, функций и полномочий.

Административно-правовым институтом наряду с государственным управлением выступает предоставление административных услуг органами исполнительной власти и органами местного самоуправления гражданам и другим физическим, а также юридическим лицам частного права. Административные услуги являются новым институтом административного права. В советское время в учебниках по административному праву, когда определялся предмет правового регулирования этой области права, о таком институте даже не упоминалось [16, с. 41–45].

Вопрос правового института предоставления услуг возник при разработке Концепции реформы административного права еще в 1998 г. Во II разделе этого важного документа, «Основные направления развития и реформирование административного законодательства», предусмотрен подраздел 11, который назван «Правовое обеспечение предоставления органами исполнительной власти управленческих услуг гражданам». Подраздел предусматривал виды управленческих услуг и предлагал в административном законодательстве урегулировать производство по делам о предоставлении управленческих услуг гражданам, разработать единый порядок предоставления определенного вида управленческих услуг, сроки их предоставления, установить административный сбор, порядок разрешения споров и урегулировать другие отношения, связанные с их предоставлением.

«Государство должно содействовать развитию системы управленческих услуг, – отмечалось в проекте Концепции, – и законодательно закрепить механизм охраны и защиты права на управленческие услуги, как в административном, так и в судебном порядке [17, с. 28–29]. Концепция включала в Перечень законодательных актов, которые необходимо разработать или в которые необходимо внести изменения в ходе реформирования

административного законодательства, Закон Украины «Об управленческих услугах гражданам».

В дальнейшем велись исследования относительно указанных выше услуг и экспертами Центра политико-правовых реформ было предложено назвать данный вид публичных услуг административными услугами, где был разработан законопроект с названием Закон Украины «Об административных услугах», который 6 сентября 2012 г. был принят Верховной Радой Украины [18]. В указанном выше законе было установлено, что «административная услуга – результат осуществления властных полномочий субъектом предоставления административных услуг по заявлению физического или юридического лица, направленный на приобретение, изменение или прекращение прав и/или обязанностей такого лица согласно закону» [18].

Административное право регулирует отношения относительно предоставления административных услуг, и в законе было урегулировано много отношений, связанных с предоставлением административных услуг, однако не было определено понятие их предоставления. Для предмета административного права это имеет довольно большое значение. Наука административного права начала исследовать данные отношения и с этой стороны.

Довольно внимания уделено учеными процедурам предоставления административных услуг, которые являются составляющей правового режима их предоставления в целом. Исследовав определенные стадии процедуры предоставления административных услуг, О.М. Буханевич дает следующее их определение: «Процедура предоставления административной услуги – это установленный законодательством порядок предоставления административной услуги с целью реализации прав, свобод и законных интересов субъектов обращения. Процедура предоставления административной услуги включает три стадии: 1) регистрация (оформление) обращения субъекта обращения; 2) обработка обращения и оформление (согласование) результата предоставления административной услуги; 3) выдача результата предоставления административной услуги и его

регистрацию. Каждая стадия делится на соответствующие этапы, которые включают конкретные действия субъекта предоставления административных услуг» [19, с. 140–141]. Еще ближе к проблеме предоставления административных услуг подошли авторы монографии «Административные услуги в сфере внутренних дел», когда определяли административные услуги как правовой институт: «Название этого института административного права – «административные услуги» – акцентирует внимание на выполнении обязанностей государства перед частными лицами, осуществлении деятельности, которая является полезной для этих лиц. Эта деятельность органов власти направлена на юридическое оформление условий, необходимых для обеспечения надлежащей реализации физическими и юридическими лицами своих прав и свобод, охраняемых законом интересов или выполнения возложенных на них законом обязанностей» [20, с. 23].

При определении понятия предоставления административных услуг нужно исходить из самого термина «предоставление». «Предоставлять» в толковом словаре определяется как «дать в определенном количестве, в несколько приемов» [21, с. 341]. Итак, под предоставлением услуг в этом случае понимается давать соответствующему корреспонденту определенное количество необходимых для него ценностей, часто за соответствующую плату. Но здесь необходимо также определиться с теми особенностями, которые характеризуют именно административные услуги.

Анализ научной и специальной литературы с учетом требований действующего законодательства Украины к основным признакам предоставления административных услуг позволяет отнести следующие:

- это деятельность урегулирована административным правом;
- предоставление услуг является обязанностью украинского государства, в результате такой деятельности возникают горизонтальные административно-правовые отношения, где частное лицо вольно получать административную услугу или в установленных законом случаях отказаться от нее;

– деятельность по предоставлению услуг имеет управленческий, организационный характер;

– это обязанность специально уполномоченных субъектов, среди которых органы исполнительной власти, местного самоуправления, Центры предоставления административных услуг, государственные предприятия, учреждения и организации, действующие в порядке выполнения ими делегированных государством согласно нормативно-правовым актам полномочий;

– получение услуги носит индивидуальный характер, любое лицо, имеет право обратиться за реализацией своих прав, свобод и законных интересов в виде административной услуги;

– эта деятельность оформляется в виде определенных организационных процедур.

Таким образом, *предоставление административных услуг – это урегулированная административным правом, деятельность публичного, управленческого, организационного характера определенных в законе субъектов, которая вытекает из обязанности государства и органов местного самоуправления создавать условия относительно возможности реализации своих прав, свобод и законных интересов физическими и юридическими лицами частного права, в результате которой эти лица обеспечивают свои нужды жизнеобеспечительного содержания.*

Следующим компонентом отношений, которые регулируются административным правом, являются права и обязанности, которые входят в полномочия органов исполнительной власти. Почему-то на этот фрагмент предмета административного права мало кто обращает внимания. В теории государства и права полномочия рассматриваются как понятие, «содержанием которого является система прав и обязанностей, приобретенных легитимным способом государством, местным самоуправлением, государственными органами и органами местного самоуправления, их должностными лицами, другими субъектами правоотношений с целью обеспечения возможностей, нужд и интересов человека и гражданина, отдельных социальных групп и общества в целом» [22, с. 54].

В основе определения полномочий для органов исполнительной власти

лежат объективно необходимые для общества функции государственного управления, их распределение между соответствующими органами, установление, которые из них могут быть делегированы органам местного самоуправления и другим негосударственным структурам. Полномочие органов исполнительной власти – это законодательно определенные их обязанности и права на реализацию управленческой деятельности. Отношения относительно установления полномочий являются предметом административно-правового регулирования.

К предмету административного права относится также регулирование процедурной и процессуальной деятельности органов исполнительной власти и других уполномоченных государством функций структур, отношения административного судопроизводства, административной ответственности, административного договора, защита прав и свобод человека и гражданина от произвола публичной администрации. Эти компоненты предмета административного права нуждаются в исследовании в пределах науки административного права, однако в одной статье это изложить невозможно. Мы будем продолжать работу по раскрытию содержания понятий и категорий, которые касаются предмета административного права. Синтезируя составные предмета административного права, их совокупность можно назвать административной деятельностью уполномоченных органов [23].

Выводы. Анализ категориально-понятийного аппарата предмета административного права позволил увидеть некоторые неточности в определении таких понятий, как государственное управление и административные услуги. В результате этого выяснено, что при определении понятия государственного управления учеными не учтены такие его особенности, как публичный характер и его реализация, как государственными органами, так и негосударственными структурами, на основе делегирования им полномочий осуществлять управленческие функции. Как законодатель, так и украинские ученые в основном определяют понятие «административная услуга», тогда как сегментом предмета адми-

нистративного права является «предоставление административных услуг». В данной статье мы рассмотрели особенности такого предоставления и сформулировали его понятие. Осуществлена попытка также рассмотреть в качестве предмета регулирования фиксацию полномочий органов исполнительной власти.

Список использованной литературы:

1. Адміністративне право України. Академічний курс : підручник: у 2 т. / ред. колегія: В.Б. Авер'янов. Київ: Юридична думка, 2004. Т. 1. Загальна частина. 584 с.
2. Голосніченко І.П., Стахурський М.Ф., Золотарьова Н.І. Адміністративне право України: основні поняття. Навчальний посібник / За заг. ред. доктора юридичних наук, професора І.П. Голосніченка. Київ : Г.А.М., 2003. 232 с.
3. Советское административное право / Под ред. Р.С. Павловского. Киев : «Вища школа», 1986. 416 с.
4. Колпаков В.К. Адміністративне право України. Підручник. Київ : Юрінком Інтер, 1999. 736 с.
5. Курінний Є.В. Предмет і об'єкт адміністративного права України. Монографія. Дніпропетровськ : Юридична академія МВС; Ліра ЛТД, 2004. 340 с.
6. Административное право Украины: Учебник / Под общей ред. С.В. Кивалова. Харьков : «Одиссей», 2004. 880 с.
7. Гладун З.С. Адміністративне право України. Навчальний посібник. Тернопіль : Карт-бланш, 2004. 579 с.
8. Загальне адміністративне право / Під ред. І.С. Гриценка. Київ : Юрінком Інтер, 2015. 568 с.
9. Галуцько В., Діхтєвський П., Кузьменко О. та ін. Адміністративне право України. Повний курс : підручник. Київ : НДІПП, 2018. 452 с.
10. Лєгеца Ю. Щодо визначення інституту відповідальності органів публічного управління у сфері використання природних ресурсів. *Публічна служба і адміністративне судочинство: здобутки і виклики*: збірник матеріалів 1 Науково-практичної конференції, м. Київ, 5–6 липня 2018 р. Київ : ВД «Дакор», 2018. С. 228–230.

11. Конституційне право України / За ред. В.Я. Тація, В.Ф. Погорілка, Ю.М. Тодици. Київ : Український центр правничих студій, 1999. 376 с.
12. Конституція України. *Відомості Верховної Ради України*. 1996. № 30. Ст. 141.
13. Про місцеве самоврядування в Україні : Закон України від 21 травня 1997 р. № 280/97-ВР. *Відомості Верховної Ради України*. 1997. № 27. Ст. 170.
14. Про участь громадян в охороні громадського порядку і державного кордону : Закон України від 22 червня 2000 р. № 1835-ІІІ. *Відомості Верховної Ради України*. 2000. № 40. Ст. 338.
15. Словник української мови: в 11 томах. Том 8, 1977 (Відомості Верховної Ради України. 2000. № 40. Ст. 338). URL: <http://sum.in.ua/s/publichnuj> (дата звернення: 14.01.2019).
16. Советское административное право. Учебник / Под ред. П.Т. Василенкова. Москва : «Юрид.лит», 1990. 576 с.
17. Концепція реформи адміністративного права України (проект). 42 с. Березень 1998 р.
18. Про адміністративні послуги: Закон України від 6 вересня 2012 р. № 5203-VI. *Відомості Верховної Ради України*. 2013. № 32. Ст. 409.
19. Адміністративні послуги в Україні: теорія та практика реалізації : Монографія / ред. О.М. Буханевич. Київ : Інститут законодавства Верховної Ради України, 2015. 386 с.
20. Адміністративні послуги у сфері внутрішніх справ: Монографія / І.П. Голосніченко, О.Г. Циганов, О.О. Попова, М.О. Журба, І.В. Бойко; за ред. д.ю.н., проф. Заслуженого юриста України І.П. Голосніченка, к.т.н., доц. О.Г. Циганова. Київ : НТУУ «КПІ», ДНДІ МВСУ, 2015. 590 с.
21. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.В. Евгеньева. Т. 2. 3-е изд., стереотипное. Москва : Русский язык, 1985–1988. Т. 2. К-О. 1986. 702 с.
22. Голосніченко Д.І. Теорія повноважень: вітчизняний та зарубіжний досвід їх формування. Монографія. Київ : Видавець Голосніченко А.М. (Г.А.М.), 2009. 356 с.
23. Золотарьова Н.І. Адміністративна діяльність правоохоронних органів з охорони навколишнього природного середовища. Монографія. Київ : НТУ, 2017. 384 с.
24. Елистратов А.И. Основные начала административного права. Москва : Издание Г.А. Лемана. 1914. Переиздано, Симферополь. Изд-во «Оригинал М», 2007. 512 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Титов Юрий Георгиевич – член Высшей квалификационной комиссии судей Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Titov Yuriy Georgiyevich – Member of the High Qualifications Commission of Judges of Ukraine

golosnichenko_ivan@mail.ua

УДК 343.01

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ БЫВШИХ ОСУЖДЕННЫХ

Мариана ТОМА,

кандидат юридических наук,

ассистент кафедры криминального права

Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича

АННОТАЦИЯ

В статье исследован круг вопросов, связанных с процессом ресоциализации бывших осужденных. Часть материала в статье посвящена социально-правовому понятию ресоциализации осужденных к лишению свободы и лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Также внимание акцентировано на отдельных факторах, тормозящих достижение цели исправления и ресоциализации осужденных.

Ключевые слова: ресоциализация, социальная адаптация, особенности ресоциализации, этапы ресоциализации, проблемы адаптации, пенитенциарное, постпенитенциарное.

SOME PROBLEMS OF THE RESOCIALIZATION OF FORMER CONVICTS

Mariana TOMA,

Candidate of Law Sciences, Assistant at the Department of Criminal Law
of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

SUMMARY

The article examines a range of issues related to the process of resocialization of former convicts. Part of the material in the article is devoted to the social and legal concept of the re-socialization of those sentenced to imprisonment and those who have served a sentence of imprisonment. Also, attention is focused on individual factors that hinder the achievement of the goal of correction and re-socialization of convicts.

Key words: resocialization, social adaptation, features of socialization, stages of re-socialization, problems of adaptation, penitentiary, post penitentiary.

Постановка проблемы. Проблема ресоциализации лиц, осужденных к лишению свободы на определенный срок, постоянно находится в поле зрения как криминологов и специалистов в сфере исполнительного права, психологов, социологов, так и работников учреждений исполнения наказаний. Обычно проблемам ресоциализации уделяют внимание тогда, когда есть проблемы рецидива.

В результате изменений уголовно-исполнительной системы и реформирования пенитенциарной политики государства в соответствии с международными стандартами перед Украиной стоит задача создать такую систему исполнения и отбывания наказаний осужденными, систему которая могла способствовать их положительному исправлению и ресоциализации, а также в будущем обеспечивать предупреждение совершения новых преступлений как лицами, которые ранее были осужденными, так и лицами, которые не понесли наказания, и теми, которые не совершали преступления. Однако, выходя на волю из мест

лишения свободы, бывшие заключенные имеют негативную практику – не только ту, с которой они попали в места лишения свободы, но еще и ту, которую они приобрели во время отбывания наказания под влиянием «тюремной субкультуры»: неуважения к закону, моральных норм, прав и интересов других людей.

Отбыв наказание в виде лишения свободы, бывший осужденный возвращается на волю, где сталкивается с проблемой изменений приобретенных привычек и навыков в местах лишения свободы, с необходимостью изменить свое поведение, встать на путь абсолютного исправления, влиться в социум и стать законопослушным гражданином. Так происходит ресоциализация. Ресоциализация в этом контексте представляет собой двусторонний процесс, который, с одной стороны, разрушает антигуманные, антиморальные, пагубные привычки человека, а с другой стороны, способствует созданию в сознании человека новых «положительных» привычек, новой благоприятной модели жизни

в обществе, улучшению уровня жизни и вливания его в социум.

Состояние исследования. Проблемы ресоциализации осужденных были объектом исследования таких ученых, как А. Жижиленко, М. Гернет, М. Кутепов, А. Плахов, А. Наживке, Ю. Антонян, В. Голина, И. Даньшин, А. Джужа и др.

Цель и задача статьи состоит в исследовании проблем процесса ресоциализации и социальной адаптации бывших осужденных.

Изложение основного материала. Ресоциализация – это сложная социально-правовая категория, которая является составной частью различных сторон единого процесса восстановления, развития социально полезных связей и отношений, как во время отбывания наказания, так и после него. Однако вместе с тем относительно освобожденного она представляет комплекс мер трудового и бытового процесса установления у такого человека связей с целью ее дальнейшей социальной реабилитации после освобождения, чем обеспечивается восстановление осуж-

денного в социальном статусе и возвращение к самостоятельной жизни. Эта деятельность берет свое начало еще во время отбывания осужденным наказания в виде лишения свободы на определенный срок и важное значение приобретает уже после его освобождения из мест лишения свободы.

Ресоциализация – это своеобразный факт, исключение, которое представлено в трех формах: как процесс, результат и конкретные меры, направленные на достижение положительного результата. В ресоциализации бывших осужденных важным моментом является ее осмысление (переваривание) как определенного процесса, происходящего в жизни человека, лиц, которые отбыли наказание в виде лишения свободы на определенный срок и которые в результате такого процесса получают статус законопослушного гражданина, лица, члена общества. Успешность процесса ресоциализации и приобретения такого статуса как законопослушный член общества, в первую очередь, зависит от их собственной активности и желания перемен к лучшему.

Ресоциализация является достаточно сложным процессом и состоит из комплекса мероприятий, направленных на восстановление социальных связей бывшего осужденного и его социальную адаптацию. Сложность ресоциализации объясняется рядом причин личного характера. Жизненная пассивность, которая производится в период отбывания наказания, сильно снижает адаптивные способности человека после выхода из мест лишения свободы, в результате которого ей достаточно сложно снова включиться в жизнь общества. Человек освобождается из мест лишения свободы не готовым выйти на свободу, поскольку не может привыкнуть к разнообразию ролей и функций, которые ему необходимо выполнять на свободе. В результате этого могут возникнуть конфликтные ситуации или вообще отчуждение человека от общества. Препятствия, возникающие на пути у освобожденных лиц, связаны также с некоторыми их специфическими индивидуальными особенностями, состояниями. Это могут быть тревога, неуверенность в себе и тому подобное. Необходимо также учитывать еще и особенности возраста, поскольку из мест лишения

свободы освобождаются люди разной возрастной категории, состояния здоровья, уровня и качества исправления, с различными моральными качествами и тому подобное. Для всех этих лиц процесс ресоциализации проходит по-разному.

Главным же фактором, который влияет на социальную адаптацию освобожденных лиц, остается само общество, поскольку социальная адаптация становится почти невозможной, когда окружающие негативно, враждебно относятся к этой группе людей [1].

Самыми главными и частыми проблемами, с которыми сталкиваются люди, освобожденные из мест лишения свободы, и которые влияют на процесс их положительной ресоциализации, являются: трудоустройство; создание семьи или успешное возвращение к уже существующей семье; психологическая адаптация; получение регистрации (места жительства); получение образования; жилье и др.

Проблемным вопросом осужденных, находящихся в учреждениях исполнения наказаний и освобожденных из мест лишения свободы, является определение их статуса в обществе, что всегда было в центре внимания ученых юристов, педагогов, экономистов, социологов и психологов. Все большую актуальность этот вопрос обретает во взаимосвязи с проблемами, связанными с ростом рецидивной преступности.

В местах лишения свободы, которые контролируются украинскими властями, то есть без учреждений Крыма и оккупированной части Донецкой и Луганской областей, по данным Министерства юстиции, по состоянию на 01.01.2018 г. удерживаются 57 100 человек (по состоянию на 01.01.2017 г. – 60 399 человек), что на 5,46% (3 299 человек) меньше числа лиц в местах лишения свободы по сравнению с прошлым годом. Под стражей в 12 следственных изоляторах и 17 учреждениях исполнения наказаний с функцией СИЗО по состоянию на 01.01.2018 г. удерживались 17 587 человек, в том числе 958 женщин и 133 несовершеннолетних. В 11 колониях для содержания женщин находится 1 896 человек. Численность пожизненно заключенных по состоянию на 01.01.2018 г. составляла 1 572 человека, в том числе

22 женщины. На учете уполномоченных органов по вопросам пробации состоянию на 01.01.2018 г. находились 57 295 человек, по состоянию на 01.01.2017 – 72 979 человек.

Все эти вышеуказанные лица с различными «статусами», которые в результате составляют масштабность преступности, во время пребывания в местах лишения свободы и после отбывания наказания сталкиваются с различными проблемами в процессе ресоциализации и в дальнейшей реинтеграции законопослушного общества в целом.

Среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, «уязвимыми» группами осужденных являются женщины, особенно женщины с детьми, несовершеннолетние, особенно дети, лишенные родительской опеки, а также детисироты, лица больные ВИЧ/СПИД, лица пенсионного возраста.

Отталкиваясь от такой классификации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, должна быть разработана поэтапно программа ресоциализации таких лиц, которая в будущем позволит тому или иному человеку, отбывшему наказание за различного вида тяжести преступления, реинтегрироваться в законопослушное общество. Также процесса ресоциализации, с моей точки зрения, более положительно можно достичь с учетом особенностей криминогенной ситуации того или иного региона, ведь с учетом масштабности региона измеряется масштабность криминогенной ситуации. Поэтому те или иные планы ресоциализации осужденных должны учитывать еще специфику региона, где после отбывания наказания будет проживать и выполнять план ресоциализации лицо, отбывшее наказание в виде лишения свободы на определенный срок.

Учреждения исполнения наказаний, несмотря на определенные преимущества в решении вопросов воспитания осужденных, не может полностью обеспечить положительный результат в их исправлении и реинтеграции. Как показывает статистика, более половины людей, к которым применялись уголовные наказания, снова совершают преступления и возвращаются в места лишения свободы. Такая же ситуация и в развитых странах мира (например, в США, Великобритании). И только Япония демонстрирует отно-

сительно низкий уровень рецидивной преступности, объясняя это сложившимися устойчивыми традициями ее жителей и определенной социокультурной замкнутостью японского общества.

Ресоциализация, по мнению ученого А. Ниживца, – это «сложная социально-правовая категория, которая охватывает различные варианты обновления социальных связей в период отбывания наказания и после освобождения из мест лишения свободы, поэтому ее необходимо разделять на пенитенциарную и постпенитенциарную» [2, с. 15].

Итак, выделим два этапа ресоциализации осужденных: пенитенциарный и постпенитенциарный. Пенитенциарный этап является подготовительным этапом социальной адаптации личности. Он осуществляется во время пребывания осужденного в исправительном учреждении. Постпенитенциарный, или начальный, этап социальной адаптации реализуется после освобождения. Следует отметить, что каждый из названных этапов является важным и в обоих случаях объектом является один и тот же индивид. А отличаются эти этапы субъектами и местом реализации. Субъектом пенитенциарного этапа ресоциализации является уголовно-исполнительная система в лице администрации исправительного учреждения. Субъектами постпенитенциарного этапа должны быть государственные, общественные, религиозные и другие организации, которые заинтересованы в социальной адаптации индивида.

Пенитенциарный этап, как показывает практика, акцентирует внимание на морально-психологической, правовой и материальной готовности человека, который освобождается из мест лишения свободы, но, как свидетельствуют статистические данные, эффект от пенитенциарной реинтеграции снижается условиями, в которые попадает человек, освободившись из мест лишения свободы, как мы уже отмечали с учетом региона и определенными препятствиями на пути реализации постпенитенциарного этапа ресоциализации, в зависимости от его возраста и других индивидуальных особенностей.

Обычно бывшие осужденные к лишению свободы на свободе попадают в сложные ситуации, из кото-

рых невозможно выйти, не нарушая общественные моральные нормы. В результате они снова возвращаются в преступное окружение, «которое им протягивает руку помощи», там, где государство отказывается давать такую помощь.

Период жизни людей, освобожденных из мест лишения свободы, к моменту совершения ими нового преступления недостаточно урегулирован государственной политикой. И поэтому в определенной степени игнорируется главная задача уголовного наказания – предотвращение преступления (специальная и общая превенция).

Социальная адаптация как проблема постпенитенциарного периода ресоциализации изучалась многими исследователями. Например, И. Шмаров считает, что для многих лиц отбывших наказание в виде лишения свободы на определенный срок проблемами социальной адаптации являются ситуация в семье, взаимоотношения с трудовым коллективом, ближайшим окружением [3, с. 9]. Острой причиной такого положения является потеря социально полезных связей после пребывания в местах лишения свободы. Поэтому титаническое внимание следует обратить на организацию помощи бывшим осужденным обустроиться в быту, поиска места работы в местности, где он будет проживать, и социального контроля таких лиц [4, с. 26].

Одним из обстоятельств невыполнения требований относительно трудоустройства центрами занятости населения, исполнительными органами власти и управления, органами внутренних дел является низкая квалификация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, по сравнению с работниками аналогичных специальностей в народном хозяйстве. Большой проблемой лиц, освобожденных из мест лишения свободы, является уровень образования, от которого напрямую зависит возможность трудоустройства таких лиц на свободе. Кроме того, то образование и специализация, которые получают осужденные во время отбывания наказания в виде лишения свободы на определенный срок, при выходе на свободу могут быть не конкурентоспособны на рынке труда. Таким образом, было бы целесообразно обязать администрацию учреждений исполнения

наказаний организовать обучение тем профессиям и специальностям, которые, по результатам статистических данных в наличии вакансий, в будущем после отбывания наказания лица смогут трудоустроиться.

На практике в большинстве случаев у освобожденного из мест лишения свободы, который потерял социальные связи с семьей, родственниками и близкими, поиски работы и жилья занимают несколько месяцев, и в это время они попрошайничают, ночуют на вокзалах, чердаках, в подвалах и снова совершают преступления. По данным ГДУВИН (Государственный департамент Украины по вопросам исполнения наказаний), на запросы УИН (учреждения исполнения наказаний) о трудовом и бытовом устройстве освобожденных дают ответы только 18,2% территориальных органов внутренних дел.

Одной из причин низкого уровня трудоустройства лиц, освободившихся из мест лишения свободы, является нежелание трудовых коллективов, предприятий брать на работу бывших осужденных.

Еще одной из острых проблем ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, является наличие у таких людей психических аномалий. Известно, что в местах лишения свободы находится значительное количество инвалидов, больных туберкулезом, лиц с психическими аномалиями, алкоголиков и наркоманов.

По данным нашего исследования, 75% осужденных имеют физические недостатки, заболевания и психические аномалии. Чаще всего психические аномалии имеют осужденные, находившиеся в УИН более пяти лет, из них неоднократно судимые составляют 43%, в том числе 30,8% – лидеры группировок, 18,5% – хронические алкоголики. Только 38,5% осужденных являются психически здоровыми [5].

Следующей проблемой постпенитенциарного этапа ресоциализации является центр социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы на определенный срок. Такие центры должны предоставлять бесплатное проживание и питание таких лиц до момента получения места постоянной работы и гарантированной заработной платы при условии полезных общественных работ. В городах-

миллионщиках нужно создать общежития-пансионаты для проживания таких людей в количестве 40–50, которые не имеют социальных связей на срок не более 6 месяцев.

Центры социальной реабилитации также должны проводить мониторинг по проблемам трудоустройства, проживания и социальной помощи, организовать правовую и психологическую помощь бывшим заключенным, а также при необходимости членам их семей. Социальные центры должны обеспечивать курсы профилактики от алкоголизма и наркомании под руководством специалистов.

Выводы. Проблемы исправления и ресоциализации лиц, осужденных к лишению свободы на определенный срок, являются общими проблемами государства и других негосударственных органов, в том числе и общества, которые, по моему мнению, имеют прямое отношение к реализации плана ресоциализации бывших осужденных и обеспечивают комплексный индивидуальный подход каждому осужденному. Государство и общество в первую очередь должны быть заинтересованы в исправлении людей, совершивших преступление, и в будущем должны предупредить совершение нового преступления (рецидива) посредством реализации плана ресоциализации.

На первом этапе ресоциализации осужденных должны улучшиться состояние содержания осужденных в местах лишения свободы, возможность получения образования (квалификации, специализации), которое на свободе даст возможность трудоустроиться.

Поспелитенциарный этап имеет свои проблемы. Зачастую, как показывает практика, такой проблемой является пассивность и неготовность бывших осужденных к изменению, а также на сегодняшний день проблемами, с которыми сталкиваются бывшие осужденные, являются трудоустройство, гарантированная плата за работу, проживание, как временное, так и постоянное, особенно тех лиц, которые во время отбывания наказания потеряли свою семью или любое общение с семьей и родственниками.

Список использованной литературы:

1. Плахова О.М. постпенитенциарного социальная адаптация: факторы эффективности. *Методология, теория и практика социологического анализа современного общества*. 2010. № 16. С. 617–620.

2. Неживец А.Н. Обеспечение социальной и трудовой реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право». Киев, 2005. 22 с.

3. Шмаров И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. Проблемы социальной адаптации. Москва : Юридическая литература, 1974. 136 с.

4. Крысюк Ю.П. Ресоциализация бывших осужденных: понятие, особенности, этапы, адаптационные проблемы. *Научные основы Херсонского государственного университета*. Выпуск 2. Том. 4. Харьков : 2014. С. 25–28.

5. Антонян Ю.М. Преступность и психологические аномалии / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин. Москва : Наука, 2007. 208 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Томы Мариана Георгиевна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры криминального права Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Toma Mariana Georgievna – Candidate of Law Sciences, Assistant at the Department of Criminal Law of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

m.toma@chnu.edu.ua

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОРОВ-КАРМАННИКОВ КАК КЛАССИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПРЕСТУПНОЙ «ПРОФЕССИИ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Максим ФЕЩИН,

аспирант кафедры криминалистики, судебной медицины и психиатрии
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена личность карманных воров как важная составляющая криминалистической характеристики карманных краж с научной и исторической стороны. Проанализированы взгляды отечественных и зарубежных ученых на эту проблему, выделены и охарактеризованы основные категории карманных воров в период XIX – XX веков и по настоящее время, охарактеризованы наиболее распространенные виды специализации карманных воров как наиболее выраженной воровской квалификации «воров-профессионалов». Исследовано развитие личности вора-карманника в начале XX века в таких зарубежных странах, как Англия и Франция. Сделаны соответствующие выводы и предложения по усовершенствованию борьбы с этим видом преступлений.

Ключевые слова: преступность, карманные кражи, карманный вор, «вор-профессионал», воровская специализация, преступная «профессия», Национальная полиция Украины, следователь, уголовный розыск.

PERSONALITY OF POCKET THIEVES AS A CLASSICAL EXPRESSION OF CRIMINAL “PROFESSION”: HISTORY AND MODERNITY

Maksim FESHCHIN,

Postgraduate Student at the Department
of Criminalistics, Forensic Medicine and Psychiatry
of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article considers the identity of pocket thieves as an important component of the criminalistic characteristics of pocket thefts from a scientific and historical point of view. The views of domestic and foreign scientists on this problem are analyzed, the main categories of pocket thieves in the nineteenth and twentieth centuries are characterized and characterized to date, the most common types of specialization of pickpockets as the most pronounced thieves qualification of “professional thieves”. Studied the development of the identity of a pickpocket in the early twentieth century in foreign countries such as England and France. Relevant conclusions and suggestions for improving the fight against this type of crime.

Key words: crime, pickpocketing, pickpocket, “professional thief”, thief specialization, criminal “professionalism”, National Police of Ukraine, investigator, criminal investigation.

Постановка проблемы. Проблема противодействия злу, именуемому преступностью, постоянно привлекает внимание цивилизованного общества. Сегодня при обсуждении этой темы используется различная терминология: борьба с преступностью, предупреждение преступлений, профилактика преступности, криминологическая (социальная профилактика) преступности, криминологический контроль (мониторинг). В последние годы – противодействие преступности. Этот феномен получил название «борьба терминов» [1].

Изменения в экономической и политической системах Украины, ослабление контрольных функций государства, другие экономические и социальные процессы имеют побочный результат – рост преступности, в том числе

увеличение количества карманных краж. Так, увеличение количества таких краж в Украине трансформировалось в последнее время в большую проблему, которая получила широкое экономическое, социальное и криминогенное влияние на жизнь общества. Нестабильность в обществе, снижение жизненного уровня, рост безработицы, потеря части граждан нравственных ориентиров создают условия для совершения карманных краж и увеличения тесно связанной с ней преступности.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы криминалистической характеристики лиц, совершающих карманные кражи, как наиболее выраженной воровской квалификации – классического выражения преступной «профессии».

Состояние исследования. Общие проблемы методик расследования отдельных видов преступлений изучали Ю.П. Аленин, М.М. Баранов, А.Я. Баев, В.П. Бахин, В.Д. Берназ, Р.С. Белкина, И.А. Возгрин, А.Ф. Волобуев, В.И. Гаенко, И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, В.Л. Грохольский, Л. Давыденко, И.М. Даньшин, Э.А. Дидоренко, А.В. Ищенко, В.О. Коновалова, А. Матусовский, В.А. Образцов, М.В. Салтвевский, И.В. Сервецкий, В.Ю. Шепитько, Н.П. Яблоков и др. Проблемы раскрытия, расследования и предупреждения карманных краж разрабатывали В.Д. Берназ, В.И. Бобырь, А.И. Гурув, Г. Зарубин, А.Ф. Кобзарь, Е.В. Пряхин, В.П. Самойлов, И.В. Сервецкий, К.А. Чаплинский, И.Н. Якимов и др. Предложенные авторами выводы и методические рекомендации, безус-

ловно, и сейчас способствуют раскрытию и расследованию карманных краж. Однако считать, что все проблемы методики расследования этого вида преступлений разрешены, было бы ошибочно.

Целью и задачей статьи является исследование квалификации карманных воров как важного составляющего элемента криминалистической характеристики с научной и исторической точек зрения, обобщение криминалистически значимой информации о квалификации карманных воров, освещение возможных путей решения существующих проблем в этой сфере.

Изложение основного материала. В деятельности следователей при расследовании указанных преступлений существуют просчеты и ошибки, выражающиеся в недостаточно оперативном реагировании на факты совершения карманных краж и сопровождении сотрудниками криминальной полиции (уголовного розыска) хода их расследования, слабom или незнании вообще квалификации вора-карманника как составляющей криминалистической характеристики личности этого преступника, в неполном и некачественном проведении следственных действий, что ведет к неправильной оценке складывающейся следственной ситуации и, соответственно, выбору неверной программы действий по ее разрешению и т.д.

Считаем необходимым напомнить о том, что разновидностью тайного похищения имущества являются кражи из одежды, сумок или другой ручной клади, а также срезание часов, фотоаппаратов, мобильных телефонов и др., объединяемые в практике расследования понятием «карманные кражи». Карманные воры причиняют не только материальный ущерб отдельным гражданам. Являясь своеобразными хранителями преступных традиций еще времен царской России, они передают их части неустойчивой молодежи, заражая идеями «легкой жизни». Карманники нередко способствуют переходу особо опасных преступников на нелегальное положение, снабжая их краденными документами. Некоторая часть воров специализируется на совершении краж у иностранцев, тем самым дискредитируется наше государство, вызывая нежелательный резонанс за рубежом [2]. Карманники совершают

кражи как в одиночку, так и группой. По мнению В.А. Мартыросова, у каждого карманника-профессионала имеется специализация и каждый подбирает себе жертву и возможный объект похищения в зависимости от своих способностей. Карманник не станет совершать кражу из сумки, которую не сможет быстро и незаметно для окружающих открыть. Профессиональный карманник вор, совершающий кражи в метро, никогда не совершит кражу, например, на рынке или в магазине, так как годами отбатывает навыки и способы, характерные для совершения хищения в определенном общественном месте. Из этого следует, что каждый карманник специализируется в своем преступном мастерстве, используя различные способы, приемы, место карманных краж. Члены преступной группы заранее распределяют между собой ролевые функции, но таким образом, чтобы один отвлекал внимание толпы и жертвы, другой в это время похищал ценности, а третий принимал от исполнителя украденное имущество и быстро покидал место происшествия. Для этого карманники реализуют отработанные годами приемы [3]. Поэтому следует обратить внимание также на то, что важным элементом криминалистической характеристики карманных краж, который влияет на содержание первоначальных следственных действий и тактику их проведения, являются типологические особенности личности преступника [4].

Определить с точной достоверностью, как давно появились карманные кражи, сложно, даже невозможно, поскольку сам термин «карманные кражи» в юридической литературе определен относительно поздно – в середине XIX в. К тому времени в отечественном уголовном праве тайное похищение имущества называлось «татьбой». Термином «кража» тогда определялось любое преступление, подобно тому, как в «Русской правде» родовым названием всех правонарушений была «обида». Более того, противоправное изъятие денег, ценностей и других предметов из карманов не считалось воровством, а квалифицировалось как мошенничество. В основе квалифицирующего признака был не обман, а ловкость.

Карманные воры, как правило, специализировались на своем «ремесле» и поэтому редко совершали другие преступления. Исследуя в начале XX в. обычаи сахалинской каторги и ее жителей, известный журналист того времени В.Н. Дорошевич приводит слова одного карманного вора, незаконно обвиняемого в убийстве: «Помилуйте! Зачем мне убивать, когда я прирожденный карманник!? Вы всю Россию пройдите, спросите, может ли карманник человека убить ... Но вам каждый в глаза рассмеется». Кражи в основном осуществлялись в трамваях, железнодорожных вагонах, на рынках, вокзалах, в церквях, а также в толпе во время похоронных процессий или при массовых гуляниях [5, с. 6].

Особые трудности для полиции царской России представляло разоблачение так называемых «марвихеров» – международных карманных воров, которые считались элитой преступного мира. Воры этой категории имели, как правило, несколько фамилий, свободно владели многими языками и похищали кошельки состоятельных граждан, особенно иностранцев, которые очень часто посещали киноконцертные комплексы, театры, светские рауты и даже похороны. Марвихеры регулярно следили за афишами, газетными объявлениями и светской хроникой, чтобы не пропустить следующий концерт или спектакль. Карманным воров-марвихером необходимо родиться. Одних пальцев мало. Необходимо иметь от природы соответствующий состав нервной системы, мгновенную, точную реакцию, соответствующее строение пальцев, ладоней, локтей и плеч, а также надлежащую артистичность. Чтобы воровской талант развивался, нужно много лет тренировок. Карманные воры имеют свою татуировку – паук без паутины между большим и указательным пальцем руки [6, с. 7].

Принято считать, что карманники – это далеко не самая уважаемая в воровской среде «профессия». На самом деле это не так. В начале XX века карманники («щипачи») считались высшей аристократией преступного мира. Неудивительно, ведь эта профессия требует незаурядных данных. Карманником экстракласса нужно родиться. Одних пальцев мало. Нужно получить

от природы определенного склада нервную систему, мгновенную, точную реакцию, соответствующее устройство пальцев, ладоней, локтей и плеч, а также незаурядные актерские данные, ведь работать приходится с людьми, рискуя каждую секунду. И все это только задатки. Требуются годы упражнений, чтобы воровской талант развился [7]. В начале этого же века в Англии и Франции даже существовали специальные школы, готовящие воров-карманников. Начиная вор тренировался на манекенах, одетых соответственно сезону. На втором этапе ученик должен был незаметно выгащить кошелек у своего товарища, и лишь затем учитель приступал к индивидуальным занятиям. Режим и дисциплина были очень жесткими, ослушника могли даже подвергнуть телесным наказаниям – избить палкой. Интересно, что, по мнению многих исследователей криминальной среды, так называемые «воры в законе» вышли из карманников и карточных шулеров. Представители этой криминальной группы всегда боялись каторги, тюрем и лагерей, где физический труд сводил на нет годы упорных тренировок. Попадая в зону, они отказывались трудиться и всячески оберегали свои руки, заставляя работать других заключенных. Кстати, по некоторым данным, популярная «распальцовка», которой любят козырять представители криминальных кругов, – не что иное, как элемент тренировки пальцев воров-карманников [8].

«Кузней» воровских кадров всегда был Санкт-Петербург, где появились такие марвихеры, как Александр Макаров («Пузан»), Полонский («Инженер»), Шейндля Соломониак («Сонька – Золотая Ручка»). Полиция разных стран вела с карманными ворами активную борьбу, объединяя усилия, создавая специальные дактилоскопические картотеки на «марвихеров». «Наиболее суровое учреждение для этой категории опасных рецидивистов в настоящее время, – писал В.Л. Лебедев, – это регистрационное бюро поисковых отделений, и только с помощью правильного их фотографирования, описания особых примет, а также тщательных отметок в регистрационных карточках обо всех их соучастниках, особенно задержанных

вместе по одному делу, и, возможно, препятствование дальнейшей деятельности воровских банд». В начале 20-х гг. XX века распространение карманных краж достигало внушительных размеров. Однако до 1925 г. организованная и целенаправленная борьба с карманными ворами практически не велась. «Карманные кражи раскрываются тогда, – писал И.Н. Якимов, – когда потерпевший сам задержит вора». Создание специальных групп по борьбе с карманными кражами (на основе дореволюционного опыта) долгое время не приносило видимых успехов, поскольку у работников отсутствовали опыт и профессиональные навыки задержания воров «на кармане». Агенты (сотрудники уголовного розыска), не зная и не имея возможности задерживать вора во время совершения кражи, чтобы показать, что они что-то делают, осуществляют приводы знакомых воров, устанавливая за ними наблюдение, а воры, попав «в привод», мало чего боятся, поскольку знают, что через несколько часов их уволят, а эти «свободные» часы проводят с пользой, глядя в облик работников милиции и распорядка работы. Но в 20-х гг. молодая советская милиция изобрела оригинальный способ борьбы с карманными ворами: им переламывали пальцы, ведь для карманника пальцы – это орудие преступления.

Следует отметить, что с большим размахом действовали карманники в условиях НЭПа, обогатив свой арсенал новыми видами и способами краж. Появилась совершенно новая категория воров – «банковские воры», которые действовали группой в 2–3 человека. Изысканно одетые, они приходили в помещение банка, выискивали человека, который получал кредит, и начинали «работу». Кража обычно совершалась с помощью надреза дна портфеля бритвой. Вторая категория воров («Хевра») также действовала группой, «работая» в многолюдных местах, в толпе, преступники искусно создавали имитированные ссоры или драки («понт»). Пока часть воров делала «понт», их соучастники обворовывали карманы наблюдателей. Третья категория совершала кражи с помощью дрессированных собак, которые по сигналу вора бросались на прохожего и сбивали его с ног. Поднимая

его, вор одновременно совершал кражу у перепуганного человека. Карманных воров классифицировали тогда как по способу совершения преступления, так и по положению, которое он занимал в преступном мире. Например, московским уголовным розыском карманные воры делились на «стрелков» (воров-попрошак), «оборванцев» (базарных воров), «ширмачей» (похищают под ширмой), «гастролеров» (опытных воров, которые действуют в разных местах), «марвихеров» (воров высокой квалификации), «хипесников» (воров, действующих с помощью напарниц), «нарушителей» (совершают кражи в толпе во время похорон). Однако, как заметил М.Н. Гернет, эта установленная уголовным розыском классификация воровского преступного мира не имела исчерпывающего значения. Сами воры-профессионалы «дифференцируют» себя гораздо тщательнее и, кроме перечисленных групп, имеют еще много других [6, с. 7–9]. Карманные воры вызывают особый интерес, поскольку отличаются от многих преступников значительным числом узких специальностей, исключительной стойкостью преступного поведения, стабильным жаргоном и традициями. Карманные кражи в анализируемый период, как отмечали многие исследователи, были весьма распространенным явлением. Они совершались в местах большого скопления людей – в театрах, церквях, поездах, на рынках и т. п. Зарубежные криминалисты отмечали высокий удельный вес групповых карманных краж. Наиболее распространенными были квалифицированные кражи, совершаемые под прикрытием («ширмой»), для чего служили плащи, наброшенные на руку, газеты, букеты цветов, портфели и другие предметы. К орудиям преступления относились пинцеты, крючки, щипцы для среза цепочек и часов, крошечные лезвия, вставленные в кольца или браслеты и т. п. Приемы совершения краж были разнообразными. Воры действовали даже с помощью дрессированных собак.

В ряде источников отмечены исключительное мастерство и ловкость русских карманных воров, отличавшихся этим от карманников стран Западной Европы. Но дело здесь не во врожденных или национальных свойствах личности, как предполагал Ч. Лом-

брозо, а в условиях ведения преступного образа жизни и уголовно-воровских традициях. В Англии и Франции, например, существовали специальные школы, между тем в России карманники воспроизводились практикой поколений профессиональных преступников. И если небезызвестный Картуш пользовался только манекенами в обучении карманных воров, которых бил палкой по голове за каждую неудачную попытку, то, по словам Белогриц-Котляревского, на Руси «они (учителя, – Л.Г.) показывали ученикам своим тут же на площади, с какой ловкостью надо это сделать: вынимали у проходящих из карманов табакерку, нюхали табак и клали ее снова в карман проходящему, а тот шел, ничего не замечая». Отмечалось, что карманные воры очень боялись попасть в места лишения свободы (очевидно, это связывалось с возможной потерей там воровских навыков) и игнорировали любые отношения с грабителями [9].

С началом развития социализма в советской стране произошли значительные изменения в структуре преступного мира. Не обошли они и карманных воров. Во-первых, сократилось количество самих преступлений. Во-вторых, под влиянием социально-экономических факторов и, безусловно, благодаря активизации работы аппаратов уголовного розыска, которые набирали силу и опыт, стали распадаться наиболее устойчивые и опасные преступные группировки, ликвидировались всевозможные притоны и «малины».

Потеряли значение такие центры преступного мира, как московские Хитров и Сенной рынки, Марьино Роша и тому подобные. Вообще исчезли наиболее изобретательные разновидности карманных краж: «банковские покупки», кражи с использованием тренированных собак и тому подобное. В то же время кражи с помощью технических средств и «под ширмой» оставались неизменными. Сохранялась преступная иерархия с различными видами преступных групп. Практически не изменилась психология карманных воров. Однако они были вынуждены приспосабливаться к реальной обстановке, действовать более конспиративно. Данное явление наблюдалось и в других видах преступлений, кото-

рые совершались тогдашними профессионалами [6, с. 9].

Для познания особенностей профессиональной преступной деятельности недостаточно лишь внешних показателей, характеризующих количество преступлений, место, время, способ и орудия их совершения. Необходима своеобразная характеристика преступного поведения, которая отражает степень подготовки субъекта к выполнению определенных действий, эмоциональное и психическое его состояние, спецификацию приемов совершения преступлений, соотношение активности преступной деятельности и квалификации субъекта и другие. В целом криминальная специализация внутри видов преступной деятельности у современных преступников представлена гораздо шире, чем в уголовном мире 20-х и 50-х гг., а степень их подготовки и технической оснащенности – значительно выше. Вопросы криминальной квалификации в ее конкретном проявлении в той или иной мере отражены в специальной литературе, особенно в раскрывающей проблемы оперативно-розыскной деятельности органов Национальной полиции Украины. Поэтому мы не будем перечислять здесь все разновидности такого рода преступной деятельности и категории преступников, поскольку это ограничено рамками нашего исследования, а лишь остановиться на анализе наиболее распространенных и опасных (в аспекте профессионализации) видов преступной деятельности. Вместе с тем нельзя не указать на то обстоятельство, что в настоящее время, по нашим данным, насчитывается свыше 100 криминальных специальностей только в среде преступников по линии уголовного розыска. Это почти в два раза больше, чем было в 20-е гг.

Квалификация вора-карманника всегда считалась классическим выражением преступной «профессии» и сохранилась без существенных изменений до наших дней. Различают шесть основных специализаций и связанных с ними квалификаций по месту совершения преступлений: 1) на рынках и базарах («рыночники»); 2) в метро («крыты»); 3) на железнодорожном транспорте («майданщики»); 4) на городском транспорте («гонщики» или «маршрутники»); 5) в мага-

зинах и театрах («магазинные», «театральные»); 6) на улицах («уличные»). Указанной специализации карманные воры в основном придерживаются, однако не исключается переход от одной специализации к другой. Наиболее стойко квалификация карманника проявляется в способах совершения краж, каждый из которых требует своих, присущих ему приемов, знаний и навыков. Среди карманников наибольшей популярностью и авторитетом пользуются воры, специализирующиеся на кражах с применением технических средств. На втором месте стоят «ширмачи» и «щипачи». Третью составляют «рыболовы» и «крючечники», четвертую – так называемая воровская чернь («сумочники» и «верхушечники», что соответствует «хламидникам» и «портяночникам» 20-х гг.). Однако указанным выше разделением воровская среда карманников не ограничивается. Существуют также более мелкие квалификации. Например, карманник, принимающий похищенное («пропальщик»), навыки которого заключаются в специальном приеме и хранении краденых предметов; вор, отвлекающий внимание жертвы («тырщик», «оттырщик») или обучающий навыкам краж новичков («козлятник») [10]. Следует отметить, что квалификация карманного вора не отмирает, как полагают некоторые, а наоборот, имеет тенденцию распространяться, поскольку в настоящее время эта деятельность воров относительно безопасна в связи с ослаблением работы оперативно-поисковых групп органов внутренних дел. Хотя воровская квалификация карманника и не претерпела существенных изменений со времен феодальной России, общественная опасность личности вора значительно повысилась. Это обусловлено использованием технических средств (машин, радиостанций), способами маскировки преступного образа жизни, наметившейся в последнее время тенденцией к универсализму профессиональных преступников.

Выводы. Подводя итог, следует отметить, что карманные воры относились к высококвалифицированным уголовникам, однако по сравнению с другими категориями считались мелкими ворами и большим авторитетом

в преступном мире не пользовались, особенно среди осужденных (исключение составляли международные карманники – «марвихеры»). На наш взгляд, главным критерием для квалификации кражи как карманной является обусловленность применения специальных приемов и способов ее совершения, нахождения похищенного имущества непосредственно при потерпевшем. Знание квалификации карманных воров позволяет сотрудникам правоохранительных органов более эффективно осуществлять профилактику, раскрытие и расследование данного вида преступлений, а гражданам – уберечь от хищения свою личную собственность. Изучение свойств личности карманника имеет не только теоретическое значение. Осведомленность следователя о факторах, в зависимости от которых преступник выбирает способ совершения преступления, и конкретных обстоятельствах дела позволяет с большой степенью вероятности выдвигать обоснованные версии как о способе совершения преступления, так и о конкретном преступнике, мотивах его действий, а значит, помогает разработать алгоритм борьбы с данными видами преступлений и лицами, их совершающими.

Список использованной литературы:

1. Противодействие преступности: Учебное пособие / Литвинов А.Н., Давыденко Л.М., Давыденко М.Л. и др. Киев : «Хай-Тек Пресс», 2011. 200 с.
2. Расследование карманных краж. URL: <http://www.allbest.ru>.
3. Карманные кражи. URL: http://knowledge.allbest.ru/law/3c0a65625a3bc69b5d53b88521316c37_0.html.
4. Криміналістична характеристика крадіжок. URL: <http://buklib.net/books/31574>.
5. Кобзар О.Ф. Основи розслідування та попередження кишенькових крадіжок : навчальний посібник. Кіровоград : Кірюї ХНУВС, 2009. 127 с.
6. Кобзар О.Ф., Чаплинський К.О. Методика розслідування та попередження кишенькових крадіжок : навчальний посібник. Дніпро : Дніпроп. держ. ун-т внутр. справ, 2018. 161 с.

7. Уголовная империя. Воровские профессии. URL: http://www.aferizm.ru/criminal/imperia/imperia_3.htm.

8. Брединский А. Специалисты по «карманной тяге». URL: <http://sec4all.net/karmaniki.html>.

9. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. URL: http://adhdportal.com/book_1692.html.

10. Квалификация профессиональных преступников. URL: https://www.pravo.vuzlib.su/book_z1583_page_16.html.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фещин Максим Анатольевич – аспирант кафедры криминалистики, судебной медицины и психиатрии Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Feshchin Maksim Anatolyevich – Postgraduate Student at the Department of Criminalistics, Forensic Medicine and Psychiatry of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

Vikol_grigor@ukr.net

УДК 343.98

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОГО ОБОГАЩЕНИЯ

Артур ЧЕРЕНКОВ,

аспирант лаборатории по проблемам противодействия преступности
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается криминалистическая характеристика предмета незаконного обогащения. Раскрываются важные для методики расследования этих преступлений признаки предмета преступного посягательства, связанные с формой его внешнего выражения (денежные средства, иное имущество, доходы от денежных средств и имущества), размером (обязательно должен быть значительным) и отсутствием доказательств, которыми подтверждается законность приобретения соответствующих предметов. Освещены актуальные проблемы доведения органами досудебного расследования того факта, что законность приобретения активов как предмета незаконного обогащения не подтверждена доказательствами. Приведены аргументы в пользу опровержения утверждения о том, что расследование незаконного обогащения сопровождается нарушением такой общей основы уголовного производства, как презумпция невиновности и обеспечение доказанности вины.

Ключевые слова: незаконное обогащение, криминалистическая характеристика незаконного обогащения, предмет преступного посягательства, активы в значительном размере, законность оснований приобретения которых не подтверждена доказательствами.

THE SUBJECT OF A CRIMINAL ENCROACHMENT IN THE SYSTEM OF FORENSIC CHARACTERISTICS OF ILLEGAL ENRICHMENT

Artur CHERENKOV,

Postgraduate Student of Laboratory on the Problems of Combating Crime
of the National Academy of Internal Affairs

SUMMARY

The article discusses criminalistic characteristics of the subject of illicit enrichment. It reveals important for the method of investigation of these crimes the signs of a criminal offense related to the form of its external expression (money, other property, income from money and property), the size (must necessarily be significant) and the lack of evidence, which confirms the legality of the acquisition of relevant items. Disclosed actual problems of investigating the legality of acquiring assets as an object of illegal enrichment which is not confirmed by evidence. Proved that the investigation of illegal enrichment is accompanied by a violation of the presumption of innocence and ensuring the proof of guilt.

Key words: illegal enrichment, criminalistic characteristic of illegal enrichment, subject of criminal encroachment, assets in a considerable size which legality of the bases of acquisition it is not confirmed with proofs.

Постановка проблемы. В технологиях незаконного обогащения важное место отводится предмету преступного посягательства, который является источником информации, необходимой для организации эффективного досудебного расследования указанной категории уголовных преступлений. Важное значение имеет именно криминалистическая информация о предмете преступного посягательства, поскольку она определяет направление расследования. Предмет незаконного обогащения тесно связан со способами его совершения и личностью преступника. Преступники обычно принимают меры по сокрытию предмета незаконного обогащения или предоставления ему легальной формы.

Состояние исследования. Внимание вопросам предмета незаконного обогащения в своих работах уделяли В.И. Василичук, А.И. Гузоватый, А.П. Денег, А.А. Дудоров, Л.И. Керик, М.В. Кочеров, Д.Г. Михайленко, А.Н. Стрельцов, В.М. Шевчук, В.Ю. Шепитько, С.С. Чернявский, И.М. Ясинь и др. Несмотря на значительный вклад ученых в исследование этой проблематики, многие вопросы остались дискуссионными или недостаточно исследованными. Зато в комплексе предмет незаконного обогащения как один из элементов криминалистической характеристики этих преступлений не исследовался.

Целью и задачей статьи является анализ одного из элементов кри-

миналистической характеристики незаконного обогащения – предмета преступного посягательства, его криминалистических признаков и места в методике расследования соответствующих уголовных производств.

Изложение основного материала. В определенной категории уголовных преступлений предмет преступного посягательства является обязательным элементом его криминалистической характеристики. Поэтому следует согласиться с учеными, которые среди структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, важных для построения методики их расследования, выделяют предмет преступного посягательства.

На основании анализа уголовно-правовой характеристики преступления, предусмотренного ст. 368-2 УК Украины, можно выделить, прежде всего, такие виды предметов преступных посягательств в незаконном обогащении: 1) денежные средства; 2) иное имущество; 3) доходы от денежных средств и имущества.

Для расследования незаконного обогащения важны отдельные признаки предмета преступного посягательства, которые необходимо доказать в каждом уголовном производстве: 1) форма предмета (денежные средства, иное имущество, доходы от денежных средств и имущества); 2) его размер, который обязательно должен быть значительным; 3) отсутствие доказательств, которыми подтверждается законность приобретения соответствующих предметов.

В процессе доказывания предмета незаконного обогащения необходимо исходить из самого детального описания и установления индивидуальных свойств и признаков предмета этого преступного посягательства [1, с. 8].

К предмету незаконного обогащения, прежде всего, следует отнести денежные средства как в национальной валюте (гривна), так и иностранной (чаще всего – доллары и евро). Они могут иметь как наличную, так и безналичную форму.

По результатам изучения практики установлено, что наличные субъекты незаконного обогащения сохраняют как дома, так и в других местах, обычно у родственников, реже – у друзей и знакомых. В определенных случаях ее размещают в банковских ячейках, оформленных на подставных лиц, какими субъект незаконного обогащения пользуется на основании доверенности.

Средства в безналичной форме размещают на банковских счетах или же они находятся на депозитах определенных лиц – чаще всего родственников или доверенных лиц из числа друзей и знакомых.

Как справедливо отмечают ученые, когда предметом незаконного обогащения являются денежные средства, то необходимо установить, какая именно это сумма, в какой валюте, какими купюрами, индивидуальные признаки купюр, по возможности номера купюр, каковы особенности

и индивидуальные признаки [1, с. 8]. Особенно актуальны такие рекомендации относительно предмета незаконного обогащения, который изымается при обыске.

Кроме денежных средств, предметом незаконного обогащения может быть и другое имущество – движимые и недвижимые вещи, в том числе ценные бумаги и документы, удостоверяющие право на имущество [2, с. 1161].

По результатам изучения работы правоохранителей по выявлению и расследованию незаконного обогащения установлено, что чаще всего предметом таких преступлений являются автомобили, земельные участки, квартиры.

К предмету незаконного обогащения также относятся доходы от денежных средств и имущества – это доходы, полученные субъектом преступления от реализованного имущества, в частности, от отчуждения движимого или недвижимого имущества, отчуждения ценных бумаг, банковских вкладов, передачи имущества в аренду, дивиденды, проценты [2, с. 1161].

Предмету преступления присущи многочисленные признаки: материальность, структура, состояние, количество, качество, социальное значение, стоимость, характер связи с другими признаками состава преступления, юридические признаки и т.д. [3, с. 65].

Больше всего трудностей при расследовании незаконного обогащения связано с необходимостью доведения органами досудебного расследования того факта, что законность приобретения активов как предмета незаконного обогащения не подтверждена доказательствами.

В контексте характеристики предмета незаконного обогащения (активов в значительных размерах) конструкция «законность оснований приобретения которых не подтверждена доказательствами», по мнению А.В. Савченко и А.В. Кришевич, означает ситуацию, при которой в пределах какого-то производства (уголовного, гражданского, хозяйственного, административного и т.д.) имеются соответствующие фактические данные, которые не подтверждают легитимность оснований (поводов) для получения субъектом денежных средств или иного имущества, а также доходов от них.

Такие фактические данные (доказательства) должны обязательно иметь процессуальное закрепление [4, с. 903].

Зато Л.П. Брич утверждает, что неподтверждение доказательствами законности оснований приобретения активов – это непредоставление вещественных доказательств, документов, заключений экспертов, подтверждающих приобретение их в собственность по основаниям, установленным законодательством [2, с. 1161]. Однако с такой позицией исследователя нельзя согласиться, поскольку при таких обстоятельствах бремя доказывания перекладывается на лицо, совершившее незаконное обогащение. Очевидно, что не субъект незаконного обогащения, а органы досудебного расследования именно с помощью вещественных доказательств, документов, заключений экспертов должны доказывать тот факт, что законность приобретения активов как предмета незаконного обогащения не подтверждена доказательствами.

Не случайно криминалисты отмечают, что имеет место определенная дискуссионность содержания положения об отсутствии доказательств, которыми подтверждается законность приобретения активов, заключается в презумпции преступного характера приобретения лицом в собственность активов в значительном размере, законность оснований приобретения которых не подтверждена доказательствами. Эту презумпцию, по мнению отдельных криминалистов, лицо, которое обвиняется в незаконном обогащении, должно опровергнуть, что прямо противоречит конституционному принципу презумпции невиновности (ч. 1 ст. 62 Конституции Украины) и базовым нормам уголовного законодательства, в частности ч. 2 ст. 2 УК Украины [1, с. 7–8].

А.А. Книженко считает, что законодатель фактически возложил обязанность доказывать законность оснований приобретения активов в собственность на субъекта преступления [5, с. 113]. В. Трепак считает, что законодательное определение состава «незаконное обогащение» фактически заставляет (обязывает) лицо, в отношении которого выдвинуто обвинение в незаконном обогащении, давать показания (при наличии конституционного права не свидетельствовать относи-

тельно себя и близких родственников), а также доказывать законность своих действий (за существование принципа презумпции невиновности). Если лицо этого не сделает, то его неизбежно ждет наказание [6]. По мнению Д.Г. Михайленко, таким образом законодатель пытался обойти или завуалировать проблему переноса бремени доказывания (ограничение принципа презумпции невиновности) на субъекта коррупционного преступления и нарушения права не свидетельствовать против себя [7, с. 349].

Однако существует и противоположная позиция по этому поводу. Стоит согласиться с А.А. Дудоровым в том, что такая необычная законодательная формулировка – «законность оснований приобретения активов в собственность не подтверждена доказательствами» (а оно порождает больше всего дискуссий) не означает, что лицо, уполномоченное на выполнение функций государства или местного самоуправления, во избежание обвинения его в незаконном обогащении обязано доказывать факт законности вступления в определенные активы [8, с. 262; 9].

Права и А.С. Копытова в том, что если в отношении лица предварительно (например, по заявлению о преступлении) установлено, что его образ жизни не соответствует его доходам, то следователь должен проверить наличие активов и все возможные версии их законного приобретения [10, с. 131–133].

Заслуживает внимания и утверждение криминалистов, что отнесение чего-либо к категории «доказательства» является прерогативой соответствующего правоприменительного органа, а не лица, совершающего противоправное поведение [11, с. 11–12].

А.А. Дудоров считает, что, исходя из содержания нынешней редакции ст. 368-2 УК, обязанность доказывать незаконность происхождения имеющихся у субъекта активов возлагается на орган обвинения. Сделанный вывод следует и из презумпции правомерности приобретения права собственности на имущество, закрепленной в ч. 2 ст. 328 ГК, а также ст. 92 УПК «Обязанность доказывания». Лицо, подозреваемое (которое обвиняется) в незаконном обогащении, не обязано, но вправе предоставлять объяснения

относительно источников имеющихся у него активов и законности их происхождения. Особенно это имеет значение в случаях потери правоустанавливающих документов на имущество, смерти или исчезновения лиц, которые подарили или других правовых принципах передали имущество лицу, заявления последней о находке имущества и т. п. [9].

Положение ч. 1 ст. 368-2 о подтверждении законности оснований приобретения активов в собственность доказательствами, как отмечает Л.П. Брич, закрепляет субъективное юридическое право лица, следует из ст. 63 Конституции Украины. Его следует понимать не как возложение обязанности доказывания на лицо, являющееся субъектом этого преступления, а как акцентирование на том, что: 1) лицо, хотя и не обязано, но имеет предоставленное ему законом право в случае явного превышения активов над законными доходами подтвердить доказательствами законность их происхождения; 2) сторона обвинения обязана доказать незаконность оснований приобретения активов независимо от того, воспользовалась лицо своим правом предоставить доказательства [2, с. 1161].

При таких обстоятельствах при расследовании незаконного обогащения мы имеем две типичные ситуации: 1) лицо, которое подозревается или обвиняется в незаконном обогащении, воспользовавшись своим конституционным правом (предусмотренным ст. 63 Конституции Украины), отказывается предоставлять доказательства законности происхождения предмета незаконного обогащения; 2) указанное лицо предоставляет доказательства законности происхождения предмета незаконного обогащения.

В обеих ситуациях органы предварительного расследования обязаны доказать виновность субъекта незаконного обогащения. Тот факт, что лицо, пользуясь своим вышеупомянутым конституционным правом, облегчает стороне обвинения доказательства вины, не говорит о каких-то нарушениях. Такая практика вполне оправдана и достаточно распространена при расследовании других преступлений. Обвиняемый часто на начальном этапе расследования преступления отказыва-

ется давать показания, но, несмотря на это, сторона обвинения собирает необходимую доказательную базу и направляет дело в суд.

В таком случае точными являются слова М.И. Хавронюка. Из ст. 368-2 УК следует, что, если у того или иного лица-функционера предварительно установлен образ жизни, не соответствующий его официальным доходам, то следователь должен выяснить наличие активов и все возможные версии их законного приобретения, проверив различные базы данных, изучив все ранее поданные декларации чиновника и тому подобное. Подсудимый может предоставить следствию и суду свои объяснения или не предоставлять их; во втором случае сам по себе отказ предоставить доказательства законности приобретения активов еще не может рассматриваться как факт отсутствия таких доказательств. Но, например, если чиновник выиграл в лотерею, но не хочет в этом признаться (чтобы не нести ответственность за уклонение от уплаты налогов), то это его выбор, и он должен знать о его последствиях [12].

Предметом преступного посяательства являются только вышеуказанные активы в значительном размере, законность оснований приобретения которых не подтверждена доказательствами. Поэтому при расследовании незаконного обогащения обязательно следует установить такой размер соответствующих активов с помощью определенных процессуальных действий, в том числе путем назначения судебных экспертиз.

Выводы. По результатам проведенного исследования можно сделать выводы относительно предмета незаконного обогащения, которые имеют важное значение для методики расследования таких уголовных правонарушений.

1. Предметом преступных посятельств в незаконном обогащении являются денежные средства, иное имущество, доходы от денежных средств и имущества. Чаще всего предметом таких преступлений являются автомобили, земельные участки, квартиры.

2. Для расследования незаконного обогащения важны отдельные признаки предмета преступного посяательства, которые необходимо доказать в каждом уголовном произ-

водстве: 1) форма предмета (денежные средства, иное имущество, доходы от денежных средств и имущества); 2) его размер, который обязательно должен быть значительным; 3) отсутствие доказательств, которыми подтверждается законность приобретения соответствующих предметов.

3. Обязанность доказывания того факта, что законность приобретения активов как предмета незаконного обогащения не подтверждена доказательствами, возлагается исключительно на органы досудебного расследования. Следовательно, расследование незаконного обогащения не сопровождается нарушением такой общей основы уголовного производства, как презумпция невиновности и обеспечение доказанности вины.

Список использованной литературы:

1. Шепитько В.Ю., Шевчук В.М., Белоус В.В., Керик Л.И. Система мер противодействия незаконному обогащению в современных условиях. *Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики*. 2016. Вып. 16. С. 5–16.
2. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины / [Бойко А.М., Брич Л.П., Дудоров А.А. и др.]; под ред. М.И. Мельника, М.И. Хавронюка. 10-е изд., перераб. и дополн. Москва : ИД «Дакор», 2018. 1360 с.
3. Вознюк А.А. Уголовное право Украины. Общая часть: конспект лекций / А.А. Вознюк; вступительное слово д.ю.н., проф. А.А. Дудорова. Москва : Нац. акад. внутр. дел, 2016. 236 с.
4. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины / Д.С. Азаров, В.К. Гришук, А.В. Савченко [и др.]; под общ. ред. А.Н. Джужа, А.В. Савченко, В.В. Черней. 2-е изд., перераб. и дополн. Киев : Одиссей, 2018. 1104 с.
5. Книженко А.А. Проблемные аспекты уголовной ответственности за незаконное обогащение. *II Вестник Криминологической ассоциации Украины № 2 (10)* : сборник научных трудов / редкол. А.М. Бандурка (глав. ред.) и др. Харьков : ХНУВД, 2015. С. 112–118.
6. Трепак В. Незаконное обогащение: кого и за что наказывать. *Зеркало недели*. 2016. 25 ноября. URL: http://gazeta.dt.ua/internal/nezakonnezbagachennya-kogo-i-za-scho-karatimut_.html.
7. Михайленко Д.Г. Противодействие коррупционным преступлениям средствами уголовного права: концептуальные основы : монография. Одесса : Издательский дом «Гельветика», 2017. 582 с.
8. Настольная книга детектива, прокурора, судьи : [комментарий антикоррупционного законодательства] / под ред. М.И. Хавронюка. Киев : ИД «Дакор», 2016. 496 с.
9. Дудоров А.А. Уголовно-правовые аспекты незаконного обогащения (взгляд теоретика в ожидании судебной практики). *Юридический электронный научный журнал*. 2017. № 1. С. 129–142. URL: http://lsej.org.ua/1_2017/35.pdf
10. Копытова А.С. Отдельные теоретические проблемы неопределенности понятия подтверждения законности оснований приобретения активов. Реализация государственной антикоррупционной политики в международном измерении [Текст] : материалы ИИИИ Междунар. научно-практической. конф. (Киев, 7 дек. 2018) : в 2 ч. / Редкол.: В.В. Черней, С.Д. Гусарев, С.С. Чернявский и др. Киев : Нац. акад. внутр. дел, 2018. Ч. 2. С. 131–133.
11. Расследование незаконного обогащения [Текст] : метод. рек. / А.М. Стрельцов, С.С. Чернявский, В.И. Василичук и др. Киев : Нац. акад. внутр. дел, 2018. 86 с.
12. Хавронюк М.И. Рецензия на статью Виктора Трепака «Незаконное обогащение: кого и за что наказывать». URL: <http://pravo.org.ua/ua/news/20871749-retsenziya-na-stattuyuviktortrepaka-nezakonnezbagachennya-kogo-i-za-scho-karatimut>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черенков Артур Михайлович – аспирант лаборатории по проблемам противодействия преступности Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Cherenkov Artur Mikhaylovich – Postgraduate Student of Laboratory on the Problems of Combating Crime of the National Academy of Internal Affairs

NOTIȚE